A SIGNET MYSTERY • T4422 • 75¢

The Four of Hearts by Ellery Queen

AMERICA'S MASTER CRIME SOLVER

Четверка червей
Эллери Куин

Эллери Квин. Четверка червей
Часть первая
Глава 1. Голливудский «Божий дар»
Глава 2. Обсуждение сценария
Глава 3. Мистер Квин видит звезды
Глава 4. Все кувырком
Глава 5. Унесенные ветром
Часть вторая
Глава 6. Шоколадные горы
Глава 7. Старик
Глава 8. Многозначительные мелочи
Глава 9. Девятка треф
Глава 10. Свобода печати
Глава 11. Карты правду говорят
Часть третья
Глава 12. Объединенная компания. международных почтовых пересылок
Глава 13. Мистер Квин — логик
Глава 14. Мистер Квин — противник браков
Глава 15. Мистер Квин — ищейка
Глава 16. Мистер Квин — предатель
Глава 17. Danse amoureuse

Глава 18. Ученики чародея
Часть четвертая
Глава 19. Четверка червей
Глава 20. Воздушный замок
Глава 21. Экскурсия во времени
Глава 22. Начало конца
Глава 23. Конец начала

Эллери Квин
Четверка червей

Ellery Queen: “The Four of Hearts”, 1938
Перевод: Л. Н. Ненадкевич

Часть первая

Глава 1
Голливудский «Божий дар»

Отлично известно, что любой, подвергающийся воздействию Голливуда более шести недель, становится ни с того, ни с сего неизлечимым психом.

Мистер Эллери Квин нащупал в раскрытом чемодане бутылку шотландского виски.

— За Голливуд, город сумасбродов! Пей до дна! — Он проглотил все, что оставалось в бутылке, и отшвырнул ее в сторону, продолжая укладываться. — Прощай, Калифорния! Я уезжаю — неоплаканный, непризнанный и невоспетый! Ну и черт с тобой!

Алан Кларк улыбнулся той загадочной улыбкой Моны Лизы[1], по которой безошибочно узнаешь члена братства голливудских посреднических агентов, будь он толстым или худым, высоким или низеньким, юным и свежим или изрядно потрепанным жизнью. Улыбкой мудреца, святого,

---

[1] Примечания: 1

Имеется в виду портрет Моны Лизы (т. н. «Джоконда») Леонардо да Винчи, на котором женское лицо озарено как бы «невидимой» улыбкой. — *Здесь и далее примечания редактора перевода.*

циника, все знающего и все понимающего.

— Вы, новички, поначалу все ведете себя одинаково. Те, кто выдерживают, избавляются от комплексов и приживаются. Те, кто не выдерживают, поджимают хвост и, скуля, возвращаются на Восток.

— Если ты пытаешься вызвать во мне праведный гнев, Алан, — проворчал Эллери, пнув ногой свою объемистую сумку для гольфа, — то прекрати бесполезные попытки. Я собаку съел на всех ваших хитрых посреднических уловках!

— А какого же дьявола ты ждал — контракт по классу «А» в первую же неделю, как только ты сунул сюда нос, и торжественный банкет в твою честь в «Кокосовой роще»?

— Работу, — коротко бросил Эллери.

— Фу-у, — протянул агент. — Здесь не работа, здесь искусство. Ведь и Рембрандт не начинал сразу с Сикстинской Капеллы[2], верно? Дай себе время пристроиться, пообвыкнуть, познакомиться со всеми ходами и выходами...

— Похоронив себя в склепе, называемой конторой, куда меня посадили, и целыми днями плюя в потолок?

---

[2] Примечания: 2

Церковь в Ватикане конца XV в. с росписями стен величайших художников Возрождения. Рембрандт не имеет к ней никакого отношения.

— Конечно, а почему бы и нет? — мягко произнес Кларк. — Ведь деньги-то платит «Магна», разве не так? Если студия вкладывает в тебя полуторамесячное жалование, то неужели ты думаешь, что они не соображают, что делают?

— Ты меня спрашиваешь? — фыркнул Эллери, швыряя вещи в чемодан. — Так я тебе отвечу: нет!

— Тебе надо почувствовать, вжиться в специфику кино, Квин, прежде чем приниматься за сценарий. Ты же не поденщик. Ты писатель, художник — и толковый, тонкий сыщик.

— Черт-те что, и луковица сбоку!

Кларк усмехнулся, сдвинув шляпу на затылок.

— Рад познакомиться, так сказать... И тем не менее, в чем дело? У тебя здесь будущее. Ты — генератор идей, а именно за это и платят в Голливуде. Ты им нужен.

— «Магна» подписывает со мной полуторамесячный контракт с правом на возобновление; сегодня кончаются шесть недель, они ни слова нс говорят о возобновлении контракта, и это означает, что я им нужен! Типичная голливудская логика!

— Им просто не понравилось, как составила контракт их нью-йоркская контора. Такое здесь

постоянно случается. Поэтому они подождали, пока истечет срок контракта, и теперь предложат тебе новый. Вот увидишь!

— Меня пригласили сюда сочинять сценарий и диалоги для ковбойского фильма. А что я сделал за шесть недель? Никто не обращал на меня ни малейшего внимания; я так ни разу и не смог повидаться или поговорить с Жаком Бутчером… Ты знаешь, сколько раз я пытался связаться с Бутчером, Алан?

— Надо иметь терпение. Бутч — это Чудо-мальчик Голливуда. А ты всего лишь паршив… один из многочисленных здешних писателей.

— Ты не сможешь подтвердить это ничем из того, что я написал, потому что я не написал ничего! Нет, сэр, я еду домой!

— Конечно, конечно, — успокаивающе проговорил агент. — Вот, возьми — ты забыл положить вишневую футболку. Я тебя понимаю. Ты нас ненавидишь до чертиков. Ты не можешь доверять здесь даже своему лучшему другу: он использует твой затылок как ступеньку в лестнице наверх, стоит тебе только отвернуться. Я знаю. Мы хамы и грубияны…

— Притом непоследовательные!

— Наше искусство…

— Искусственное!

— Швыряемся деньгами направо и налево…

— Грызетесь, как собаки!

— И тем не менее, — ухмыльнулся Кларк, — со временем ты привыкнешь и полюбишь все это. Так со всеми бывает. И станешь загребать куда больше денег, сочиняя киносценарии, чем ломая себе голову над тем, кто перерезал глотку Кэ-дуоллейдеру Сент-Суизину ножом для разделки бифштексов в комнате номер двести два. Послушайся моего совета, Квин, и оставайся!

— Насколько я понимаю, — заявил Эллери, — инкубационный период голливудской лихорадки длится шесть недель. После этого срока человек становится безнадежно зараженным. Так что мне лучше поскорее убраться отсюда, пока я в своем уме!

— У тебя еще есть десять дней, чтобы заказать билет до Нью-Йорка.

— Десять дней! — Эллери слегка поежился. — Да если бы не убийство Спета, я давно был бы уже на Востоке!

Кларк широко раскрыл глаза.

— Так вот почему мне показалось подозрительным то, с каким видом Глюке нацепил на себя медаль!

— Эх, выпустил-таки я кота из мешка! Не болтай об этом, Алан, ладно? Я обещал инспектору Глюке…

Агент еле сдержал порыв негодования:

— Ты хочешь сказать, стоя здесь сейчас передо мной, что расколол дело Спета, и у тебя не хватило ума размножить свою улыбающуюся физиономию по первым страницам газет?

— Для меня это ничего не значит. Куда, к черту, запропастились эти узконосые туфли?

— Да ведь с такой известностью ты мог бы без стука входить в любую голливудскую студию и выписывать себе хоть дюжину билетов куда угодно! — Кларк немного успокоился, и когда Эллери поднял на него глаза, он вновь увидел прежнюю невозмутимую улыбку Моны Лизы.

— Послушай, — сказал Кларк. — У меня родилась великолепная идея…

Эллери уронил туфли на пол:

— Но постой, Алан…

— Предоставь все мне. Я гарантирую полную…

— Я же сказал, что дал Глюке слово!

— Ну и черт с ним! Ладно, ладно; я узнал об этом деле где-нибудь на стороне. Ты останешься белокурым и добропорядочным пай-мальчиком…

— Нет!

— Пожалуй, — агент задумчиво потянул на себя нижнюю губу, — начну-ка я сперва с «Метро»[3]...

— Алан, категорически нет!

— А потом звякну в «Парамаунт» и «Двадцатый век»[4], и возможно, сумею заинтересовать и их. Столкну их вместе между собой. А «Маша» будет, как миленькая, клевать зернышки из моих рук! — Он хлопнул Эллери по плечу: — Не я буду, если не обеспечу тебе двадцать пять сотен в неделю!

В этот критический момент зазвонил телефон. Эллери бросился к нему.

— Мистер Квин? Не кладите трубку. Звонит мистер Бутчер.

— Мистер кто? — спросил Эллери.

— Мистер Бутчер.

— Бутчер?

— Бутчер! — Кларк сдвинул шляпу на уши. — Видишь, а что я тебе говорил? Бутчер Великий! Где у тебя второй телефон? Смотри, пока ни слова о деньгах! Прощупай его хорошенько. О, счастливчик! — Он сломя голову бросился в спальню.

— Мистер Квин? — прозвучал в трубке резкий

---

[3] Примечания: 3

Знаменитая голливудская кинокомпания «Метро Голдвин Майер» (МГМ).

[4] Примечания: 4

Голливудские кинокомпании «Парамаунт» и «XX век — Фокс».

живой молодой голос. — Говорит Жак Бутчер.

— Как вы сказали — Жак Бутчер? — пробормотал Эллери.

— Уже четыре дня пытаюсь отыскать вас в Нью-Йорке. Наконец получил ваш адрес от вашего отца в Главном полицейском управлении. Что вы делаете в Голливуде? Заскочите ко мне сегодня.

— Что я де… — Эллери запнулся. — Простите, не понял.

— Что? Я сказал: каким образом вы очутились на побережье? Отдыхаете?

— Извините меня, — промолвил Эллери. — Это Жак Бутчер, исполнительный вице-президент, ответственный за работу киностудии «Магна» в Голливуде, Калифорния, Соединенные Штаты Америки?.. — Он сделал паузу. — Планета Земля?

Наступило молчание. Затем в трубке послышалось:

— Как вы сказали?

— Вы не досужий шутник?

— Что? Алло! Мистер Квин? — Снова мертвый временной период, словно Бутчер на другом конце провода лихорадочно перелистывал страницы записной книжки. — Я говорю с Эллери Квином, автором детективных повестей? Где же, черт… Мэдж! Мэдж! Опять вы соединили меня не с тем,

с кем нужно?

— Подождите, — глухо сказал Эллери в трубку. — Мэдж соединила вас с тем, с кем надо, все в порядке. Но мои мозги что-то плохо работают в последние дни, мистер Бутчер. Приходится всякий раз настраивать их. по-новому после каждого очередного сюрприза. Так ли я понял, что вы спрашиваете, нахожусь ли я здесь, в Голливуде, в отпуске?

— Ничего не понимаю! — Резкий голос говорившего заметно притупился. — Очевидно, линии спутались. Вы хорошо себя чувствуете, Квин?

— Хорошо? — взревел Эллери, залившись пунцовой краской. — Я чувствую себя ужасно! Вы, несравненный олух царя небесного, да я нахожусь на службе у вас в студии вот уже шесть бесконечных недель, и вы спрашиваете меня, не отдыхаю ли я здесь!

— Как? — воскликнул продюсер. — Вы уже шесть недель на студии? Мэдж!

— Я звонил в вашу контору дважды в день, по шести дней в неделю, что составляет семьдесят два раза, не считая воскресений, — именно столько раз я пытался поговорить с вами, вы, тупоголовый обалдуй! А вы телеграфируете в Нью-Йорк, разыскивая мой адрес!

— Почему… никто… ничего… не сказал мне об этом?

— Я здесь торчу, завязнув по самый бампер, — ревел в трубку Эллери, — в этой собачьей конуре, которую мне предоставили ваши клевреты, чтобы я дремал в ней целый день — в течение полутора месяцев, вы слышите? — теряя вес, изругавшись вконец, медленно подыхая всего в сотне футов от вашей конторы — а вы разыскиваете меня в Нью-Йорке! — Голос Эллери звучал устрашающе. — Я сойду с ума, я уже сумасшедший! Знаете что, мистер Бутчер? Вы — безмозглый осел! Дважды безмозглый осел!

И он величественным жестом швырнул трубку на рычаг аппарата.

Кларк торопливо выскочил из спальни, довольно потирая руки:

— О, чудесно, восхитительно! Все в порядке! Мы устроены!

— Пошел вон, — сказал Эллери, постепенно остывая. — Что ты сказал?

— Такого не происходило с тех пор, как Гарбо[5] дала свое последнее интервью «Скрин Скуиджиз», — ликующе заявил агент. — Сказать Бутчеру, что

---

[5] Примечания: 5

Гарбо (Густафссон) Грета (1905–1990) — американская актриса шведского происхождения.

он осел! Ну, теперь мы кое-чего добились!

— Теперь… — проговорил Эллери, щупая свой лоб, — теперь… мы… кое-чего… добились?

— Бутчер — великий человек! Крупнейший из всех деятелей кино. Что за удача! Бери свою шляпу!

— Погоди… Пожалуйста, погоди! Куда мы идем?

— На встречу с Чудо-мальчиком, разумеется! Пошли скорее!

И агент выскочил за дверь, весьма довольный жизнью, окружающим миром и всем запутанным и громогласным развитием событий.

С минуту Эллери сидел неподвижно. Но, поймав себя на том, что кладет коробок спичек на голову, сует поля шляпы в рот и трет сигарету о каблук, пытаясь ее зажечь, он издал нечленораздельный звук и последовал за своим агентом с озадаченным видом человека, который отчаялся что-либо понять.

* * *

В каждой голливудской студии имелся свой чудо-мальчик. Но Жак Бутчер, как признавали даже остальные чудо-мальчики, был Чудо-мальчиком среди них всех.

Образец совершенства занимал под офис четырехкомнатное бунгало в центре параллелограмма производственных зданий на территории киностудии «Магна». Бунгало, как мрачно заметил Эллери, являлось воплощением представления неизвестного архитектурного гения об испанском здании, которое испанский администратор, ответственный за выпуск испанских фильмов, соорудил бы в своей родной Испании на фоне кровавых драк и орудийной канонады. Оно было очень желтым, очень оштукатуренным, очень мавританским и очень многоарочным; в нем было столько черепицы, кафеля, остроконечных крыш и патио[6], что ни один нанюхавшийся кокаина идальго не смог бы себе представить ничего подобного в самом страшном ночном кошмаре. Одним словом, оно было грандиозно.

Кабинет второго секретаря — который оказался второй секретаршей — явно задуманный для женского персонала, напоминал зенану[7] мавританского принца.

Эллери, разглядывая этот лепной и раззолоченный мишурный пряник, недовольно помор-

---

[6] Примечания: 6
Патио — внутренний двор в испанском доме.

[7] Примечания: 7
Зенана — женская половина дома (*англо-инд.*).

щился. Султан-постановщик, очевидно, должен был восседать на усыпанном аметистами троне, посасывая золоченый кальян и диктуя свою волю двум гуриям в купальниках. Что касается мистера Алана Кларка, то его манеры становились все менее энергичными и решительными по мере того, как мистер Квин становился все более твердым и самоуверенным.

— Мистер Бутчер сейчас примет вас, — жалобно проговорила вторая секретарша. — Не желаете ли присесть?

— Вы, — осведомился мистер Квин с ядовитой любезностью в тоне, — должно быть, Мэдж?

— Да, сэр.

— Ха! — сказал мистер Квин. — Я с удовольствием присяду!

И он присел. Вторая секретарша прикусила надутые губки с таким видом, словно главным желанием ее в данный момент было разразиться слезами.

— Может, нам лучше прийти завтра, — шепнул агент. — Если ты намерен проявлять такую враждебность и недоброжелательность…

— Позволь мне напомнить тебе, Алан, — благодушно заметил Квин, — что явиться сюда было твоей идеей. Я в самом деле с нетерпением ожи-

даю этой встречи. Я представляю себе его: мешки под глазами, одет согласно представлению машинистки из Радио-Сити о том, как должен одеваться Роберт Тейлор[8], с маникюршей по одну сторону и с евнухом по другую…

— В другой раз, — проговорил Кларк, вставая. — Думаю, завтра…

— Садись, приятель! — сухо отрезал Квин.

Кларк снова сел и принялся кусать ногти, ворча что-то себе под нос. Дверь отворилась, и он опять вскочил со стула.

Но это был всего лишь бледный мужчина, очевидно, первый секретарь.

— Мистер Бутчер просит вас, мистер Квин.

Мистер Квин усмехнулся. Вторая секретарша выглядела так, словно готовилась упасть в обморок, первый секретарь был неестественно бледен, а Кларк неустанно вытирал платком вспотевший лоб.

— Он очень любезен, — пробормотал мистер Квин, входя во владения первого секретаря. — О, все точно так, как я и предполагал. В худшем их

---

[8] Примечания: 8

Тейлор Роберт (Бру Спенсер Арлингтон) (1911–1969) — американский актер.

всех возможных стилей. Le mauvais goût[9].

— Совершенно верно, мистер Квин, — сказал первый секретарь. — То есть, я хочу сказать…

— Между прочим, каковы здесь правила этикета? Надо ли преклонять колени и целовать ему руку или достаточно земного поклона?

— Пинок под зад больше подойдет, Kamerad[10], — послышался спокойный голос.

Мистер Квин обернулся. В дверях стоял молодой человек с высоко поднятыми руками. На нем были потертые испачканные холщовые штаны, открытые сандалии на босу ногу иг клетчатая рубаха лесоруба с расстегнутым воротом. Что было еще более удивительно, в зубах у него дымилась видавшая виды глиняная трубка, издававшая резкий отвратительный запах; пальцы его были в чернилах и, судя по его густой щетине, он не брился, по меньшей мере, дня три.

— Я думал… — начал мистер Квин.

— Вне всякого сомнения, я заслужил доброго пинка, — сказал Чудо-мальчик. —. Выдадите мне его сейчас или прежде потолкуем?

— Так вы и есть Бутчер? — Мистер Квин с тру-

---

[9] Примечания: 9
Дурной вкус (*фр.*).

[10] Примечания: 10
Приятель, товарищ (*нем.*).

дом проглотил подкатившийся к горлу комок.

— Виновен, ваша честь. Послушайте, это был самый дурацкий номер из всех, которые я наблюдал в этом городишке, — а можете мне поверить, мы здесь частенько выкидываем головоломные трюки! — Он энергично потряс руку Эллери. — Привет, Кларк. Вы агент Квина?

— Да, мистер Бутчер, — проговорил Кларк. — Да, сэр!

— Заходите же, вы оба, — пригласил Чудо-мальчик, проходя первым. — Не обращайте внимания на поддельную роскошь и пышность этого дурацкого сооружения, Квин. Проклятая лачуга досталась мне в наследство. Она была построена старым Зигмундом в свободные дни, когда он разбрасывал деньги акционеров, как пьяный скряга в субботу вечером. Тем не менее, я постарался переоборудовать свой кабинет, чтобы в нем можно было работать. Заходите!

Эллери едва удержался от почтительного: «Да, сэр!». Он вошел.

Это было нечестно! Бутчер со своими проницательными зелеными глазами, рыжей шевелюрой и мальчишеской улыбкой в сочетании с великолепно небрежным костюмом выглядел абсолютно нормальным человеком! А «святая святых»?

Исходя из внешних и внутренних декораций, каждый был бы вправе ожидать роскошного интерьера в латино-восточном стиле с гобеленами, изразцами и инкрустацией из ценных древесных пород. Но никакие портьеры не заслоняли солнца; стены были отделаны панелями из простой сосны, и старый деревянный письменный стол в старинном испанском католическом стиле, носивший на себе царапины от туфель для гольфа и многочисленные следы ожогов от сигарет, стоял кое-как посредине стайки нормальных честных стульев. На столе в беспорядке громоздились свидетельства интенсивной работы — желтые листы бумаги, исчерканные вдоль и поперек чернильными записями, глиняная модель декорации танцевального зала, старая, изрядно поцарапанная пишущая машинка, фотографии, ксероксы, жестянка с пленкой. Книги, выглядевшие так, словно их действительно читали, сгрудились на простых сосновых стеллажах вдоль стен, и маленький открытый переносной бар у письменного стола, забитый всевозможными бутылками, находился всегда под нетерпеливой рукой, как и полагалось бару.

— Выбросил весь ненужный хлам, — весело сказал Чудо-мальчик. — Видели бы вы эту кар-

тинку! Ну, садитесь, ребята. Выпьете что-нибудь?

— Это нечестно, — простонал мистер Квин, опускаясь на стул и поеживаясь.

— Что?

— Он хочет сказать, что ему не хватает воздуха, — поспешно подсказал Алан.

— И ничего удивительного после такого приема, которого он был удостоен, — отозвался молодой человек, бросившись открывать все окна. — Пропустите-ка глоточек шотландского, Квин. Это вам не помешает.

— Бренди, — едва слышно пробормотал мистер Квин.

— Бренди! — Чудо-мальчик явно обрадовался. — Вот человек, понимающий толк в выпивке. Это снадобье подстегивает ваш старый мотор, но зато какое удовольствие потом дожидаться коронарного тромбоза! Вот что я сделаю с вами, Квин! Я открою пару бутылочек стодвадцатипятилетнего

Наполеона, который я берег для своей свадьбы. Как между друзьями, а?

Мистер Квин колебался между демоном предубеждения и открытой улыбкой Чудо -мальчика. Пока он колебался, искуситель наклонил опаленную солнцем бутылку и разлил по бокалам золотистый напиток.

Это было уже слишком. Предполагавшийся гневный обличитель молча взял бокал из тонкого стекла и погрузил нос в соблазнительный аромат старого коньяка.

* * *

— А теперь — за тебя, — сказал мистер Квин, когда они раскупорили очередную бутылку.

— Нет-нет — за тебя! — возразил Бутчер.

Дружелюбное солнце освещало территорию «Магны» снаружи, дружелюбная атмосфера в комнате была приятной и прохладной, дружелюбный коньяк был настоящим блаженством, и они были старыми добрыми друзьями.

— Я ошибался, Бутчи-бой! — пылко заявил Квин.

— Нет-нет, — возразил Бутчи-бой, колотя себя в грудь. — Это я ошибался, Эл, старый дружище!

Кларк ушел, отпущенный Чудо-мальчиком. Он удалился с тревожным чувством, потому что магия административных методов Бутчи-боя была притчей во языцех в Голливуде, и как хороший и добросовестный литературный агент Кларк подозревал недоброе, оставив своего клиента наедине с этим кудесником.

И не без оснований. Его клиент был уже готов

трудиться и умереть ради доброй старой «Магны».

— Не понимаю, как я так недо… недооценивал тебя, Бутчи, — говорил мистер Квин чуть нс плача. — Хоть ты и был полным и абс… абсолютным ослом. Поверь моему слову!

— А я и есть осел, — подтвердил Бутчер. — Не удивительно, что у людей складывается превр… превратное мнение о Голливуде. Такой анект… анекдотикский случай. Я стану всеобщим посмешищем!

Мистер Квин схватил бокал и сверкнул глазами:

— Покажи мне первого, кто посме… посмеет смеяться над тобой, и я заставлю его проглотить насмешку вместе с зубами!

— Друг мой!

— Но никто не должен распр… распространяться об этом, Бутч. Все должно оставаться между нами и Аланом Кларком. — Мистер Квин с досадой щелкнул пальцами. — Черт возьми, он проболтается!

— Конечно, проболтается. Разве ты не знал, что все агенты — крысы? Долой агентов!

— Грязная вонючка! — яростно воскликнул мистер Квин, вставая. — Завтра утром все будет

опубликовано в «Верайети»!

Мистер Бутчер расплылся в улыбке:

— Садись, старый дружище! Я утер ему нос.

— Не может быть! Каким образом?

— Я сам рассказывал всю ишт… ишторию в «Верайети» перед вашим приходом!

Мистер Квин взвыл от восторга и хлопнул Чудо-мальчика по спине. Чудо-мальчик хлопнул по спине его, и оба упали друг другу в объятия.

Первый секретарь обнаружил их спустя еще полбутылки на полу среди многочисленных листов желтой бумаги, обсуждающих с абсолютно трезвым видом сюжет детективной киноленты, в которой Эллери ван Кристи, всемирно известный сыщик, убивает Жака Бушерра, всемирно известного кинопродюсера, и с дьявольским коварством и хитростью сваливает вину за преступление на некоего Алана Кларкуэлла, подлого типа, совавшего свой нос во все дырки и делавшего невыносимой жизнь честных авторов сценария.

Глава 2
Обсуждение сценария

Первый секретарь, посовещавшись со второй секретаршей, и пока та бегала за сырыми яйцами, аспирином и томатным соком, затащил творческий дуэт в старую зигмундовскую, еще добутчерскую, туалетную комнату, уговорил их раздеться, вежливо втолкнул их под душ, открыл холодную воду и почтительно удалился под вопли и стенания, чтобы позвонить тренеру в студийный гимнастический зал.

Час спустя они появились из душевой, наполненные до краев томатным соком с благочестием новоиспеченных адептов трезвого образа жизни, похожие на пару утопленников, выброшенных приливом на берег. Эллери плюхнулся на ближайший стул и схватился руками за голову, словно боялся, что она улетит прочь.

— Что произошло? — простонал он.

— По-моему, дом рухнул нам на голову, — сказал продюсер. — Хауард, отыщите Лу Бэскома. Скорее всего вы найдете его на двенадцатой площадке; он там играет в кости с персоналом. О, моя

голова! — простонал он, когда первый секретарь удалился выполнять поручение.

— Алан Кларк меня убьет, — встревоженно заявил Эллери. — Ты, злодей, заставил меня что-нибудь подписать?

— Откуда я знаю! — проворчал Чудо-мальчик, после чего оба взглянули друг на друга и расхохотались.

На некоторое время в комнате воцарилась тишина и тягостная атмосфера общего страдания. Затем Бутчер принялся ходить по кабинету из угла в угол. Эллери закрыл глаза, болезненно пораженный такой сверхчеловеческой выносливостью. Он раскрыл их в ответ на резкий звук голоса Бутчера и обнаружил, что сей достойный джентльмен изучает его в упор проницательными зелеными глазами.

— Эллери, я хочу, чтобы ты вернулся на студию.

— Пошел вон, — устало ответил Эллери.

— На сей раз я обещаю: ты будешь работать, как ломовая лошадь!

— Над сценарием? — Эллери скорчил гримасу. — Я не могу отличить «наплыв» от «съемки из затемнения». Послушай, Бутч, ты по-настоящему хороший парень и все такое, но это не мое дело.

Позволь мне уползти назад в Нью-Йорк…

Чудо-мальчик улыбнулся:

— Мне действительно нужен такой зеленый новичок, как ты. Черт побери, да у меня дюжина писателей, которые забыли о сценариях больше, чем ты узнаешь за миллион лет!

— Так за каким дьяволом я тебе понадобился?

— Я читал твои книжки и следил за твоими расследованиями довольно долго. У тебя замечательный дар. Ты объединяешь точный анализ с творческим воображением. И ты обладаешь свежестью восприятия, которую здешние старики, отягощенные штампами и киношными традициями, давно утратили. Одним словом, моя работа — откапывать таланты, и думаю, что ты врожденный сценарист. Продолжать дальше?

— Когда ты говоришь такие комплименты? — вздохнул Эллери. — Конечно!

— Знаешь Лу Бэскома?

— Слышал. Он писатель, верно?

— Лу думает, что он писатель. А на самом деле он гений фабулы. Киношной фабулы. Выдает их горяченькими, с пылу, с жару. Самая замечательная идея — братья Уорнер[11] купили ее потом

---

[11] Примечания: 11

Голливудская кинокомпания «Братья Уорнер».

за двадцать пять тысяч, а заработали на ней два миллиона, — пришла ему в голову за игрой в покер, когда он так набрался, что не мог отличить туза от валета. Великолепный простофиля продал идею другому сценаристу в уплату за карточный долг в сто долларов… Так вот, ты будешь работать с Лу. Будете вместе обрабатывать оригинал.

— Какой оригинал? — простонал Эллери.

— Оригинальную идею, которую он только что мне продал. Если я позволю Лу работать над ней в одиночку, то из этого получится самая фантастическая белиберда из всех, что кому-либо приходилось слышать, если вообще что-нибудь получится, в чем я сомневаюсь. Поэтому я хочу, чтобы ты разрабатывал сюжет вместе с ним.

— А он знает о твоем желании подсунуть ему соавтора? — сухо спросил Эллери.

— Он скорее всего уже пронюхал об этом; в студии невозможно ничего сохранить в секрете. Но ты не беспокойся насчет Лу: с ним будет все в порядке. Непостоянный, умнейший и благороднейший человек по природе, блестящий талант, абсолютно независимый, игрок, бабник, волокита, неисправимый пьяница — в общем, прекрасный парень!

— Хм-м, — с сомнением протянул Эллери.

— Только не спускай с него глаз и не давай ему поблажки. Ты будешь искать его, чтобы засадить за работу, а он в это время, возможно, в Лас-Вегасе проигрывает в кости свой последний доллар. Когда он появляется в компании, то поджигает свечу сразу с обоих концов. Никто в городе не помнит, когда Лу видели здесь сравнительно трезвым… Извини, минутку… — Бутчер нажал на клавишу коммутатора: — Да, Мэдж?

— Мистер Бэском только что промчался мимо конторки, мистер Бутчер, — жалобно произнес голос второй секретарши. — И по пути он снова схватил мой нож для вскрывания конвертов. Я подумала, вам следует знать об этом…

— Она сказала — нож? — встревоженно воскликнул Эллери.

Толстый человечек влетел в кабинет, точно жирная молния. Бесформенный костюм сидел на нем неряшливо; у него были надутые щеки, нос, похожий на вареную луковицу, завитые усы, всклоченные волосы, бегающие беспокойные глаза и чересчур румяный цвет лица, не являвшийся следствием долгого пребывания на открытом воздухе.

Ворвавшийся притормозил у порога, проделав несколько сложных па причудливого танца,

долженствовавшего символизировать крайнюю степень негодования, неистово размахивая длинным ножом для разрезания бумаги. Затем он прыгнул через ковер к столу Чудо-мальчика, за которым сидел оцепеневший мистер Квин, и сунул стальное лезвие прямо под окаменевший нос последнего.

— Видишь это? — заорал он.

Мистер Квин молча кивнул. Он предпочел бы не видеть.

— Знаешь, что это такое?

Мистер Квин проглотил тугой комок, подкативший к горлу:

— Нож…

— Знаешь, где я его взял?

Мистер Квин покачал головой в ответ на столь непонятный допрос. Толстяк с размаху воткнул клинок в крышку письменного стола Жака Бутчера, где нож и остался торчать, зловеще дрожа.

— В моей спине! — рявкнул мистер Бэском. — Знаешь, кто вонзил его туда? Ты, крыса!

Мистер Квин на всякий случай отодвинулся вместе со стулом на один дюйм.

— Ты это сделал, ты — подлый нью-йоркский похититель чужих сюжетов! — вопил Бэском; схватив бутылку виски из бара Чудо-мальчика, он

присосался к ее темно-коричневому горлышку.

— Это, — проговорил Квин, — конечно, продолжение скверного сна?

— Да нет, — с отсутствующим видом махнул рукой Бутчер. — Это всего лишь Лу собственной персоной. Постоянно все драматизирует. Такое случается в начале каждой постановки. Послушай, Лу, ты неправильно понял Квина — Эллери Квин, мистер Лу Бэском.

— Как поживаете? — формально спросил мистер Квин.

— Паршиво, — проворчал Лу из-за бутылки.

— Квин всего лишь намерен помочь тебе с обработкой сюжета, Лу. Так или иначе, это, разумеется, твоя работа. И, разумеется, твое имя будет первым в афишах.

— Это верно, — подтвердил Эллери с заискивающей улыбкой. — Я всего лишь ваш маленький помощник, Лу, старина!

Влажные губы Бэскома растянулись в благожелательной улыбке.

— Это меняет дело, — любезно произнес он. — Вот, дружище, дерни-ка глоточек! Или два глоточка. И ты тоже, Бутч. Давайте каждый дернем по два глоточка!

Увещевания благоразумного Алана Кларка, мир

и здравый смысл спокойных улиц Нью-Йорка, нормальная житейская суета, казалось, унеслась на многие миллионы световых лет. Мистер Квин, невзирая на похмелье и прочие драматические переживания, с мужеством отчаяния выхватил бутылку из рук мистера Бэскома.

* * *

В офисе Чудо-мальчика нашлась свободная рабочая комната, слегка пахнущая дезинфекцией и обставленная со всей роскошью уединенной кельи монаха, истязающего свою плоть.

— Вот сюда я скрываюсь, когда хочу подумать, — объяснил Бутчер. — Вы, ребята, будете пользоваться этим помещением все время, пока будете на контракте; я хочу постоянно иметь вас поблизости.

Эллери, оказавшись лицом к лицу с перспективой быть заключенным в клетку с четырьмя голыми стенами и с джентльменом, чьи причуды ничем не отличались от повадок маниакального убийцы, молча поднял на Чудо-мальчика умоляющие печальные глаза. Но Бутчер всего лишь усмехнулся и захлопнул дверь перед его носом.

— Ну ладно, — раздраженно произнес Бэском. — Садись и слушай. Считай, что ты допущен на

равных основаниях на конкурс Академии Киноискусства будущего года.

С отчаянием поглядывая на дверь, ведущую в патио и к возможному спасению в случае острой необходимости, Эллери осторожно присел на стул. Лу улегся навзничь на полу и прицельно плюнул в раскрытое окно, заложив руки за нечесанную голову.

— Я вижу все это, — мечтательно проговорил он. — Толпа, репортеры, журналисты, идиотские речи…

— Оставь-ка рекламу, — сказал Эллери. — И давай факты, пожалуйста.

— Что бы ты сказал, — продолжал Лу тем же мечтательным тоном, — если бы «МГМ» ни с того, ни с сего стала бы снимать фильм из жизни Гарбо? А?

— Я бы сказал, что тебе следует прощать эту идею «МГМ».

— Нет-нет, ты не понял. И они, к тому же, будут снимать саму Гарбо в роли самой себя, а? Ее личную жизнь! — Лу торжествующе умолк. — Послушай, что это с тобой? Разве ты не представляешь себе: ее целомудренная девичья

жизнь в Швеции, встреча с гением Стиллером[12], контракт со Стиллером в Голливуде — он берет с собой неуклюжую девочку, Голливуд покорен ею, а к Стиллеру охладевает. Стиллер отдает концы, любовь Джилберта[13], разбитое сердце, скрывающееся за невозмутимой маской — о Боже мой!

— Но согласится ли мисс Гарбо? — поинтересовался Эллери.

— Или предположим, — продолжал Лу, игнорируя его замечание, — что «Парамаунт» берет Джона, Лайонела и Этель[14], и связывает их вместе в фильме про их частную жизнь?

— Что-то в этом было бы, — нерешительно проговорил Эллери.

Лу вскочил на ноги.

— Знаешь, что я имею в виду? Так вот: у меня есть история из реальной жизни, которая переплюнет эти на целую милю! Знаешь, чьи биографии мы возьмем? Это будут самые грандиозные, ошеломляющие, величайшие биографии

---

[12] Примечания: 12

Стиллер Мориц (1883–1928) — шведский режиссер и актер.

[13] Примечания: 13

Джилберт Джон — американский киноактер.

[14] Примечания: 14

Бэрриморы Джон (1882–1942), Лайонел (1878–1954) и Этель (1879–1959) — братья и сестра, американские актеры.

в истории американского театра! Драматические гении, эксцентрики сцены, постоянно враждующие между собой, — первые имена в Голливуде!

— Мне кажется, — нахмурился Эллери, — ты имеешь в виду Ройлов и Стьюартов?

— А кого же еще, во имя Всевышнего? — простонал Лу. — Ты понял замысел? С одной стороны Джек Ройл и его малыш Тай, с другой — Блайт Стьюарт и ее дочурка Бонни. Старое поколение и новое. Истинный цирк с четырьмя аренами!

И, переполненный энтузиазмом, он выскочил из комнаты, вернувшись через мгновение из кабинета Бутчера с недопитой бутылкой в руке.

Эллери задумчиво пососал нижнюю губу. Идея была неплоха, ничего не скажешь. В жизни Ройлов и Стьюартов хватило бы драматических моментов на целых два полнометражных фильма, да еще осталось бы на первоклассную пьесу для бродвейских театров.

Перед войной, когда Джон Ройл и Блайт Стьюарт господствовали на нью-йоркской сцене, их бурные любовные отношения давали обильную пищу для романтических сплетен в Мэйфере и Тэнктауне. Они напоминали ухаживания двух диких лесных кошек. Они терзали и преследовали друг друга от Таймс-Сквера до Сан-Франциско

и обратно, оставляя за собой след из блестящих спектаклей и распухших от полных аншлагов театральных касс. Но никто не сомневался, нег смотря на их постоянные стычки, что в конце концов они остепенятся, поженятся и займутся важными заботами по созданию и увеличению царственного семейства.

Ко всеобщему удивлению, однако, пылкие и неистовые страсти их романа ни к чему подобному не привели. Что-то случилось: репортеры скандальной хроники с тех пор и по сей день стерли себе носы до крови, пытаясь разнюхать, что именно. Но какова бы ни была причина, она разрушила их любовь, и дело закончилось слезами, рыданиями, взаимными упреками, перебранкой и горькими проявлениями ничем не прикрытой вражды, так что весь континент гудел, точно растревоженный улей.

Немедленно после débâcle[15] каждый из них тут же связал себя узами Гименея[16] с посторонними и даже, пожалуй, случайными претендентами на их руку и сердце. Джек Ройл прижал к своей мужественной груди дородную дебютантку из

---

[15] Примечания: 15
Разрыва (*фр.*).

[16] Примечания: 16
Гименей — в греческой мифологии бог брака.

Оклахомы, явившуюся в Нью-Йорк, чтобы подарить театру новую Элеонору Дузе[17]. Вместо этого она подарила Ройлу сына, а еще через месяц публично отхлестала супруга хлыстом по причине неизвестной, но легко вообразимой, после чего вскоре скончалась, упав с лошади и сломав себе шею.

Блайт Стьюарт сбежала со своим рекламным агентом, который стал отцом ее дочурки Бонни, украл и заложил в ломбард ее жемчужное колье, подаренное ей в свое время Джеком, сбежал в Европу как военный корреспондент, и умер в парижском бистро от перепоя.

Когда на горизонте забрезжила звезда Голливуда, вражда между Ройлом и Стьюарт достигла своей кульминации, хоть причина ее была уже давно забыта и поддерживалась лишь благодаря пылкому темпераменту враждующих сторон. Впоследствии неприязненные отношения перешли и к их потомкам, так что вражда между Бонни Стьюарт, ставшей уже довольно известной экранной инженю, и Тайлером Ройлом, ведущим молодым актером «Магны», разгорелась с не меньшей силой, чем между их родителями.

---

[17] Примечания: 17
Дузе Элеонора (1858–1924) — итальянская актриса.

Ненависть и нетерпимость друг к другу свирепствовала от Уилшира до Голливудских бульваров. Поговаривали, будто старик Зигмунд, заключивший контракт с Джеком и Блайт, скончался не от кровоизлияния в мозг, а от нервного расстройства в результате безуспешных попыток сохранить мир на территории «Магны»; и несколько преждевременно появившихся седых волос на затылке Жака Бутчера приписывались подобным же бесплодным усилиям в отношении их достойных отпрысков. Один студийный остряк утверждал, будто Чудо-мальчик даже сделал предложение Бонни Стьюарт в качестве последнего отчаянного средства, основываясь на теории, что любовь иногда творит чудеса.

— Бывает и так, — вслух произнес Эллери. — Бутч и Бонни помолвлены, верно?

— Это все, что ты можешь сказать о моей идее, во имя всех святых? — прорычал Лу, размахивая бутылкой.

* * *

Бутчер просунул голову в комнату:

— Итак, Эллери, как твое мнение?

— Мое честное мнение?

— Если ты выдаешь мне что-либо иное, я вы-

ставлю тебя в три шеи!

— Я думаю, — сказал Эллери, — что подобная вдохновенная идея никогда не перешагнет стадию замысла.

— Видишь? — воскликнул Лу, — Ты прицепил меня к Ионе[18]!

— Что тебя заставляет это утверждать?

— А как ты предлагаешь заставить всех четверых работать в одной картине? Они же убежденные и принципиальные враги!

Лу бросил на Эллери негодующий взгляд:

— Романтическая драма столетия, самая популярная склока последних двадцати лет, невероятные кассовые перспективы для фильма с участием четырех звезд первой величины, история такая, что пальчики оближешь — а он еще привередничает!

— Отключись, Лу, — сказал Чудо-мальчик. — Конечно, в этом главная проблема, Эл. До сих пор тоже предпринимались попытки собрать их в одной команде, но безуспешно. На сей раз, однако, я чувствую, что все будет иначе.

— Любовь отыщет путь, — продекламировал

---

[18] Примечания: 18

Иона — один из библейских пророков, в наказание за неповиновение Богу проглоченный китом и проведший три дня у него в брюхе; в переносном смысле — нечто, приносящее неудачу.

Лу. — Будущая миссис Бутчер не станет брыкаться, верно?

— Заткнись, — покраснев, отпарировал Чудо-мальчик. — Если уж на то пошло, то Лу здесь тоже нс посторонний. Он троюродный брат Блайт Стьюарт, а кроме него и отца у Блайт больше нет родственников. Мне кажется, она любит этого шарлатана достаточно, чтобы послушаться его.

— Если она не послушается, — осклабился Лу, — я сверну ей шею!

— Все четверо сидят на мели — как всегда, впрочем. Я собираюсь предложить им сногсшибательные условия контракта. Они просто не смогут позволить себе отказаться!

— Послушайте, — сказал Лу. — Когда я растолкую им, как они будут играть собственную биографию перед миллионной аудиторией, у них так защекочет в носу, что они наперегонки бросятся подписывать этот контракт. Так что дело в шляпе!

— Я беру на себя Бонни и Тая, — сухо сказал Чудо-мальчик, — а Лу будет обрабатывать Блайт и Джека. Сэм Викс, наш агент по рекламе, запустит пробный шар в газетах и еженедельниках.

— А я?

— Держись поближе к Лу. Познакомься со Стью-

артами и Ройлами. Собери столько материала об их частной жизни, сколько сможешь. Конечно, надо будет потом отсортировать нужные факты — это главное. Встретимся через пару дней и сравним свои записи.

— Adiós[19], — сказал Бэском и удалился с бутылкой Бутчера под мышкой.

В комнату энергичной походкой вошел высокий мужчина с обветренным лицом и черной повязкой на глазу:

— Ты хотел меня видеть, Бутч?

— Познакомься с Эллери Квином — он будет работать с Лу Бэскомом над историей с Ройлом и Стьюарт. Квин, это Сэм Викс, глава нашего рекламного отдела.

— Э, да я слышал о вас, — сказал Викс. — Вы — тот самый парень, который проработал здесь шесть недель, и никто не знал об этом ни слухом, ни духом. Замечательно!

— Что же тут замечательного? — кисло спросил Эллери.

— Как что? — удивился Викс. — Да ведь это делает вас повсюду известным, разве нет? Бесплатная реклама за счет фирмы! Кстати, что вы думаете

---

[19] Примечания: 19
До свидания (*исп.*).

о замысле Лу?

— Я думаю…

— И этого достаточно. Знаете о старом отце Блайт? Вот достойный персонаж для кино! Толленд Стьюарт. Готов побиться об заклад, что дочурка уже года два-три не видела эту древнюю окаменелость.

— Прошу меня простить, — сказал Чудо-мальчик и скрылся за дверью.

— Приземляйтесь, — пригласил глава рекламного отдела. — Могу подкинуть кое-какие факты, коль скоро вы собираетесь работать над этим скандалом. Стьюарт — эксцентричный миллионер; если хотите знать, то он псих, но если у человека столько денег, как у него, то говорят, что он просто эксцентричный, — понятно, что я имею в виду? Сколотил их на нефти. Так вот, у него миллионная усадьба на самой макушке крутого склона в Шоколадных горах — это южнее хребта Сан-Бернардино в округе Империал — сорок комнат, настоящий дворец, и ни одной души во всем доме, кроме него самого и доктора по имени Джуниус, который готовит старику пилюли, вытирает нос, утешает и сдерживает его сумасбродства. Словом, экономка, горничная и сиделка в одном лице…

— Прошу прощения, — прервал его Эллери, — но думаю, надо посмотреть, где Лу…

— Оставьте Лу: он сам появится через пару дней. Итак, как я уже говорил, вокруг старого Стьюарта ходят самые невероятные слухи. Говорят, он ипохондрик по самые жабры и ведет чудаковатый образ жизни. Нечто вроде отшельника, умерщвляющего плоть. Но полагают, он здоров, как лошадь.

— Послушайте, мистер Викс…

— Зовите меня Сэм. Если и есть тропинка, ведущая с его горы, то, пожалуй, лишь горный козел или индеец сумеют пройти по ней. Доктор Джуниус пользуется самолетом для доставки нужных припасов и продовольствия — у них там оборудована взлетная площадка; я видел ее много раз с воздуха. Понимаете, я сам авиатор — этот глаз мне выбили в воздушном бою над Буало — так что, естественно, мне очень любопытно наблюдать, как эти двое сумасшедших летают вокруг своего орлиного гнездышка, словно пара духов из «Тысячи и одной ночи»…

— Послушай, Сэм, — сказал Эллери. — Конечно, я с удовольствием поболтал бы с вами о всяких волшебных сказках, но сейчас я хочу знать: кто в этом городе знает все обо всех?

— Пола Пэрис, — быстро подсказал специалист по связям с общественностью.

— Пэрис? Что-то знакомое.

— Послушайте, откуда вы свалились? Она всего лишь сотрудничает со ста восемьюдесятью газетами от побережья до побережья. Ведет знаменитый раздел сплетен вокруг кино-бизнеса под заголовком: «Увидеть звезды». А вы говорите — знакомое!

— Тогда она должна быть идеальной справочной библиотекой о Ройлах и Стьюартах.

— Я организую вам встречу, — расплылся в улыбке Викс. — Приготовьтесь к потрясению, когда увидите Полу в первый раз.

— О, эти старые алебарды в юбках меня не потрясают!

— А она вовсе не старая алебарда — скорее тонкий и звонкий клинок!

— Вот как? Хорошенькая?

— Мало сказать! Вы окажетесь у нее на крючке, как и все остальные, — от чопорных русских князей до мальчишек из «Вестерн Юнион»[20]. Только не пытайтесь назначить ей свидание.

— А, однолюбка. И кому же она принадлежит?

---

[20] Примечания: 20
Телеграфная компания США.

— Никому. Она страдает толпофобией.

— Чем-чем?

— Она боится толпы и не покидала своего дома с тех пор, как прибыла на побережье в охраняемом купе шесть лет тому назад.

— Чепуха.

— Факт. Люди вызывают у нее нервную дрожь. Она никогда не разрешает находится вместе с ней в комнате больше чем одному человеку.

— Но я не понимаю… как же она выискивает нужные факты и добывает новости?

— У нее тысяча глаз — в чужих головах, конечно. — Викс в восхищении закатил свой единственный зрительный орган. — Эх, каким бы неоценимым приобретением была бы она для студии! Ладно, я позвоню ей о вас.

— Пожалуйста, — сказал Эллери, ощупывая раскалывающуюся на части голову.

Викс ушел, и Эллери наконец остался сидеть в одиночестве. В ушах у него стоял жуткий звон, и перед глазами плавали круги и точки потрясающих расцветок.

Зазвонил телефон.

— Мистер Квин? — послышался голос секретарши. — Мистер Бутчер должен был срочно уйти в проекционный зал, чтобы просмотреть

результаты сегодняшних съемок, но он хочет, чтобы вы вызвали своего агента для переговоров о жаловании и контракте. Вы согласны?

— С чем? — спросил Эллери. Я имел в виду… да, конечно.

Жалование. Контракт. Лу. Пола. Старый чудак с гор. Коньяк «Наполеон». Легендарная личность Бутч. Дикие сумасброды Ройлы и Стьюарты. Толпофобия. Шоколадные горы. Высокое давление. Супер-фильм. Съемки… «Боже мой, — подумал Эллери. — Неужели уже слишком поздно?»

Он закрыл глаза. Было уже слишком поздно.

Глава 3
Мистер Квин видит звезды

После двухдневных попыток пришпилить кого-нибудь к стулу посреди четырех стен Эллери чувствовал себя как человек, пытавшийся голыми руками поймать в аквариуме золотую рыбку.

Чудо-мальчик был занят целыми днями, проводя бесконечные совещания и конференции за закрытыми дверьми, заканчивая последние приготовления к своей широко разрекламированной ленте «Выращивание кормовых трав». Земля, казалось, поглотила Лу Бэскома. И любая попытка Эллери встретить мужских представителей семейства Ройлов или женских — семейства Стьюарт заканчивалось в первом случае насморочным английским голосом, принадлежащим мажордому по имени Лаудербек, а во втором почти неразборчивым французским акцентом из уст дамы по имени Клотильда, причем никто из них, как будто не замечал, что время не стоит на месте, а всячески торопит развитие событий.

Однажды ему чуть было не повезло. Эллери прогуливался по территории «Магны» с Аланом

Кларком, тщетно пытавшимся восстановить спокойствие и присутствие духа, когда свернув за угол улицы «А» заметил высокую девушку в черных сатиновых брюках и немыслимой мужской шляпе с обвислыми полями, стоявшую возле главных ворот у будки чистильщика сапог рядом с Родериком, чернокожим владельцем этого предприятия, наводящим обычно глянец на башмаки статистов. Девушка доставала из сумочки мелочь.

— А вот и Бонни, — сказал агент. — Вон та блондинка. Ничего себе штучка, верно? Прямо сногсшибательная! Бонни! — окликнул он. — Хочу познакомить тебя с…

Звезда впопыхах уронила пригоршню монет, потерла на счастье горбатую спину Родерика и вскочила в красный двухместный «Форд».

— Погодите! — вне себя закричал Эллери. — Какого черта…

Но все, что он увидел от Бонни в этот день, была ослепительная улыбка, которую та бросила ему через плечо, сворачивая за угол улицы «В» на одной паре колес.

— Это была последняя соломинка, — взорвался Эллери, в сердцах швыряя свою панаму на тротуар. — С меня довольно!

— А ты когда-нибудь пробовал поймать игривого мотылька? Вот такая и Бонни.

— Но почему она не…

— Послушай. Сходи к Поле Пэрис, — дипломатично сменил тему агент. — Сэм Викс сказал, что договорился с ней по поводу тебя на сегодня. Она расскажет тебе об этих сумасбродах больше, чем они сами про себя знают.

— Полторы тысячи в неделю… — пробормотал Эллери.

— На большее Бутчер не соглашается, — извиняющимся тоном заметил Кларк. — Я пытался уговорить его поднять предыдущую…

— Я не о жаловании, дурак! Со вчерашнего дня я уже скопил за счет «Магны» шесть сотен долларов, и не сделал ничего полезного!

— Повидайся с Полой, — успокоил его Кларк, похлопывая Эллери по спине. — Она всегда отлично помогает от того, что тебя тревожит.

Таким образом, ворча на весь свет, Эллери поехал на Голливудские холмы.

Он обнаружил нужный дом почти по интуиции: какой-то внутренний голос подсказал ему, что это должно быть нормальное удобное жилище, каковым оно и оказалось — белое здание в спокойном колониальном стиле, окруженное

остроконечным забором. Оно резко выделялось среди псевдоиспанских оштукатуренных уродов, точно скромная послушница между накрашенных женщин сомнительной добродетели.

Девушка за секретарским столом в приемной мило улыбнулась:

— Мисс Пэрис ожидает вас, мистер Квин. Проходите, пожалуйста!

Эллери вошел, провожаемый любопытными взглядами толпившихся в переполненной комнате людей. Здесь собрались представители всех слоев текучего и непостоянного населения Голливуда: статисты, потерявшие надежду на удачу, лавочники, прислуга, профессиональные театральные критики и обозреватели. Эллери уже не терпелось познакомиться с загадочной мисс Пэрис, которая умудрилась добывать свои потрясающие новости из этого пестрого винегрета.

Но следующая комната оказалась очередной приемной, где еще одна девушка записывала в блокнот то, что ей нашептывал на ухо мужчина с голодным взглядом и в безукоризненном утреннем костюме.

«Процесс сортировки известий, — подумал Эллери. — Ей надо бы поосторожнее относиться к сведениям, полученным от такого типа!»

Эллери вошел в третью комнату, поощренный молчаливым кивком второй девушки, и очутился в оклеенном обоями светлом помещении с кленовой мебелью и высокой стеклянной дверью, выходящей на выложенную плиткой террасу, за которой виднелись деревья, цветочные клумбы и заросшая пуансеттией очень высокая каменная стена.

— Здравствуйте, мистер Квин, — произнес мелодичный голос.

Возможно, внезапный выход на яркий солнечный свет подействовал на его зрение, потому что мистер Квин непроизвольно зажмурился. К тому же в ушах его продолжал звучать чарующий аккорд. Тут он сообразил, что это гармоническое созвучие музыкальных тонов исходит от человеческого существа женского пола, и обладательница волшебного голоса сидит в кресле-качалке, положив ногу на ногу, курит русскую папиросу и улыбается ему.

В то же мгновение Квин сказал, себе, что Пола Пэрис, вне всякою сомнения, — самая очаровательная женщина из тех, кого он встречал в Голливуде. Нет, во всем мире, когда и где-либо.

Мистер Квин всегда считал себя невосприимчивым к великим страстям; даже наиболее

привлекательные из представительниц прекрасного пола никогда не значили для него нечто большее, чем существа, которых следует пропускать вперед, открывать перед ними дверь и подавать руку, помогая войти или выйти из такси. Но в данный исторический момент женоненавистничество, эта прочная и суровая броня, необъяснимым образом треснула и рухнула, оставив его беззащитным перед тонким и нежным оружием.

Он смущенно попытался снова нацепить на себя одежды беспристрастною наблюдения и анализа. У нее был нос — ну да, нос, и рот, и белая кожа… да, да, очень белая, — и два глаза — что можно о них сказать? — эффектная седая прядь в ее блестящих черных волосах… все это, конечно, конечно имело место. Он даже заметил ее наряд — был ли он от Ланвена, от Пату или Пуаро?[21] — впрочем, нет, последний, кажется, был маленьким бельгийским детективом, — композиция из шелка, — да, да, именно композиция: и лиф, и мягкие складки юбки, ниспадающие с ее колен длинными безукоризненными линиями, достой-

[21] Примечания: 21
Эркюль Пуаро — сыщик-бельгиец, герой произведений Агаты Кристи.

ными великого Праксителя[22], и аромат — нет, скорее фимиам! — исходящий от нее, напоминавший призрак прошлогодней жимолости… Мистер Квин невольно улыбнулся про себя. Жимолость! К черту анализ! Перед ним была женщина. Нет — Женщина с большой буквы. А может быть… это была та самая женщина?

— Постой-постой, — в растерянности пробормотал мистер Квин почти в полный голос. — Прекрати валять дурака!

— Если вы закончили осмотр моей персоны, — с улыбкой сказала Пола Пэрис, — то, может быть, вы сядете, мистер Квин? Что-нибудь выпьете? Сигареты у вас под рукой.

Квин оцепенело уселся, нащупав рукою стул.

— Правду сказать, — пробормотал он, — я… я вроде как лишился дара речи. Пола Пэрис. Пэрис! Замечательная фамилия![23] Нет, спасибо, я не хочу пить. Прелестно! Сигареты? — Он откинулся на спинку стула, скрестив руки на груди. — Не будете ли вы так любезны сказать еще что-нибудь?

Когда мисс Пэрис поджимала губы, на левой щеке, у самого уголка ее рта, появлялась ямочка

---

[22] Примечания: 22
Праксителя (ок. 390 — ок. 330 до н.э.) — древнегреческий скульптор.

[23] Примечания: 23
Пэрис (Paris) — Париж (*англ.*).

— не крупная, глубокая, обычная ямочка, а легкая, нежная ее тень. Сейчас она как раз и была заметна.

— Вы изъясняетесь довольно прилично для человека, утратившего дар речи, мистер Квин, хотя должна признать, что несколько бессмысленно. Кто вы — последователь Дали?1[24]

— Вот-вот. Еще, пожалуйста. Иегова, ты дал мне насладиться покоем, который выше моего понимания!

Беспокойство, слегка нахмуренные брови, напряжение во всей холодной спокойной фигуре… Да что это с тобой, во имя всевышнего?

— Вы нездоровы? — встревоженно спросила она. — Или…

— Или пьян. Вы это хотели сказать? Да, я пьян. Нет, я брежу. Я чувствую себя так, словно стою на северном гребне Большого Каньона, глядя в бесконечность. Нет-нет, это несправедливо по отношению к вам. Мисс Пэрис, если вы не будете говорить со мной, я совсем сойду с ума!

На ее лице появилось выражение любопытства, и, тем не менее, он ощущал в нем ничтожную долю замкнутости и холодка, как у испуганного

---

[24] Примечания: 24
Дали Сальвадор (1904–1989) — испанский художник-сюрреалист.

зверька, которого пытаешься погладить.

— Говорить с вами? Я думала, это вы хотели поговорить со мной!

— Нет-нет, теперь это неважно! Я должен слышать ваш голос. Я купаюсь в нем. Видит Бог, я нуждаюсь в успокоении после всего, пережитого мной в этом кипящем котле, носящем название Голливуд. Говорил ли кто-нибудь вам, что звучание органа во многом проигрывает по сравнению с вашим голосом?

Мисс Пэрис внезапно отвернулась и через некоторое время села в кресло. Эллери заметил, что краска смущения медленно заливает ее лицо и шею.

— Et tu, Brute[25], — засмеялась она, хотя глаза ее продолжали оставаться серьезными. — Иногда мне кажется, что мужчины лицемерят, говоря мне такие комплименты, потому что… — Она не закончила фразы.

— Ничего подобного! — воскликнул Эллери, совершенно потеряв контроль над собой. — Вы великолепное, очаровательное, прелестное создание! И если вы не сознаете этого и живете затворницей, то лишь благодаря вашей чрезмер-

---

[25] Примечания: 25

И ты, Брут (*лат.*) — предсмертные слова Юлия Цезаря, обращенные к одному из его убийц, Марку Юнию Бруту.

ной скромности…

— Мистер Квин!

И тут он понял, что означало то странное нечто в ее глазах, которое не покидало их во время всего разговора. Это был страх. Раньше ему казалось невозможным, чтобы такая уравновешенная) выдержанная, аристократическая женщина могла бы бояться чего-нибудь, а тем более всего лишь скопления человеческих существ. «Толпофобия», — назвал это Сэм Викс; вернее, гомофобия — болезненный, патологический страх перед людьми… Мистер Квин достаточно быстро пришел в себя. И этот единственный взгляд, постигший глубину ее ужаса, испугал и его самого.

— Извините. Пожалуйста, простите меня. Я поступил так… на спор. Ужасно глупо с моей стороны!

— Я так и предполагала, — сказала мисс Пэрис, не отводя глаз от своих рук, в которых спокойно дымилась папироса.

— Полагаю, во всем виноват детектив, сидящий во мне. Я имею в виду неуклонную попытку подвергнуть анализу…

— Скажите мне, мистер Квин, — оборвала она, гася папиросу в пепельнице. — Как вам нравится идея привлечь семейства Ройлов и Стьюарт к

участию в биографическом фильме?

Боже, каким же он был ослом! Можно ли было так недооценивать таланты этой женщины?

— Откуда вы знаете? О, наверное, Сэм Викс рассказал вам!

— Вовсе нет. У меня более солидные источники информации. — Мисс Пэрис рассмеялась, заставив Эллери вновь упиваться этим мелодичным звуком. — Видите ли, мне известно про вас все, — проворковала она своим волшебным голосом. — О том, как вы провели шесть ужасных недель в «Магне», о ваших тщетных попытках привлечь к себе внимание в студии, об оргии, которую вы устроили на днях с Жаком Бутчером, и обо всем прочем.

— Я начинаю думать, что из вас получился бы хороший детектив!

Она медленно покачала головой и спросила:

— Сэм говорил, что вы нуждаетесь в информации. — Эллери почувствовал в ее голосе барьер, преграждающий доступ к недозволенным темам. — О чем именно?

— Ройлы и Стьюарты. — Он вскочил со стула и принялся энергично ходить по комнате, чувствуя, что дольше глядеть на эту женщину становилось уже опасно. — Что они собой представляют. Их

образ жизни, мысли, секреты…

— Господи, и всего-то? Да для этого мне потребуется не меньше месяца, а я не располагаю свободным временем.

— Но ведь вы знаете о них все?

— Столько же, сколько и любой другой. Сделайте одолжение, мистер Квин, сядьте. Прошу вас!

Эллери растерянно остановился и взглянул на нее. Он почувствовал, как по спине у него пробежала легкая судорога, глупо усмехнулся и сел на стул.

— Конечно, всех интересует вопрос, — неторопливо продолжала мисс Пэрис, — почему Джек Ройл и Блайт Стьюарт разорвали свою помолвку перед войной. И никто не знает ответа.

— А я думал, что вы знаете все!

— Не совсем все, мистер Квин. Я не согласна с теми, кто утверждает, будто виною здесь некая серьезная причина, наподобие другого мужчины или женщины, или чего-нибудь в этом роде.

— Значит, у вас есть свое мнение?

Мягкая ямочка на щеке появилась снова:

— Просто глупая ссора между влюбленными. Какой-нибудь пустяк, раздутый упрямством и самолюбием.

— Но с такими серьезными последствиями?

— Очевидно, вы их не знаете. Это безответственные, безрассудные, очаровательные безумцы. В течение двадцати лет они получали огромные гонорары, но, несмотря на это, оба сидят на мели. Джек был — и остается — волокитой, донжуаном, игроком, бесшабашным сорвиголовой, устраивающим совершенно немыслимые выходки, — и, конечно, великим артистом. Блайт была — и остается — прелестной, очаровательной, отчаянной девчонкой-сорванцом, которую все обожают. От них по-прежнему всего можно ожидать: от разрыва помолвки ни с того ни с сего, до кровавой вендетты из-за пустяка в течение двадцати лет.

— Или, как я себе представляю, до пиратства в открытом море.

Она засмеялась.

— Джек однажды подписал со старым Зигмундом контракт на съемку кинофильма из расчета по пяти тысяч в неделю сроком на десять недель. Вечером того же дня он проиграл пятьдесят тысяч долларов в Тиа Хуана. Так что все десять недель он работал задаром, одалживая у статистов мелочь на чаевые, и сыграл одну из самых выдающихся ролей за всю свою карьеру. Таков Джек Ройл.

— Продолжайте.

— Блайт? Она никогда не носит пояс, пьет

исключительно мартини, спит без сорочки, и три года назад пожертвовала в актерский фонд трехлетнее жалование, потому что Джек отдал туда же свой трехмесячный доход. Такова Блайт Стьюарт.

— Полагаю, молодое поколение еще почище своих стариков? Обычное явление среди детей и родителей.

— О, безусловно! Между ними такая глубокая, длительная вражда, что тут, пожалуй, понадобится психиатр, чтобы объяснить механизм ее развития. Я не удивлюсь, если в ее истоках кроется сильная любовь, потерпевшая крах в результате падения с небесных высот на грешную землю.

— Но ведь Бонни помолвлена с Жаком Бутчером!

— Знаю, — спокойно возразила Пола. — И все же — попомните мои слова — упав на землю, любовь способна воспарить снова. Бедняга Бутч! Впрочем, я думаю, он об этом догадывается.

— Мальчик Тайлер и девочка Бонни не разговаривают между собой?

— Еще и как разговаривают! Право, их стоит послушать. Конечно, они появляются в картинах примерно в одно и то же время, и очень ревниво

относятся к успехам друг друга. Пару месяцев назад одна из газет опубликовала Тая, борющегося с ручным гризли во время одного из знаменитых приемов, устраиваемых его отцом. Несколько дней спустя Бонни приобрела детеныша ягуара в качестве домашнего животного и повадилась прогуливаться с ним по территории «Магны», пока однажды не появился Тай с компанией девиц. Тут ягуар — разумеется, совершенно случайно — срывается с цепи и бросается на парня, вцепившись ему в ногу. Вид Тая, спасающегося бегством от преследующего его маленького хищника, очень подорвал его мужское достоинство.

— Игривая парочка, не так ли?

— Вы полюбите всех четырех точно так же, как их любят здесь все. В случае с Блайт и Бонни, по всей видимости, проявляются качества, унаследованные от отца Блайт — Толленда, деда Бонни.

— Викс довольно подробно упоминал о нем.

— Он — местная достопримечательность, совершенно ненормальный субъект. Я имею в виду не умственно, конечно, — у него хватило здравого смысла, чтобы сколотить огромное состояние на нефти. Просто большой чудак и оригинал. Потратил миллион на свою усадьбу в Шоколадных горах, но не держит даже работника, чтобы

выпалывать сорняки. Зато не пожалел сорока тысяч долларов, чтобы взорвать вершину соседней горы, — она, по его словам, напоминала ему профиль одного проходимца, который обставил его однажды на нефтяном рынке.

— Прелестно, — сказал Эллери, не отрывая глаз от ее фигуры.

— Он пьет холодную воду из ложечки и издает брошюры, набитые статистическими данными о вреде возбуждающих средств, включая и чай, и кофе, и табак, и предупреждает несчастное человечество о том, что белый хлеб намного сокращает жизнь.

Она продолжала говорить, и Эллери слушал, откинувшись на спинку стула, увлеченный не столько самой информацией, сколько ее источником. Это был самый приятный день из всех, проведенных им в Голливуде.

Неожиданно он вздрогнул и пришел в себя. На лице Полы он заметил хмурую тучку, которая становилась все более грозной.

— Великий Боже! — воскликнул Эллери, вскакивая и глядя на часы. — Почему вы не выставили меня раньше, мисс Пэрис? Все люди, ожидающие там, в приемной…

— Мои девочки обслужат большинство из

них, и я немного отдохнула, выступая в роли выслушиваемой, а не слушающей. А вы такой великолепный слушатель, мистер Квин! — Она тоже встала и протянула ему руку: — Боюсь, что я не смогла оказать вам существенную помощь.

Он взял ее за руку, но она почти сразу отняла ее.

— Помощь? — воскликнул Эллери. — О да! Вы оказали мне огромную услугу. Кстати, не могли бы вы посоветовать, где удобнее всего поймать эту четверку?

— Сегодня пятница. Ну, конечно. Загляните сегодня вечером в клуб «Подкова» на Уилширском бульваре.

— «Подкова», — деловито повторил Эллери, не отводя взгляда от ее губ.

— Вы не бывали там? Это, пожалуй, наиболее известное игорное заведение в Лос-Анджелесе. Им управляет некий Алессандро, очень умный джентльмен с весьма темным прошлым. Вы найдете там их всех.

— Алессандро, — повторил Эллери.

— Дайте вспомнить. — Она слегка отвернула голову, стараясь избегать его чересчур пристального внимания. — Завтра клуб закрыт… Да, я уверена — она там будут.

— А меня туда пустят? Я ведь чужой в городе.

— Позвольте мне уладить этот вопрос, — сдержанно сказала мисс Пола Пэрис. — Я позвоню Алессандро. Мы с ним договоримся.

— Вы просто чудо! — воскликнул Эллери и поспешно добавил: — Послушайте, мисс Пэрис… Кстати, почему не просто Пола? Не возражаете? Не смогли бы вы… то есть, не захотели бы вы когда-нибудь пересилить себя и составить мне компанию?..

— Прощайте, мистер Квин, — сказала Пола с легкой улыбкой.

— Но не окажете ли вы мне чести?..

— Было очень приятно побеседовать с вами. Загляните когда-нибудь еще.

Проклятая фобия!

— Предупреждаю вас, — мрачно сказал он. — Вы можете пожалеть о вашем опрометчивом приглашении!

И мистер Квин, слегка ослепленный, с трудом отыскал дорогу на улицу.

«Что за чудесный день!» — думал он, глубоко вдыхая чудесный воздух, любуясь чудесными деревьями и даже чудесными зданиями в испанском стиле, окружавшими этот сверхчудесный белый коттедж, дающий приют, несомненно,

самой чудесной из всех Джульетт в истории романтических героинь.

И тут Эллери вспомнил циничную фразу Викса, которую тот бросил два дня тому назад. «Вы окажетесь у нее на крючке, как и все остальные». Остальные… Это слово предполагало множество обожателей. Ну, а почему бы и нет? Она достаточно привлекательна и пикантна на любой мужской вкус, как необычная и тонкая приправа. А он? Что за фигуру представляет собой он в этом краю загорелых, мужественных, красивых мужчин?

Ощущение чудесного окружения внезапно улетучилось, словно по волшебству.

Подавленный, мистер Квин сел в машину и укатил.

* * *

Субботний вечер застал его в клубе «Подкова» одетым в безукоризненный смокинг, проклинающим свои безвозвратно ушедшие холостяцкие годы и, поскольку память его постепенно возвращалась к некоему белому зданию на Голливудских холмах, не очень заботящимся о том, встретит ли он сегодня тех, за кем он охотился уже несколько дней.

— Где я могу увидеть Алессандро? — спросил он у бармена.

— В его кабинете, — ответил тот, кивком указав направление.

Эллери обогнул стойку бара, имевшую форму подковы, пересек небольшую эстраду для танцев рядом с оркестром, где раскачивающаяся из стороны в сторону мулатка страстно изливала душу в любовной песне, и нырнул под шелковые портьеры, закрывавшие проход, в конце которого находилась дверь из хромированной стали.

Эллери подошел к двери и постучал. Дверь тотчас же отворилась, обнаружив за собой весьма сурового вида джентльмена в смокинге, который соответственно окинул Эллери весьма суровым взглядом:

— Что надо?

— Алессандро.

— А кто его спрашивает?

— А, да пошел ты! — сказал Эллери и оттолкнул сурового джентльмена в сторону. Маленький человечек с розовыми щечками-яблочками, голубыми фарфоровыми глазками и с огромным бриллиантовым кольцом в виде подковы на левой руке поднялся, улыбаясь, из-за подковообразного стола в конце комнаты.

— Моя фамилия Квин. Пола Пэрис посоветовала мне заглянуть к вам.

— Да-да, она мне звонила. — Алессандро вышел из-за стола и протянул толстую маленькую ладошку. — Здесь рады приветствовать каждого друга Полы.

— Надеюсь, — не очень уверенно произнес Эллери, — она не «лишком плохо отозвалась обо мне?

— Нет, что вы! Хотите сыграть, мистер Квин? Мы можем предложить вам все, что угодно, и по любым ставкам — рулетку, фаро, баккара, кости, очко, покер…

— Боюсь, мой покер слишком хорош для ваших завсегдатаев, — усмехнулся Эллери. — В действительности же я пришел сюда в надежде встретиться с Ройлами и Стьюартами. Они здесь?

— Пока еще не появились. Но придут обязательно. Обычно они проводят здесь субботние вечера.

— Могу ли я подождать внутри?

— Сюда, пожалуйста, мистер Квин, — Алессандро нажал на пустую стену кабинета, и та отошла в сторону, открывая проход в спокойный, заполненный пестрой публикой и табачным дымом

игорный зал.

— Вот это да! — удивленно проговорил Эллери. — И к чему здесь такие фокусы?

Хозяин казино улыбнулся:

— Мои клиенты любят подобные штучки. Вы же понимаете — Голливуд! Они ожидают получить что-нибудь особенное за свои денежки.

— Вы, случайно, не жили в Нью-Йорке несколько лет тому назад? — спросил Эллери, приглядываясь к добродушной невинной физиономии хозяина.

— Я? — искренне удивился маленький человечек, снова улыбнувшись и кивнув очередному сурового вида мужчине в секретном проходе. — Всё в порядке, Джо, пропусти джентльмена.

— Очевидно, я обознался, — пробормотал Эллери и вошел в игорный зал.

Разумеется, он не обознался. Имя Алессандро было вовсе не Алессандро, и он действительно происходил из Нью-Йорка, причем именно в Нью-Йорке сумел создать вокруг своей толстенькой розовощекой личности определенную известность. Слухи в Главном полицейском управлении приписывали его внезапное исчезновение с Бродвея дикому невезению, благодаря которому он нарвался на крупные неприятности, сильно

пощипав четырех букмекеров, двух профессиональных игроков в кости и компанию игроков в покер, состоявшую из Красавчика Сицилиано, помощника окружного прокурора, судьи городского суда, члена Совета по управлению недвижимостью и Неряхи Солли.

И вот он здесь, управляет игорным заведением в Голливуде. «Увы! — подумал Эллери, — мир тесен!»

Он медленно прошелся по залу. Сразу бросалось в глаза, что мистер Алессандро значительно поднялся по социальной лестнице. За одним столом в небольшой ложе двое мужчин с невозмутимыми лицами играли в покер с президентом крупной кинокомпании, с одним из самых знаменитых голливудских режиссеров и сказочно оплачиваемым радиокомментатором-юмористом. Столы для игры в кости были монополизированы, — удивительная вещь, с улыбкой подумал Эллери, — писателями, сценаристами и авторами шуток и каламбуров. А вокруг столов с рулетками собралось больше звезд, чем мог когда-либо мечтать Тилли Тойлер[26], они проявляли такое разнообразие эмоций, что несомненно умилили бы

[26] Примечания: 26

Персонаж из детской сказки, ловивший звезды сачком и прятавший их в сундук.

сердца присутствовавших здесь же режиссеров, будь те сейчас в состоянии по достоинству оценить их естественность и реализм.

Эллери обнаружил здесь неуловимого Лу Бэскома в мешковатом смокинге, стоявшего в толпе у одного из колес рулетки. В одной руке он сжимал столбик фишек, другой обнимал за шею роскошную брюнетку.

— Так вот ты где, — сказал Эллери. — Только не уверяй меня, будто скрывался здесь все эти три дня!

— Оставь меня в покое, приятель, — отмахнулся Лу. — Сегодня мне чертовски везет!

На столе перед брюнеткой высилась целая гора фишек.

— И мне тоже, — проворковала брюнетка, призывно поглядывая на Эллери.

Эллери схватил Лу за рукав:

— Мне нужно с тобой поговорить.

— Почему мне нигде не дают покоя, во имя Всевышнего? Вот, детка, поиграй, пока папа вернется. — Он высыпал пригоршню фишек в глубокий вырез декольте брюнетки. — Ну, так какого же дьявола тебе нужно?

— Тебя, — твердо сказал Эллери. — Ты останешься со мной, пока не появятся Ройлы и Стьюарты,

после чего тебе придется представить меня им. А потом можешь исчезнуть в клубах дыма, если пожелаешь.

Лу поморщился:

— Какой сегодня день?

— Суббота.

— А что же случилось с пятницей, черт побери? О, а вот и Джек Ройл. Пошли скорее, это колесо не может ждать меня весь вечер!

Он потащил Эллери к высокому интересному мужчине с волосами серо-стального цвета, хохотавшему над какой-то историей, которую рассказывал ему Алессандро. Это, вне всякого сомнения, был Джон Ройл собственной персоной; любому ребенку был знаком этот знаменитый профиль.

— Джек, вот парень по имени Эллери Квин, — скороговоркой пробормотал Лу. — Дай ему свой автограф и отпусти меня поскорее к колесу!

— Мистер Квин, — произнес знаменитый баритон, сопровождаемый знаменитой улыбкой под знаменитыми усиками. — Не обращайте внимания на этого пустоголового типа: он, очевидно, опять пьян, как всегда. Дурные манеры свойственны роду Стьюартов. Простите, одну минутку, — он обернулся к Алессандро: — Все

в порядке, Алек; просто я сегодня сыт ими по горло!

Маленький толстяк коротко кивнул и удалился.

— Ну-с, мистер Квин, как вам нравится работать на «Магну»?

— Значит, Бутчер все рассказал вам? Знаете ли вы, сколько трудов я приложил за последние три дня, чтобы повидаться с вами, мистер Ройл?

Знаменитая улыбка по-прежнему оставалась сердечной, однако в глазах появилась смущенная растерянность:

— Лаудербек говорил что-то… Три дня! Три, вы сказали? Боже мой, Квин, вы подсказали мне цифру! Простите меня, пока я буду разбивать толстое сердце и не менее толстый кошелек Алессандро!

И он помчался к кассиру менять пригоршню банкнот на столбик синих фишек, после чего нырнул в толпу за столиком рулетки.

— Пятьсот на номер три! — услышал Эллери его оживленный голос.

Пораженный столь научным подходом к теории вероятности, Эллери упустил контроль над Лу, чем тот не преминул воспользоваться. Номер три проиграл. Ройл усмехнулся, посмотрел на часы на стене, показывавшие пять минут деся-

того, и быстро поставил на девятку и на пятерку. Шарик остановился на семи.

В зал торжественно вошла Блайт Стьюарт, величественная в своем роскошном вечернем платье, сопровождаемая индусом в тюрбане и смокинге с темно-коричневым и невозмутимо-бесстрастным лицом. Толпа немедленно окружила ее.

— Блайт! Кто такой твой новый дружок?

— Готов поспорить, что он либо принц, либо раджа, либо кто-нибудь еще. Пусть Блайт скажет!

— Познакомь же меня, дорогая!

— О, прошу вас! — взмолилась актриса, смеясь. — Это Рамду Сингх; он — свами[27] из Индии или еще откуда-то, не помню, и обладает вторым зрением или чем-то в этом роде. Могу поклясться, потому что он рассказал обо мне множество забавных вещей. Свами будет помогать мне в игре.

— Как интересно!

— Лу, милый! — воскликнула Блайт, заметив своего троюродного брата. — Стань-ка в сторонку и смотри, как надо выигрывать! Проходите же, мистер Сингх!

Лу затуманенным взором обвел свами с ног до головы и пожал плечами:

---

[27] Примечания: 27
Прорицатель, предсказатель, гадальщик (*англо-инд.*).

— Твой кошелек, Блайт, и распоряжайся им сама!

Русский режиссер уступил актрисе свое место, и свами уселся позади нее, стоически не обращая внимания на любопытные взгляды толпы. Крупье немного растерялся и покосился на Алессандро, но тот улыбнулся, пожал плечами и удалился, не сказав ни слова.

— Делайте ваши ставки, — сказал крупье.

В это мгновение глаза Джона Ройла и Блайт Стьюарт встретились над игровым столом и, не моргнув, разминулись.

Ройл с таинственным видом сделал ставку. Свами что-то шепнул на ухо Блайт Стьюарт, и та не поставила ни одной фишки, словно следуя совету подождать, пока его душа не ощутит запах верного выигрыша. Колесо завертелось, шарик запрыгал и остановился; крупье принялся сгребать со стола фишки.

— Прошу прощения, — вежливо сказал Джон Ройл, взял протянутую лопаточку из рук крупье и ударил ею через стол по тюрбану свами. Тюрбан свалился с головы индуса, обнаружив совершенно лысый, блестящий, розовато-белый череп.

«Индус» поспешно нырнул за тюрбаном. Толпа ахнула от неожиданности. Блайт Стьюарт молча

растерянно уставилась на голую макушку свами.

Ройл с поклоном вернул лопатку крупье.

— Это Артур Вильям Парк, актер, — добродушно сказал он. — Помните его Полония[28], Сергей, в «Гамлете» в постановке Мензиса в двадцатом году? Прекрасно сыграл — как и сегодня, впрочем.

Парк выпрямился, гневно сверкая глазами.

— Извини, старик, — пробормотал Ройл. — Я знаю, что ты на мели, и неудачи постоянно преследуют тебя, но я не мог допустить, чтобы моих… друзей так пошло обманывали!

— Ты высоко задираешь нос, Ройл, — прохрипел Парк; было заметно, как побелели его щеки под гримом. — Погоди, когда тебе стукнет шестьдесят пять, и ты не сможешь получить приличную роль, потому что болен, как издыхающий пес, а на руках у тебя жена и калека-сын! Погоди!

Алессандро сделал знак двух своим подручным.

— Пошли отсюда, приятель, — сказал один из них.

— Погодите-ка минутку, — остановила их Блайт Стьюарт. Голос ее звучал спокойно, но глаза сверкали, точно индийский топаз. — Алессандро,

---

[28] Примечания: 28

Полоний — персонаж «Гамлета» У.Шекспира, отец Офелии и Лаэрта.

вызовите полицию!

— Ну что вы, мисс Стьюарт, — суетливо возразил Алессандро. — Успокойтесь! К чему нам здесь всякие неприятности…

Парк всхлипнул и попытался бежать, но оба подручных ухватили его за руки.

— Не надо, пожалуйста!

Улыбка на лице Ройла угасла.

— Нечего срывать свой гнев на этом несчастном только из-за того, что злишься на меня. Отпустите его!

— Я не позволю публично выставлять меня на посмешище!

— Мама! Что случилось? — Бонни Стьюарт, ослепительная в горностаевой накидке, со сверкающими в ярких лучах электрических ламп золотистыми локонами своей прелестной головки, вошла в зал под руку с Жаком Бутчером. Она оттолкнула его и бросилась к матери.

— О, крошка моя, этот скот подговорил вон того типа притвориться знаменитым свами, и он привел меня сюда, а гнусный негодяй при всех разоблачил его как дешевого комедианта! — всхлипывала Блайт, расплакавшись при виде сочувствующего лица. — Меня никогда в жизни еще так не позорили! — Она решительно топнула

ногой в очаровательной туфельке. — Алессандро, вы вызовете полицию или я должна это сделать сама? Я потребую арестовать их обоих!

— Не надо, дорогая, — обняв мать за плечи, мягко проговорила Бонни. — Этот человек, мне кажется, искренне раскаивается; вряд ли тебе будет приятно увидеть его за решеткой. — Она незаметно кивнула Алессандро поверх шелковистой прически матери, и тот, вздохнув с облегчением, дал знак своим людям вывести самозванца. — Но что касается мистера Ройла, — продолжала Бонни, пронзая негодующим взглядом знаменитого артиста, — то тут... дело обстоит несколько иначе!

— Бонни.... — предостерегающе проговорил Бутчер.

— Нет, Бутч, настало время высказать ему все...

— Моя дорогая Бонни, — с кривой улыбкой прервал ее Ройл. — Уверяю тебя, что я не имею ничего общего с этим маскарадом. Вероятно, Парк сам до этого додумался.

— Не уверяйте меня! — всхлипывала Блайт. — Я знаю тебя, Джон Ройл. О, с каким наслаждением я убила бы тебя!

Она подобрала длинный трен своего вечерне-

го платья и выбежала из игорного зала. Бонни последовала за ней, сопровождаемая Чудо-мальчиком, чье лицо было красным, как кирпич, от растерянности и смущения.

Ройл с напускной бравадой пожал плечами, что ему не очень удалось. Он сунул несколько банкнот в руку Лу Бэскома, кивнув в сторону двери. Тот неустойчивой походкой вышел, пряча деньги в карман.

— Делайте ваши ставки, — устало проговорил крупье.

* * *

Лу вернулся после долгого отсутствия.

— Ну и ночка! Нет, тут явный заговор против меня, чтобы я не обчистил дотла это заведение. И как раз тогда, когда мне начало везти!

— Полагаю, — вздохнул Эллери, — все хорошо, что хорошо кончается? Никто никого не убил?

— Чуть-чуть не дошло до этого. Столкнулся в дверях с Таем Ройлом, который только что пришел. Гориллы Алека рассказали ему, что произошло, и он стал упрашивать Парка взять у него деньги. Мальчик тратит на наших актеров больше средств, чем любой благотворительный фонд в Голливуде. Нет, старик взял деньги, конечно.

Теперь они все скандалят там, на улице.

— Значит, все это не было подстроено?

— Черт побери, конечно, нет! Хотя и бьюсь об заклад, Джек жалеет, что не додумался до такого!

— Сомневаюсь, — сухо возразил Эллери, бросая взгляд на Ройла. Великий актер сидел, сгорбившись, за стойкой бара перед шеренгой из шести высоких стаканов, наполненных его любимым коктейлем «Сайдкар».

— У Парка рак или нечто подобное; он вот уже два или три года не может устроиться на работу даже статистом. И что его заставило сюда явиться? Испортил мне весь вечер! — Лу скорчил свирепую гримасу. — Окостеневшая старая развалина! Я отвел его за угол и поставил пару рюмочек. Но денег Джека Ройла он не взял!

— Странная этика. Кстати, не могу сказать, чтобы Блайт Стьюарт провела сегодня очень приятный вечер.

— А, эта чокнутая дамочка! Она готова попасться на крючок любого шарлатана-предсказателя, ясновидящего или толкователя снов. Она даже за стол не сядет, пока на погадает на кофейной гуще!

Бонни с гневным лицом вернулась в зал. Чудо-мальчик встревоженно уцепился за ее руку.

Он что-то серьезно втолковывал ей, но она не обращала на него никакого внимания, нервно постукивая носком туфли по ковру и озираясь вокруг. Наконец, она заметила Джека Ройла, сидевшего в позе Будды за стойкой бара, и шагнула к нему.

— Постой-ка, ретивая красотка, — прозвучал голос на весь зал, и Бонни остановилась, словно наступила на электрический провод высокого напряжения.

Представительный, статный молодой человек в вечернем костюме, окруженный четырьмя прелестными юными девицами, появился в дверях заведения Алессандро. Эллери подметил, что толстяк выглядел несчастным.

— Опять ты? — проговорила Бонни с таким колоссальным презрением, что будь Эллери на месте молодого человека, он тут же бы залез в ближайшую трещину в штукатурке. — Можешь приберечь для себя свой пропитый голос! Он хотел этого, и он это получит!

— Если «это» означает драку, — холодно произнес Тай Ройл, — то не лучше ли затеять ее со мной? Я ближе к тебе по возрасту, тогда как отец уже немножечко перезрел.

Бонни смерила его взглядом с ног до головы.

— Зато он более мужчина, чем ты, — елейным голосом сказала она. — Во всяком случае, не щеголяет своим гаремом перед лицом достойных людей!

Четверо юных дам, окружающих Тая, ахнули от негодования, и Эллери на мгновение показалось, что сейчас вспыхнет всеобщая потасовка, в которой разрушение дорогостоящих причесок будет самым незначительным из причиненных ущербов.

— Тай, Бонни, — поспешно вмешался Чудомальчик, становясь между ними. — Только не здесь, ради всего святого! — Он в отчаянии огляделся по сторонам. — Квин! Какое счастье! Милая, это Эллери Квин. — И он потащил Тая Ройла в сторону.

— Если Бутч думает, что я позволю этому самодовольному кухаркиному герою отговорить меня от намерения выложить его отцу все, что я о нем думаю… — начала Бонни, сверкая глазами так, что казалось, будто из них сыплются искры.

— Но будет ли это благоразумно? — прервал ее Эллери. — Я хочу сказать…

— Бедная мама буквально сгорает от стыда! Конечно, она сама виновата, раз слушает всяких шарлатанов и мошенников в индусском обличье,

но какой порядочный человек позволит себе так опозорить женщину перед всеми, кто ее знает? Мама действительно очень милая и добрая, мистер Квин, только совершенно непрактичная; и я вынуждена присматривать за ней, как сиделка, иначе она обязательно попадет в какую-нибудь неприятность. Особенно с этими противными Ройлами, которые только и ждут подходящего случая, чтобы посмеяться над ней!

— Но, разумеется, не Тайлер Ройл? Он, кажется, вполне приличный парень.

— Приличный! Он отвратительный! Хотя должна признать, что маме он не докучает — он избрал своей мишенью меня, а я, слава Богу, в состоянии его приструнить. Но Джек Ройл… О, я уверена, что мама сегодня глаз не сомкнет и проплачет всю ночь! Мне придется до утра прикладывать уксусные компрессы к ее бедной голове!

— В таком случае, не кажется ли вам, — задал дипломатичный вопрос Эллери, — что, пожалуй, вам сейчас лучше уйти домой? Я имею в виду, в конце концов…

— О нет! — энергично возразила Бонни, гневно сверкая глазами по сторонам. — У меня здесь одно незаконченное дело, мистер Квин!

Эллери в отчаянии решился на небольшую

диверсию:

— Боюсь, что я чувствую себя невинным христианским мучеником, брошенным на съедение исключительно очаровательной юной львице!

— Что-что? — спросила Бонни, впервые за все время внимательно приглядываясь к Эллери.

— Я так говорю, время от времени, — смутился Эллери.

Она продолжала разглядывать его, точно невиданную диковинку, и затем разразилась веселым смехом:

— Где же вы были, мистер Квин? Это самый приятный комплимент из всех, услышанных мною в реальной жизни, а не на экране. Вы, должно быть, писатель?

— Вот именно. Разве Бутч не говорил вам обо мне?

— Может, и говорил. — Губы ее сложились в прелестную гримаску, и она взяла его под руку. Эллери слегка покраснел. Ее тело в тех точках, где оно соприкасалось с ним, было удивительно мягким и нежным, и от нее исходил приятный аромат. Не такой восхитительный, как от Полы Пэрис, конечно, но все же достаточно привлекательный, чтобы Эллери подумал, не превращается ли он в заправского ловеласа. — Вы

мне нравитесь. Можете проводить меня к столу с рулеткой.

— С удовольствием.

— О, я вспомнила! Вы тот, кто был вчера с Аланом Кларком?

— Значит, вы меня заметили?

— Разумеется, заметила. Я решила, что вы страховой агент. Кто-нибудь говорил вам, что вы напоминаете страхового агента?

— К столу! — простонал Эллери. — Прежде чем я напомню вам то, что вы видели в последнем ночном кошмаре!

Он нашел ей свободный стул за столом. Красный и потный Бутчер с довольным видом торопливо подбежал и высыпал перед Бонни две пригоршни фишек. Он подмигнул Эллери, вытер лицо, наклонился над девушкой и поцеловал ее в золотистый завиток на затылке.

Эллери, тут же вспомнив о леди по имени Пэрис, тяжело вздохнул. И надо же, черт побери, чтобы она оказалась такой отшельницей!

Он заметил, как Тайлер Ройл подошел к бару, положил руку отцу на плечо и весело заговорил с ним. Джек Ройл слегка повернул голову, и Эллери увидел у него на лице широкую улыбку. Тай дружелюбно хлопнул отца но спине и вернулся,

чтобы проводить свою прелестную женскую свиту к столику с рулеткой, разместив их всех рядом с Бонни. Он подчеркнуто не замечал ее, рассказывая о чем-то вполголоса своим подружкам, которые в ответ на его слова оживленно хихикали.

Бонни надула губки, затем улыбнулась и взглянула на Бутчера, прошептав ему что-то на ухо. Бутчер засмеялся, не очень весело, поскольку она тут же отвернулась, чтобы сделать ставку. Молодой мистер Ройл, окинув оценивающим взглядом стол, тоже сделал ставку. Мисс Стьюарт улыбнулась. Мистер Ройл нахмурился. Мисс Стьюарт нахмурилась. Мистер Ройл улыбнулся.

Крупье завертел колесо. Шарик покатился. Фишки издавали сухой щелкающий звук. Джек Ройл сидел у стойки бара, поглощая коктейль за коктейлем и молча глядя на свое эффектное отражение в зеркале. Бонни, казалось, всецело была поглощена игрой. Тай Ройл беспорядочно делал ставки.

Эллери только начал немного успокаиваться, когда услышал неприятное ржание у своего левого уха. Он обернулся и увидел рядом с собой Лу Бэскома, ухмыляющегося, точно толстобрюхий Пан[Бог лесов и пастбищ в древнегреческой

мифологии.].

— Слишком тихо стало, — пробормотал Лу. — Смотри-ка, что будет!

У Эллери возникло дурное предчувствие. Плутоватый огонек в глазах Лу не предвещал дальнейшего развития мирного процесса.

Игроки распределяли свои ставки. Бонни подвинула кучку синих фишек на номер 19, и Тай, едва ли обратив на это внимание, поставил такую же кучку на тот же номер. В эту минуту Алессандро ввел в зал весьма знаменитую в мире кино даму, только что женившую на себе князя Юсова, чья генеалогическая линия восходила чуть ли не к небесному трону. Князь со всеми своими царственными регалиями находился при ней, и все обернулись от столов, включая и крупье, чтобы насладиться зрелищем столь блестящей пары.

Лу спокойно подобрал фишки Бонни и передвинул их с номера 19 на номер 9.

«Боже мой, — ахнул про себя мистер Квин. — Если номер девятнадцать выиграет…».

— Девятнадцать! — объявил крупье, и руки Бонни и Тайлера протянулись с обоих концов стола и встретились на кучке синих фишек, придвинутых лопаточкой крупье. Бонни не убрала руку.

— Кто-нибудь объяснит этому джентльмену,

— ледяным голосом произнесла она, — что это мой выигрыш?

Тай продолжал держать ладонь на ее руке.

— Хоть я и далек от намерения спорить с дамой, но не объяснит ли кто-нибудь ей, что выигрыш мой?

— Джентльмен пытается показаться остроумным. Выигрыш мой.

— Леди не смогла бы сделать того же, даже если бы и постаралась. Выигрыш мой.

— Бутч! Ты же видел, как я поставила на девятнадцать, не так ли?

— Я не смотрел. Послушай, дорогая…

— Крупье! — сказал Тай Ройл. — Разве вы не видели, что я поставил на девятнадцать?

Крупье выглядел совершенно обескураженным:

— Боюсь, сэр, что я не заметил…

— Это ставка Тая, — заявила одна из его спутниц.

— Нет, это была ставка Бонни. Я видел, она ставила ее сюда, — возразил русский режиссер.

— Уверяю вас, я видел, как Тай…

— Нет, Бонни!..

Вокруг стола поднялся шум. Тай и Бонни испепеляли друг друга негодующими взглядами.

Чудо-мальчик был вне себя. Толстяк Алессандро торопливо бежал к месту скандала.

— Леди и джентльмены! Прошу вас! Вы беспокоите остальных игроков. В чем дело?

Тай и Бонни одновременно принялись объяснять.

— Это неправда! — бушевала Бонни. — сейчас же отпустите мою руку!

— Очень сожалею, — возражал Тай, — но я не вижу, почему я должен сделать это. Будь здесь замешан кто-нибудь другой, я бы мог поверить ему на слово…

— Да как ты смеешь!

— О, прекрати балаган! Ты же не на сцене. Это дешевый номер!

— Я устраиваю балаган? — воскликнула Бонни. — Я? Ах ты — комедиант!

Тай зааплодировал.

— Продолжай, сестричка: у тебя здорово получается!

— Сусальный красавчик!

Последний эпитет задел его сильнее прочих:

— Будь на твоем месте мужчина, я бы набил ему физиономию.

— Ты предвосхитил мои мысли! — И Бонни влепила ему звонкую пощечину.

Тай побледнел. Грудь Бонни вздымалась. Чудо-мальчик шепотом выговаривал ей, наклонившись к самому ее уху. Алессандро отрывисто убеждал в чем-то Тая, понизив голос.

— А мне наплевать на условности! Если она думает, будто может безнаказанно избить меня… — возражал Тай, гневно раздувая ноздри.

— Бесстыжий молокосос! — не унималась Бонни. — Обвинить меня в мошенничестве!

— Я рассчитаюсь с тобой за эту оплеуху, даже если это будет последним делом моей жизни! — кричал Тай поверх толстого плеча Алессандро.

— У меня в запасе найдется еще немало таких же, Тай Ройл!

— Прошу вас! — умоляюще причитал Алессандро. — Я выплачу каждому из вас выигрыш по этой ставке. Но теперь я вынужден просить вас, мисс Стьюарт и мистер Ройл, либо успокоиться, либо покинуть клуб!

— Покинуть? — взвилась Бонни. — Да я ни на секунду не останусь здесь дышать одним воздухом с этим фальшивым утешителем молодящихся старух!

Она вырвалась из цепких рук Чудо-мальчика и метнулась к двери. Тай оттолкнул Алессандро и бросился за ней. Чудо-мальчик поспешил вслед

за обоими.

Все трое исчезли под аккомпанемент криков и возбужденных возгласов.

— Мой шаловливый дружок, — обратился Эллери к Лу Бэскому. — Вы отмочили чертовски дурацкую шутку!

— Не правда ли? — оживленно вздохнул Лу. — Пойдем, детка, посмотрим, чем закончится схватка! — И он потащил свою брюнетку от игрового стола, торопясь за исчезнувшим трио.

Какое-то внутреннее чувство заставило Эллери обернуться и посмотреть на Джека Ройла. Знаменитый актер все еще неподвижно сидел за стойкой бара, как будто все то, что происходило за его спиной, так и не коснулось его слуха.

Но в с зеркале Эллери поймал отражение его губ. Их кривила горькая печальная улыбка.

Глава 4
Все кувырком

Семь дней, последовавшие за этим тихим вечером в клубе Алессандро, пролетели мимо ушей мистера Эллери Квина с ужасающим подобием пулеметной очереди; казалось, будто он на ничейной земле попал под перекрестный обстрел двух враждующих армий. К концу недели он не только накопил дымящуюся груду потрясающих фактов, но и изрядно подорвал свою нервную систему.

Эллери сидел в студии, по уши погруженный в океан газетных вырезок о Ройлах и Стьюартах, пытаясь систематизировать свои заметки, когда Жак Бутчер через рассыльного пригласил его в свой кабинет.

Чудо-мальчик выглядел усталым, но торжествующим.

— Mirabile dictu![29], — заявил он. — Мы на макушке успеха.

— Мир — чудесная штука, — Лу расплылся в улыбке. — Это бесспорно!

---

[29] Примечания: 29
Приятно сообщить (*лат.*).

— Неужели они согласились? — воскликнул Эллери, не веря собственным ушам.

— Полностью!

— Я отказываюсь в это поверить. Чем вы на них повлияли — гипнозом?

— Воззвал к их тщеславию. Я знал, что они не устоят.

— Блайт попыталась было трепыхаться, — хихикнул Лу, — но когда я сказал ей, что Джек возражает против ее участия и считает Корнелл более подходящей для этой роли, она сразу прикусила язычок и согласилась.

— А красавчик Джек что на это?

— О, с ним не было никаких проблем. — Лу нахмурился. — Конечно, насчет Корнелл — сплошная выдумка. Мне показалось, будто он действительно хочет сниматься вместе с Блайт.

— Он здорово осунулся за последнюю неделю, — озабоченно заметил Эллери.

— Черт побери, да он за несколько дней не опрокинул ни одного стаканчика! Такое может опустить на дно любого человека. Уверяю тебя, с Джеком что-то не в порядке!

— Не будем совать нос слишком глубоко в пути Господни, — благочестиво заметил Чудо-мальчик. — Главное — он согласился.

— Не могу себе представить, Бутч, чтобы с юной парой тебе удалось так же легко одержать победу!

Режиссер-постановщик пожал плечами:

— Тай в конце концов сдался, поскольку я убедил его в том, что зритель ожидает от него реалистичной роли — сейчас это в моде, — что может быть более реалистичным для Тая Ройла, чем роль самого Тая Ройла в его биографическом фильме? Знаешь, что он ответил? «Я покажу им настоящий реализм, — сказал он, — когда стисну руками милейшую шейку твоей невесты!»

— Нехорошо звучит, — покачал головой Эллери.

— Да, весьма нехорошо, — хихикнул Лу.

— Бонни, — продолжал Чудо-мальчик, — была хуже. Она согласилась принимать участие в съемках лишь при условии, если в сценарии будет хотя бы одна сцена, в которой она должна бить, царапать и истязать Тая до бесчувствия.

— А кто режиссер? — спросил Лу.

— Наверно, Кореи. У него отличная репутация еще по Бродвею. Помнишь, что он сотворил в прошлом году с той сложной сюжетной завязкой в «Дороге славы»? А почему ты спрашиваешь?

— Я просто представил себе, — мечтательно

проговорил Лу, — какая будет умора наблюдать за всем этим. Кореи — самый мелочный, придирчивый и щепетильный режиссер, требующий от актеров полной достоверности. Через два-три дня съемок сцены с мордобоем Тая у Бонни под ноготками накопится фунта полтора его мяса, прежде чем Кореи найдет их игру достаточно реалистичной!

Великая церемония подписания состоялась одиннадцатого числа, то есть в следующий понедельник. Суета, предшествовавшая этому знаменательному событию, чему Эллери был невольным слушателем и свидетелем, поскольку все происходило в соседней комнате, странным образом напоминала ему приготовление к посадке терпящего бедствие самолета, со скорой помощью и пожарной бригадой, торопящимися к посадочной полосе в предвидении неизбежной катастрофы.

Тем не менее, предусмотрев все за и против, высоким договаривающимся сторонам удалось подписать контракты без особых бедствий и осложнений, чего, судя по всему, очень опасался Чудо-мальчик. Мир был достигнут благодаря простой уловке: никто из действующих лиц на раскрывал рта. Джек Ройл, одетый даже более

тщательно, чем обычно, молча глядел в окно кабинета Бутчера, пока не подошла его очередь ставить свою подпись; после чего он вздохнул, улыбнулся фотокорреспондентам и так же молча удалился. Блайт, восхитительная в своем серебристом, отделанном лисой костюме, проявляла царственную выдержку и спокойствие. Правда; Бонни во время церемонии не сводила пристального взгляда с шеи Тая, словно замышляя нападение, но Тай, к чьим лучшим качествам воззвал накануне Бутчер, не обращал внимания на вызов, сверкавший в ее взгляде.

Журналисты и фотокорреспонденты были явно разочарованы.

— Черт побери, — недовольно проворчал Лу, когда все, наконец, удалились, — разве так строят конфликтные ситуации? Посмотри только, какой шанс мы упустили, Бутч?

— Пока мы не подписали контракт, — спокойно возразил режиссер-постановщик, — я не мог рисковать тем, что кто-нибудь из них пойдет на попятную и пустит все дело на ветер. Когда заряжаешь ловушку динамитом, не следует заниматься пустяками, Лу.

— Значит, сейчас можно уже приступать к работе, Бутч? — Спросил Сэм Викс.

— Поехали, Сэм!

И Сэм «поехал». Как все произошло, Эллери так и не разобрал — он сильно подозревал тайный сговор между агентами по рекламе и Лу Бэскомом, — но в понедельник вечером Бонни и Тай случайно встретились в баре клуба «Клеверный лист». Лу, очень удачно оказавшийся на месте, с подозрительным рвением принялся призывать их к примирению «ради доброй старой «Магны». Бонни, которую сопровождал некий богатый аргентинский джентльмен, вспыхнула и сказала какую-то колкость; Тай ответил тем же; аргентинскому джентльмену не понравился тон Тая; Таю не понравился тон аргентинского джентльмена; аргентинский джентльмен энергично потянул Тая за нос;

Тай швырнул аргентинского джентльмена через голову бармена прямо в зеркало за стойкой, не выдержавшее такого удара. В результате всего этого Бонни потребовала арестовать Тая за драку и нарушение общественного порядка. Выпущенный на поруки ранним утром во вторник под залог, внесенный его отцом, Тай в присутствии доброй половины всех репортеров Голливуда поклялся отомстить.

Газеты во вторник принесли Сэму Виксу полное

удовлетворение.

— Даже Голдвин[30], — скромно заявил он Эллери, — остался бы доволен такой рекламой!

* * *

Но в пятницу Викс уже не выглядел столь оптимистично. Даже черная повязка на его глазу тряслась, когда он ворвался в кабинет Чудо-мальчика, где Эллери и Лу Бэском орали друг на друга в процессе «принятия сценарного решения», пока Бутч молча сидел и слушал их ругань.

— Мы пошли ко дну, — запыхавшись, выпалил Викс. — Никогда нельзя верить актерам! Они нас погубили. Пола Пэрис только что намекнула мне на это!

— Кто что сделал? — резко прервал его Бутчер.

— Единственная вещь, которая взорвала всю затею с фильмом о Ройлах и Стьюартах выше Скалистых Гор. Джек и Блайт помирились!

Он обессиленно плюхнулся в кресло. Лу Бэском и Эллери молча уставились на него. Бутчер отвернулся к окну и замер неподвижно, скорчившись на стуле.

---

[30] Примечания: 30

Голдвин (Голдфиш) Сэмьюэл (1882–1974) — американский кинопродюсер.

— Продолжай, — сказал наконец Лу сдавленным голосом. — Это звучит так, как если бы мне сказали, будто Сталина и Троцкого застали за игрой а картишки с Дж. П. Морганом[31].

— Дело обстоит еще хуже! — простонал Викс. — Они собираются пожениться!

— Черт побери! — воскликнул Лу, вскакивая на ноги. — Это же пускает все дело под откос!

Чудо-мальчик снова повернулся на стуле и проговорил в коммутатор:

— Мэдж, соедините меня с Полой Пэрис.

— Requiescat in pace[32], — вздохнул Эллери. — Кто-нибудь знает расписание ближайших поездов до Нью-Йорка?

Лу мерил шагами комнату, провозглашая в потолок:

— Грандиозная идея полетела к чертям! Конфликт — ха! Ненависть! Тянули волынку более двадцати лет, и вдруг — на тебе! — вошли в клинч и погубили все дело! Да они просто не имеют права так поступать со мной!

Прозвенел телефон.

— Пола, это Жак Бутчер. Правда ли то, что Сэм

---

[31] Примечания: 31
Морган Джон Пирпонт (1867–1943) — американский финансист.

[32] Примечания: 32
Да почиет в мире (*лат.*) — первые слова молитвы над усопшим.

Викс говорит о вашем намеке относительно Джека и Блайт?

— Они в среду согласились простить друг друга и забыть обо всем, — ответила Пола. — Я узнала об этом вчера довольно поздно. Кажется, Джек прозрел в тот субботний вечер в «Подкове» после скандала с Парком, актером, и с тех пор мучается угрызениями совести. Похоже, это настоящая любовь, мистер Бутчер. Они уже поговаривают о свадьбе.

— Что же произошло?

— Я знаю столько же, Сколько и вы.

— Хорошо. Надеюсь, вы дадите достойную рецензию по этому поводу в вашей колонке, Пола.

— Не беспокойтесь, мистер Бутчер, — проворковала Пола. — Именно так я и поступлю.

Лу скорчил свирепую мину:

— Ну что, все так и есть?

А Эллери поинтересовался:

— Она не… не спрашивала про меня?

— Да — в ответ на первый вопрос, нет — на второй. — Чудо-мальчик удобнее откинулся на стуле. — Итак, ребята, из-за чего паника?

— Я чуть с ума не схожу, — завопил Лу, — а он шуточки шутит!

— Дело ясное, — заявил агент по рекламе. — Эта

женитьба превращает всю вражду в чистый блеф. На чем же теперь будет держаться наша реклама? Если уж им так приспичило жениться, черт бы их побрал, почему они не могут подождать, когда будет снят фильм?

— Послушайте, — спокойно сказал продюсер, вставая со стула и прохаживаясь по комнате. — В чем суть вашего сценария? История четырех людей, объединенных конфликтом на романтической почве. Джек и Блайт являются центральными фигурами. Почему?

— Потому что они психи, — заорал Лу, — и этим все объясняется!

— Потому что, глупая голова, они страстно любят друг друга. Вы сочиняете любовный сценарий, джентльмены, хотя никто из вас до сих пор и не догадался об этом. Они влюблены, между ними происходит разрыв, они становятся кровными врагами, но любовь превозмогает все, и через двадцать лет они соединяются вновь!

— Никакой логики, — возразил Эллери.

— И тем не менее, — возразил Чудо-мальчик, — так все и произошло. Неужели вы не видите, что у вас в руках? Естественный сюжет для нашей картины! Соответствует жизненной правде, как фотокопия. Спустя долгие годы жестокой вражды,

во время которой они готовы были вцепиться друг другу в глотки, они вдруг помирились.

— Да, но почему?

— Откуда я знаю? Мотивы — это ваша работа, твоя и Лу. Вы же писатели, не так ли? В чем загвоздка? Где ответ этой романтической загадки? Как вы думаете, за что я плачу вам деньги?

— Уф! — ошеломленно воскликнул Викс.

— А что касается тебя, Сэм, то у тебя теперь более благодарная рекламная тема, чем ненависть и вражда.

— Они помирились! — торжественно провозгласил Сэм.

— Вот именно! — рявкнул Бутчер. — И каждый любитель экрана в пределах досягаемости газеты или журнала обязательно задумается, почему, черт побери, они так поступили? Вот твоя линия, Сэм — держись за нее и раскручивай на полную катушку!

Рекламный агент хлопнул ладонью по столу:

— Конечно: почему они так поступили спустя двадцать лет непримиримой вражды? Смотрите наш фильм, и вы узнаете, почему!

— Ну вот, теперь ты понял. А ты болтаешь о том, чтобы сохранить их свадьбу в секрете, пока не будет снят фильм! Ерунда! Они должны по-

жениться немедленно, причем с таким шумом и помпой, которых еще не слыхала наша студия!

— Предоставь это мне, — мечтательно проговорил Сэм Викс, оживленно потирая руки.

— Мы устроим им супер-свадьбу. Киносъемка. Духовые оркестры, роскошные дамские туалеты, цветы, фраки, цилиндры, пресса… Превосходный шанс для популяризации фирмы!

— Погоди, — прошептал Лу, задумчиво почесывая нос. — У меня возникла идея…

— Да?

— Во всем мире свадьба проходят одинаково. Священник, церемонии, цветы ничего не значат. Главное — необычный антураж, вот что вызывает аршинные заголовки на первых полосах газет. Почему бы не перевернуть все с ног на голову?

— Да выкладывай же, не тяни резину!

— Вот в чем штука. Предложи им использовать для медового месяца остров Рид.

— Остров Рид? — не понял Эллери.

— У меня там дом, — объяснил Бутчер. — Небольшой скалистый островок в Тихом океане к юго-западу от Санта-Каталины, с расположенной на нем рыбачьей деревней. Продолжай, Лу.

— Итак, они отправляются туда самолетом! — энергичный толстяк чуть не приплясывал от

возбуждения. — Представляете: два влюбленных голубка улетают, растворяясь в лучах заката, чтобы погрузиться в океан любви! Но — что происходит до того, как они вспорхнут? Их венчают прямо на взлетном поле! Для этой цели мы сможем воспользоваться услугами старого доктора Эрминиуса, нашего приходского священника, совершающего свадебные обряды. Мы соберем миллион людей в аэропорту. На взлетном поле больше пространства, чем в церкви!

— Хм… — протянул Чудо-мальчик. — В этом что-то есть…

— Да черт побери, я сам подкину их на остров на своей развалюхе! — довольно осклабился Лу. — Я всегда считал, что костюм Амура[33] — фиговый листок и лук со стрелами — очень мне к лицу. Или вот Сэм может сделать это.

— Послушайте, — хихикнул Сэм, — а ведь этот сумасброд дело говорит! Только у меня идея получше. Почему бы на место пилота в их самолете не посадить Тая Роила? Сын прощает отца и играет роль Купидона[34] для знаменитого актерского

---

[33] Примечания: 33

Амур — бог любви в древнегреческой мифологии, изображался в виде мальчика с луком и стрелами.

[34] Примечания: 34

Древнеримский аналог Амура.

дуэта. Он же летает, как бог, и у него отличная машина.

— Вот-вот, — задумчиво проговорил Чудо-мальчик. — С этим номером уже можно выступать перед городской общественностью. Вполне достойно и благородно. Они хотят побыть в одиночестве. Собираются провести медовый месяц в укромной усадьбе знаменитого продюсера на уединенном островке посреди Тихого океана, вдали от докучливой толпы. Журналистов просят не беспокоить… Да, так они и послушались! Остров Рид будет выглядеть, как Бродвей во время встречи Линдби![35] Лу, идея принята.

Лу схватил бутылку:

— За невесту!

— Выпустите-ка меня отсюда, — проворчал Викс и выкатился за дверь.

— Простите мне мой скепсис, — сказал Эллери, — ко не слишком ли вы, ребята, оптимистично настроены? Предположим, наши друзья-влюбленные откажутся участвовать в этом шоу? Предположим, Тай Ройл не одобрит столь неожиданное решение своего знаменитого отца зарыть

---

[35] Примечания: 35

Линдберг Чарльз (1902–1974) — знаменитый американский летчик, в 1927 году впервые совершивший беспосадочный перелет через Атлантический океан из США во Францию.

топор войны?

— Предоставьте мне утрясти все детали, — уверенно заявил Бутчер. — Это моя забота. А ваша — сколотить приличный сюжет. Я хочу, чтобы сценарий был переделан и одобрен к тому времени, как они вернутся; не мешало бы также закончить и разбивку по частям и подготовить первую часть к съемкам. Так что давайте, ребята, за дело!

— Ты — босс, — усмехнулся Эллери. — Пошли, Лу?

Лу помахал перед его носом бутылкой:

— Разве ты не видишь, что я праздную свадьбу?

* * *

Таким образом, Эллери отправился на поиски сюжета самостоятельна. После нескольких телефонных звонков он направил свой взятый напрокат двухместный автомобиль в сторону Голливудских холмов. Он обнаружил дом Джека Ройла рядом с лос-анджелесским загородным клубом — чудовищное подобие английского средневекового замка, скопированное до мельчайших подробностей, вплоть до крепостного рва.

Парадная дверь стояла нараспашку, и ливрейных лакеев не было видно; поэтому Эллери, руководствуясь слухом, поднялся по лестнице в верхний вестибюль, откуда доносились приглушенные звуки негромкого, но оживленного спора. Здесь он нашел отсутствовавших слуг, столпившихся у двери в разнообразных позах любителей подслушивания.

Эллери похлопал по плечу безупречно одетого английского джентльмена.

— Поскольку здесь, кажется, публичное представление, — сухо произнес он, — то, надеюсь, вы не будете возражать, если я войду?

Джентльмен вздрогнул, покраснел, кто-то издал испуганный возглас, и все виновато попятились от дверей.

— Пвошу пвощения, но мистэу Войл…

— А, Лаудербек! — догадался Эллери. — Ведь вы Лаудербек, правда?

— Он самый, сэу, — сдержанно ответил Лаудербек.

— Счастлив заметить, — сказал Эллери, — что ваша чопорная английская лояльность к хозяину замешана на вполне человеческом чувстве любопытства, и ничего общего не имеет с привязанностью, например, мастифа или болонки.

Пропустите-ка меня, Лаудербек!

Эллери вошел в комнату современного барона, приготовившись ко всему; тем не менее, он слегка оцепенел от неожиданности. На крышке огромного пианино в позе туриста у лагерного костра сидела Бонни Стьюарт, взором разъяренной тигрицы глядя в невозмутимо-мирное лицо своей матери. В другом конце комнаты сидел Джек Ройл, потягивая коктейль, тогда как его сын нервно мерил шагами пространство перед камином, хлопая руками по бокам, словно возбужденный пингвин.

— …не вынесу этого! — простонала Бонни, обращаясь к матери.

— Чего именно ты не вынесешь, моя крошка?

— …такая сногсшибательная новость! — восклицал Тай. — Отец, ты в своем уме? Это… это же предательство!

— Напротив: именно сейчас я вернулся к здравому смыслу, Тай. Блайт, я люблю тебя!

— Я люблю тебя, Джек!

— Мама!

— Отец!

— О, это немыслимо!

— …что ноги моей не будет в этом доме! — рыдала Бонни. Блайт поднялась с круглого табурета

у фортепьяно и с мечтательным отрешенным выражением направилась к своему жениху. Бонни спрыгнула с крышки пианино и последовала за ней.

— Ради тебя я нарушила клятву! О, мама милая! Ни за какие блага мира не поступила бы я так, но Клотильда сказала, что ты пошла сюда, к этому… к этому человеку, и я…

— Неужели тебе так уж необходимо жениться на ней? — умолял Тай. — Спустя столько лет? Посмотри, сколько женщин могли бы быть твоими!

— Дорогая Блайт! — Джек Ройл тоже встал со стула, его сын не отставал от него. Эллери, не замеченный никем, наблюдал за ними широко раскрытыми глазами, сделав про себя вывод, что вскоре им, очевидно, понадобится некий регулировщик движения. Пути их перекрещивались и расходились, но столкновения каким-то чудом не происходило, несмотря на отсутствие дорожных знаков.

— …достаточно взрослый, чтобы самостоятельно строить свою жизнь, Тай!

— Из всех женщин на свете…

— Для меня существует только одна, — Джек заключил Блайт в объятия. — Двое против целого

мира, да, дорогая?

— Джек, я так счастлива!

— О Господи!

— …после всего того, что ты о нем говорила, мама, мне кажется, тебе должно быть стыдно…

— Бонни, Бонни! Мы уже твердо решили. Мы были глупыми…

— Были? — взмолилась Бонни, подняв глаза к потолку. — Вы и сейчас дураки!

— Кто дурак? — встрепенулся Тай.

— О, на воре шапка горит!

— Ты бы лучше попридержала свой язычок!

— Она моя мама, и я люблю ее, и не желаю видеть, как она жертвует жизнью и судьбой ради отца такого смазливого, ни на что не годного, презренного турка!

— И это говоришь ты, со своей слабостью к аргентинским игрокам в поло?

— Тай Ройл, я сейчас опять надаю пощечин по твоей гнусной физиономии!

— Попытайся — и клянусь, что выдублю твою очаровательную кожу, в том числе на месте, на котором ты сидишь!

— Тай…

— Бонни, милая…

— О, привет, Квин! — заметил, наконец, Элле-

ри Джек Ройл. — Занимайте место в ложе для зрителей. Тай, тебе придется прекратить свое выступление. Я достаточно взрослый, чтобы отдавать себе отчет в своих действиях. Блайт и я созданы друг для друга…

— Страница девяносто пятая Священного Писания, — хмуро проворчал Тай. — На завтра назначены съемки венчания. Ради всего святого, отец!

— Кто этот человек? — проворковала Блайт, глядя на Эллери. — Ну, Бонни, мне кажется, ты сказала достаточно. И тебе нужна губная помада.

— Провались она, губная помада! О мама, мама, как ты можешь?

— Джек, милый, стаканчик сухого мартини. Я вся изнываю от жажды!

— Мистер Квин! — воскликнула Бонни. — Ну, разве это не неприлично? Они уже помолвлены! Мама, я просто не могу этого допустить. Слышишь? Если ты будешь настаивать на этой немыслимой свадьбе…

— Чья это свадьба, между прочим? — усмехнулся Блайт.

— Я… я просто отрекусь от тебя, вот что я сделаю! Не нужна мне эта пучеглазая крахмальная манишка в роли приемного братца!

— Отречешься от меня, глупенькая моя?

— Это единственные разумные слова, которые я когда-нибудь слышал от этой блондинистой узколицей кривобокой мегеры в девичьем облике! — выпалил Тай в лицо своему отцу. — И я тоже. Если ты пойдешь на это, между нами все кончено, папа… О, Квин, прошу прощения! Ведь вы — Квин, не так ли? Налейте себе чего-нибудь выпить. Послушай, папа, очнись же наконец! Это всего лишь дурной сон!

— Тай, замолкни, — сухо оборвал его Джек Ройл. — Сигареты вон в том ящике, Квин. Дело решено, Тай, и хочешь не хочешь, но тебе придется проглотить это.

— Проглочу, можешь быть уверен!

— Мама, — бесцветным голосом проговорила Бонни. — Ты уйдешь сию же минуту из этого ненавистного дома вместе со мной, или нет?

— Нет, милая крошка, — нежно ответила Блайт. — А теперь — иди погуляй, как умная девочка, и не забудь навестить парикмахера. Твои волосы просто в ужасном состоянии!

— Правда? — встревожилась Бонни, но вскоре спохватилась и произнесла трагическим голосом: — Мама, это конец. Прощай, и надеюсь, что он не станет тебя бить, хоть знаю, что так оно и будет.

Помни, ты в любой момент можешь вернуться ко мне, потому что я действительно люблю тебя. О, мама! — И, разразившись слезами, Бонни вслепую бросилась к двери.

— Сейчас все представляется тебе сладким коктейлем, — горько проговорил Тай, — но через год жизнь с ней покажется тебе полынной настойкой пополам с опиумом. Прощай, отец!

Таким образом получилось, что принц и принцесса обоих королевских фамилий предприняли свой драматический уход одновременно, и в попытке поскорее покинуть сцену неожиданно столкнулись в дверях своими юными царственными лбами.

— Неуклюжий грубиян! — закричала Бонни сквозь слезы.

— А ты почему не смотришь, куда идешь?

— Вот так джентльмен! Где ты набрался таких манер — у Джема Ройла, знаменитого конокрада из Сассекса?

— Послушай, это мой дом, и ты сделаешь мне одолжение, если уберешься отсюда с такой быстротой, с которой эти твои ходули восьмого размера смогут тебя унести, — холодно произнес Тай.

— Твой дом! А мне казалось, будто ты только что

покинул его навсегда. По правде сказать, Тайлер Ройл, я очень подозреваю, что за всей абсурдной маминой идеей скрываются твои происки. Ты каким-то образом подстроил эту дурацкую затею, — ты, Макиавелли![36]

— Я? Да я согласился бы скорее видеть отца выступающим в роли голоса за сценой у Мински, чем связанным с твоей семейкой! Если уж на то пошло, то нынешняя комедия — твоих рук дело!

— Моих? Ха-ха! И зачем же мне это понадобилось, скажите на милость?

— Потому что ты и Блайт обречены на провал. Тогда как я с отцом в нашей последней картине…

— Ну да, я читала поистине редкостные потуги саморекламы в «Моушн Пикчер Геральд». А цифры кассовых сборов, опубликованные в «Верайети», — разве они не впечатляют?

— О, я вижу, ты одна из поклонников Ройлов!

— Разве такие существуют?

— Сплетница!

— Протирка для кинокамеры!

В самый драматический момент, когда Тай и Бонни пытались испепелить друг друга взгля-

---

[36] Примечания: 36

Макиавелли Никколо (1469–1527) — итальянский политик и писатель; оправдывал использование любых средств в интересах государства.

дами пылающих ненавистью и негодованием глаз, когда Джек и Блайт, стоя у камина, не обращая ни на кого внимания, демонстративно обняли друг друга своими знаменитыми руками, а мистер Квин тяжело вздыхал над фужером выдержанного бренди, Лаудербек, громко кашлянув, величественно вошел в комнату с подносом в руках.

— Пвошу пвощения, — произнес Лаудербек, устремив взгляд на картину Фрагонара[37] на стене напротив. — Некая фванцузская особа только что пвинесла письмо для мисс Блайт Стьюавт. Особа утвевждает, будто письмо только что пвибыло последней почтой по месту жительства мисс Стьюавт и что на нем стоит пометка «Очень важно».

* * *

— Клотильда! — воскликнула Бонни, хватая конверт с подноса. — Доставлять твою корреспонденцию сюда? Мама, и тебе не стыдно?

— Бонни, дитя мое, — спокойно возразила Блайт, отнимая у нее конверт. — С каких это пор ты читаешь письма своей матери? А я уже было

---

[37] Примечания: 37
Фрагонар Оноре (1732–1806) — французский художник.

поверила, будто ты навеки меня покинула!

— А ты, Тай? — с усмешкой спросил Джек Ройл, подходя поближе. — Ты тоже изменил свои намерения?

— О!.. — чуть слышно пробормотала Блайт Стьюарт.

Она в крайнем изумлении смотрела на содержимое конверта. В одной руке она держала два прямоугольных кусочка раскрашенного картона, а другой пыталась вытряхнуть из конверта что-нибудь еще, но там больше ничего не было.

— О!.. — еще невнятнее повторила она и повернулась к присутствующим спиной.

Мистер Квин, оставленный всеми без внимания, незаметно подошел сзади и заглянул ей через плечо. Кусочки картона, насколько он мог заметить, представляли собой две обыкновенные игральные карты. Одна была двойка треф, а вторая — десятка пик. Когда Блайт медленно перевернула карты рубашкой кверху, он увидел, что их тыльная сторона была синего цвета и украшена золотой подковой.

— Что случилось, мама? — встревоженно воскликнула Бонни.

Блайт обернулась. На лице ее застыла недоумевающая смущенная улыбка.

— Ничего особенно, глупышка. Кто-то решил пошутить таким странным образом. Значит, ты все еще продолжаешь беспокоиться о своей бедной старенькой маме, от которой только что отреклась навсегда.

— О, мама, не будь такой вредной! — сказала Бонни. Она тряхнула своими золотистыми локонами, и, фыркнув в сторону мистера Тайлера Ройла, величаво удалилась.

— До свидания, отец, — мрачно произнес Тай и вышел вслед за ней.

— Вот и все, — с облегчением вздохнул Джек. Он взял Блайт за руку: — Не так уж плохо получилось, верно, дорогая? Беда с нынешними ненормальными детьми! Поцелуй меня…

— Джек! Мы совсем забыли о мистере Квине. — Блайт повернулась к Эллери, одарив его ослепительной улыбкой. — Что вы должны были подумать о нас, мистер Квин! И сдается мне, мы до сих пор еще не представлены? Но Джек много говорил мне о вас, и Бутч тоже…

— Прошу меня простить, — вмешался великий актер. — Дорогая, познакомься: это Эллери Квин, который работает с Лу Бэскомом над нашей картиной. Итак, каково же ваше мнение о нас? Немного сумасбродные, правда?

— Мне кажется, — улыбнулся Эллери, — что вы живете ужасно интересной жизнью. Подумать только: вместо поздравлений вам посылают по почте игральные карты и тому подобную чепуху! Странное представление об юморе. Можно взглянуть, мисс Стьюарт?

— Да нет, это пустяки… — начала было Блайт, но каким-то образом конверт и карты очутились в руках у мистера Квина, и прежде чем она успела возразить, он уже принялся их внимательно рассматривать.

— Клуб «Подкова», конечно, — вполголоса рассуждал про себя Эллери. — Я заметил эту характерную эмблему на их картах в тот злополучный вечер. И ваш шутник очень аккуратно обошелся с конвертом. Адрес нацарапан печатными буквами обычной перьевой ручкой; чернила бледно-синие, водянистые, из тех, что встречаются, кажется, исключительно в американских почтовых отделениях. Письмо отправлено сегодня утром. Хм-м… Это первый конверт такого рода, который вы получили, мисс Блайт?

— Но вы не думаете… — начал Джек, обеспокоенно косясь на Блайт.

— Да говорю же вам… — Блайт тряхнула головой, и Эллери понял, от кого Бонни переняла свою

привычку. — Нет, в самом деле, мистер Квин, это совершенно ничего не значащий пустяк. Людям нашей профессии поклонники часто посылают по почте всякую нелепую ерунду.

— Но вы прежде получали подобные конверты?

Она, нахмурясь, посмотрела на него. Он молча улыбался. Блайт пожала плечами и подошла к фортепьяно; вернувшись с сумочкой, она раскрыла ее и достала оттуда еще один конверт.

— Блайт, за этим что-то кроется, — проворчал Ройл.

— О, Джек, к чему поднимать тревогу из-за пустяков? Первый конверт я получила в прошлый вторник, в тот день, когда мы подписывали контракт.

Эллери тщательно обследовал конверт. Он был точной копией тога, который только что принесла Клотильда, совпадал даже цвет чернил. Его отправили в понедельник, и на нем, как и на втором конверте, стоял штамп голливудского почтового отделения. Внутри находились две игральные карты с золотой подковой на синей рубашке: валет и семерка пик.

— Загадки и фокусы очень забавляют меня, — сказал Эллери. — И поскольку вы не придаете

никакого значения подобным чудачествам, то, конечно, не станете возражать, если я оставлю их у себя? — Он аккуратно разложил карты по конвертам и сунул их себе в карман. — А теперь, — бодро и оживленно продолжал Эллери, — вернемся к истинной причине моего визита. Сэм Викс только что принес в студию новость о вашем примирении…

— Так скоро? — воскликнула Блайт.

— Но мы же не обмолвились ни одной живой душе! — удивился Ройл.

— Вы ведь знаете Голливуд. Главный вопрос: как и почему вы решились на подобный шаг?

Джек и Блайт обменялись взглядами.

— Полагаю, Бутч вскоре свалится нам на голову, так что поневоле придется объяснять, — сказал актер. — Все очень просто, Квин. Мы с Блайт решили, что уже достаточно долго были идиотами. Мы любили друг друга все эти двадцать лет, и только глупая гордость заставляла нас держаться порознь. Вот и все.

— Когда я думаю о тех прекрасных годах… — вздохнула Блайт. — Милый, мы исковеркали всю нашу жизнь, разве не так?

— Но такое не годится для сценария! — запротестовал Эллери. — Я должен отыскать резонную

причину, по которой вы зарыли топор войны! Сюжет, милые мои, сюжет! Где конфликт? Где соперник или соперница? Вы же не можете свести все лишь к глупой размолвке двух горячих голов?

— Почему же? — усмехнулся Д'ойл. — Вполне можем. Ага, телефон!.. Да, Бутч, все верно… Постой! Погоди минутку… Ну да! Спасибо, Бутч. Я немного растерян… Подожди, Блайт тоже хочет с тобой поговорить…

Сбитый с толку мистер Квин незаметно удалился.

* * *

Мистер Квин вышел из-под мрачных сводов главного портала елизаветинского замка[38] Ройлов и к своему невысказанному изумлению заметил юного мистера Ройла и юную мисс Стьюарт, которые сидели рядом на краю подъемного моста, болтая ногами над водой крепостного рва. Как добрые старые друзья! Правда, не совсем так. До него донеслось громкое негодующее ворчание мистера Ройла, и на мгновение мистер Квин под-

[38] Примечания: 38

То есть построенного в архитектурном стиле времен царствования королевы Елизаветы I Тюдор (1533–1603, королева с 1558 г.).

дался было невольному импульсу броситься на помощь, заподозрив того в намерении утопить свою очаровательную собеседницу среди цветущих лилий внизу.

Однако он вовремя остановился. Сердитое рычание мистера Ройла было вызвано скорее негативным отношением к самому себе, чем к мисс Стьюарт.

— Боже, каким глупым щенком я выглядел! — послышалось в ворчании. — Но я не могу бросить старика! Он все, что у меня есть. Лаудербек — напыщенный осел, а агент думает только о деньгах. Если бы не я, он давно превратился бы в такого, как старик Парк!

— Да, да, ты прав, —• согласилась Бонни, глядя в воду.

— Что ты хочешь этим сказать? Да у него в одной левой брови больше таланта, чем у всех здешних комедиантов, вместе взятых! Я хотел лишь подчеркнуть, что он ужасно непрактичный — разбрасывает направо и палево все, что заработает!

— А ты, — промурлыкала Бонни, — в противоположность ему ужасный скряга. И скопил, конечно, миллионы!

— Не будем касаться меня, — покраснев, сказал

Тай. — Просто я ему нужен. Вот почему я согласился.

— Не надо мне ничего объяснять, — холодно ответила Бонни. — Меня не интересуете ни ты, ни твой отец, ни что-либо, касающееся вас обоих… Единственная причина, заставившая меня согласиться, заключается в том, что я не хотела огорчить маму. Я не могу ее бросить сейчас!

— Так кто же теперь объясняет? — язвительно усмехнулся Тай.

Бонни прикусила губу.

— Не знаю, что заставляет меня сидеть и болтать с тобой. Я тебя ненавижу и…

— У тебя стрелка поехала на чулке, — заметил Тай.

Бонни поспешно поддернула левую ногу и уселась на нее.

— Ты гадкий и невоспитанный тип! Конечно, ты сразу замечаешь подобные вещи!

— Я сожалею, что сказал тогда о… ну, о твоих ногах восьмого размера, — смущенно пробормотал Тай. — В действительности у тебя очень красивые стройные ноги, и туфли довольно маленького размера для такой крупной девушки, как ты. — Он швырнул в ров камешек и с преувеличенным внимание проследил за тем, сколько

раз он подпрыгнул на воде. — И фигурка тоже хорошенькая — в своем роде, конечно…

Бонни изумленно уставилась на него, Эллери издали заметил, как побледнели ее щеки и вся она неожиданно приобрела застенчивый и смущенный вид. Он заметил также, как она украдкой послюнила кончик указательного пальца и провела им по стрелке на чулке; как в отчаянии взглянула на сумочку, словно больше всего на свете желала раскрыть ее, достать зеркальце и проверить губы — не нужно ли их подкрасить? — и поправить свои медово-золотистые волосы, и вообще стала вести себя,так, как любая нормальная женщина.

— Очень красивая фигурка, — снова повторил юный мистер Ройл, швыряя в ров очередной камешек.

— Вот как? — вспыхнула Бонни, и рука ее метнулась к волосам, чтобы привести их в порядок незаметными прикосновениями, столь бессмысленными для мужского взгляда.

— Значит, — абсолютно непоследовательно продолжал молодой человек, — мы с тобой друзья. В смысле… до их свадьбы, разумеется. Договорились?

В этот психологически чрезвычайно важный

момент мистер Квин изо всех сил пытался подавить рвущийся из груди кашель. Невзирая на его усилия, кашель, тем не менее, настоял на своем и вырвался наружу.

Оба подскочили, точно у них над ухом внезапно выстрелили из револьвера. Тай покраснел до корней волос и неуклюже поднялся на ноги. Бонни с виноватым выражением прикусила губу и принялась бесцельно закрывать и открывать свою сумочку.

— Ничего мы не договорились! — холодно проговорила она. — О, хеллоу, мистер Квин! Я скорее подружусь с хорьком! Никаких условий, мой расфуфыренный петушок! Знаю я твои повадки с женщинами! Просто я не стану ссориться с тобой, пока мама и твой отец не поженятся!

— Привет, Квин. Скажите, видели ли вы в своей жизни более сварливую женщину, чем эта? — Тай тщательно отряхивал свой костюм от прилипших травинок и песчинок. — Ни одного приятного слова на несколько миллионов, которые она выпускает в минуту! Ладно, пусть будет по-твоему, Я думаю только об отце, вот и все.

— А я не стала бы этого делать ни за что в жизни, если бы не мама! Помогите мне встать, мистер Квин…

— Послушай, но ведь я…

— Мистер Квин?.. — проворковала Бонни.

Мистер Квин молча помог ей подняться на нош. Тай несколько раз распрямил свои могучие плечи, точно тяжелоатлет, разминающий мышцы перед поднятием штанги, и сердито посмотрел на девушку.

— Ладно, черт возьми, — проворчал он. — Пусть будет до свадьбы!

— Вы так любезны и воспитанны, мистер великий непревзойденный красавчик!

— Но разве я виноват, что родился с привлекательной внешностью? — взмолился Тай.

И они разошлись в разные стороны.

Мистер Квин с открытым ртом озадаченно глядел им вслед. Все это было чересчур сложно для его простого ума.

Глава 5
Унесенные ветром

Субботняя газетная колонка последних известий Полы Пэрис распространила животрепещущую новость на весь жаждущий сенсаций мир, и после полудня того же дня кинокомпании «Маша» пришлось удвоить охрану у главных ворот студии. Сторожевые овчарки хриплым лаем отгоняли любопытных от усадьбы Джека Ройла; Блайт заперлась в своем доме в Глендейле, построенном в стиле мечети, чьи двери непреклонно защищала верная молчаливая Клотильда, а Тай и Бонни, играя свою странную роль, согласились дать ошеломленным репортерам совместное интервью, в котором говорили друг другу комплименты и обменивались милыми улыбками перед объективами кино- и фотокамер.

— Все готово, — заявил Сэм Викс измотанному Эллери к концу чрезвычайно хлопотливого дня, устало вытирая вспотевшее лицо. — А завтра… О, приятель, погодите, и вы увидите, что будет завтра!

— Бонни не капризничает? — спросил Эллери.

— Пыталась, но я ее уговорил. Я боялся, что они придушат друг друга в воздухе, когда Тай возвращался с ней после посещения острова Рид.

— Удивительно, до чего послушно и согласно ведут себя Джек и Блайт, — сиял Чудо-мальчик. — А с Таем за штурвалом самолета, уносящего их к заоблачным высотам счастья — ну, разве это не сюжет, Сэм?

— Мамочки мои! — расплылся в довольной улыбке Лу Бэском. — Передайте-ка мне вон ту бутылку!

— Наши люди будут завтра руководить празднеством на летном поле, Бутч, — сказал рекламный агент. — А я слетаю на остров Рид, чтобы подготовить там все для встречи. Увидимся завтра вечером.

— Нет-нет! — торопливо возразил Бутчер. — Терпеть не могу все эти голливудские столпотворения. Я сказал Джеку и Блайт, что доктор настоятельно рекомендовал мне отдохнуть, и Бонни нс возражает. Съезжу-ка я завтра на Палм-Спрингс, поваляюсь на солнышке. Так что, ребята, устраивайте все сами. Встретимся в понедельник утром.

* * *

Ровно в полдень в воскресенье мистер Квин и Лу Бэском выехали в аэропорт на двухместном автомобиле Эллери. Бульвар Лос-Фелис был забит автомобилями, двигавшимися еле-еле, бампер к бамперу. Они потратили целый час, добираясь до поворота на Риверсайд, и еще один, с черепашьей скоростью ползя вдоль лос-анджелесской набережной через Гриффит-Парк к взлетному полю. Спустя пятнадцать минут бесполезных попыток припарковать машину Эллери бросил ее, и они принялись проталкиваться сквозь густую толпу к месту действия.

— Опоздали! — стонал Лу. — Эрминиус уже заканчивает свои причитания!

Блестящий красный с золотом моноплан Тая, сверкая на солнце, стоял, окруженный плотным полицейским кордоном. Обе пары Стьюартов и Ройлов, рука об руку, раскланивались и улыбались в бешеном круговороте фотографов, кинорепортеров, газетчиков и просто друзей и знакомых, громкими голосами перекрывающих медные звуки духового оркестра. Доктор Эрминиус с длинными черными бакенбардами, плавно развевающимися по ветру, сиял лучезарной

улыбкой всем и каждому над своим молитвенником и незаметно продвигался к наиболее людному месту, где были установлены треноги кинокамер.

— Отличная работа, док! — кричали в толпе.

— Вот это свадьба так свадьба!

— Великолепно, замечательно! Как насчет того, чтобы промочить горло, док Эрминиус?

— Но меня ему все равно никогда не женить!

— Столпотворение, как во время Страшного Суда, — хихикнул Лу. — Эй, вы там, пропустите меня! Держись за мной, Квин! Джек! Блайт!

Оркестр перестал играть «Вот идет невеста» и перешел к «Калифорния, иду к тебе».

— Лу! Мистер Квин! Все в порядке, офицер, пропустите!

— Бонни! Бонни Стьюарт! Повернитесь сюда, пожалуйста! Улыбнитесь Таю!

— Не скажете ли пару слов радиослушателям, Джек?

— Доктор Эрминиус, как насчет пары снимков?

— Да, сын мой, — поспешно, но с чувством собственного достоинства произнес почтенный пастырь и встал перед Джеком Ройлом.

— Джек! Блайт! Возьмитесь за руки так, чтобы

видны были обручальные кольца!

— Уберите же эту толпу от самолета, черт побери!

— Мисс Блайт! Мисс Блайт! — послышался пронзительный женский голос, и некая французская леди средних лет, одетая не без изящества, энергично прокладывая локтями путь через толпу, приблизилась к полицейскому кордону, неистово размахивая зажатым в кулаке почтовым конвертом.

— Клотильда! — воскликнула Блайт. Она вся сияла от счастья, руки были заняты охапками цветов, шляпка сбилась на затылок. Она бросилась навстречу Клотильде, но увидев конверт внезапно громко ахнула и побледнела. Через плечо полицейского офицера она выхватила письмо из руки Клотильды и разорвала конверт. Эллери видел, как она закрыла глаза, судорожно смяла конверт и отшвырнула его в сторону.

Спустя мгновение она вновь вернула себе безмятежный вид и с улыбкой возвратилась к группе людей у самолета.

Эллери протиснулся мимо корзин с цветами и фруктами, загромождавших все свободные проходы, и ухитрился незаметно подобрать письмо. Это был очередной конверт, надписанный

на почте, но на сей раз отправленный срочно со специальной доставкой. Внутри находились две половинки разорванной игральной карты с золотой подковой на обороте. Карта была восьмеркой пик.

Разорванная пополам… Эллери был уверен, что Блайт ее не рвала. Странно… Он помрачнел и сунул конверт в карман, озираясь по сторонам. Француженка уже успела исчезнуть в толпе.

— Тай! Поцелуй Бонни Стьюарт для «Новостей дня»!

— Джек! Джек! Обнимись со смущенной невестой!

— А это что такое? — закричал кто-то, держа на весу изящную плетеную корзинку с крышкой.

— Чей-то подарок, наверное! — перекрыл шум толпы голос Джека Ройла.

— Открой ее!

Бонни нагнулся над корзинкой и вскоре выпрямилась, держа в обеих руках два больших термоса:

— Посмотрите, люди, что я нашла!

— Сайдкар! — в восторге объявил Джек, отвинтив крышку одного из термосов и понюхав его содержимое. — Спасибо, неизвестный друг! Откуда ты знаешь о моей слабости?

— А в моем что? Мартини! — радостно закричала Блайт, обследовав второй термос. — Самый приятный подарок на дорожку!

— Выпьем же за жениха и невесту!.

Термосы пошли по рукам; в течение нескольких секунд все хохотали и шутливо боролись за их обладание. Лу отчаянно сражался с высокой плотной дамой, отвоевал оба термоса и разлил из них по глотку в невесть откуда появившиеся бумажные стаканчики.

— Эй, оставьте и нам хоть немного! — окликнул его Джек.

— Ты и так будешь пьян от любви!

— Такой здоровенный парень — и нуждаешься в стимуляторе?

— Вперед — и да здравствует любовь!

— А я говорю — имейте совесть! Так ведь и нам ничего не останется! — хохотал Джек, отбиваясь от дружеских объятий и похлопываний по спине и плечам.

Лу неохотно поставил термосы в корзинку, завинтив их крышками. Корзинка лежала рядом с грудой багажа у самолета.

Лу и Эллери толкали, стискивали, тузили и мяли в толпе оживленных провожающих, пока они не очутились посреди сумок, чемоданов и баулов,

готовых к отправке. Эллери в изнеможении уселся на корзинку с термосами и устало вздохнул:

— Не удивительно, что Бутч сбежал в Палм-Спрингс!

— Кто утащил мой шлем? — послышался голос Тая Ройла. — Мак, проверь-ка у них, пока я принесу другой! — И он нырнул в толпу, направляясь к ближайшему ангару.

— Что происходит — революция?

Эллери обернулся, пытаясь спасти свою шляпу от окончательной гибели в толпе и толчее, и увидел сзади ухмыляющегося Алана Кларка, своего литературного агента, глядевшего на него сверху вниз.

— Да нет, просто тихий воскресный день в Голливуде, Алан. Они уже готовы к вылету.

— Дайте же мне поцеловать невесту, в конце концов! — яростно шумел Лу. Он подхватил Блайт, притянул к себе и влепил ей смачный поцелуй, в то время как Джек, усмехаясь, начал забрасывать вещи в кабину самолета. Бонни, совершенно неотразимая в леопардовой шубке до колен и в круглой русской шапочке из того же меха, по всей видимости должна была оказаться его следующей жертвой, но тут к ней подбежал какой-то мужчина:

— Мисс Бонни Стьюарт! Мистер Тайлер Ройл просит вас прийти к нему в ангар.

Бонни состроила гримаску, улыбнулась в угоду глазеющей публике и последовала за ним.

* * *

Бонни огляделась внутри полутемного ангара. Он казался пустым. Девушка обернулась к приведшему ее сюда мужчине, но тот уже ушел.

— Тай! — окликнула она. Голос ее громким эхом отразился от высокого потолка.

— Я здесь!

Бонни направилась в ту сторону, откуда донесся голос Тая, и нашла его позади покрытого брезентом биплана, роющимся в железном шкафчике со спецодеждой.

Тай в недоумении уставился на нее:

— Что тебе здесь надо, липучка?

— Мне? Что тебе надо!

— Ничего — особенно от тебя.

— Послушай-ка, Тай Ройл, я уже достаточно натерпелась сегодня от тебя и без этой игры в кошки-мышки! Ты только что послал за мной. Что тебе надо?

— Я посылал за тобой? Черта с два я это делал!

— Тай Ройл, не валяй дурака, потому что в этом

нет необходимости!

Тай гневно сжал кулаки:

— О, если бы ты не была женщиной!

— А мне показалось, что совсем недавно ты был благодарен судьбе именно за то, что я женщина, — холодно отпарировала Бонни. — Твой поцелуй был довольно пылким!

— Да меня кинооператор просил постараться!

— С каких это пор ты следуешь приказам кинооператора?

— Послушай! — закричал выведенный из себя Тай. — Я не стал бы целовать тебя по доброй воле, даже если бы целых пять лет в глаза не видел женщин! Твои губы похожи на два комка резины. Как только твоим партнерам не противно целовать тебя перед камерой? Им следовало бы выдать медаль за исключительное самопожертвование в выполнении своего долга!

Бонни побледнела.

— Ты… Ты… — начала она, не находя слов от негодования.

За их спина послышалось легкое покашливание. Оба обернулись, и оба замерли в недоумении.

Позади них, широко расставив ноги, молча стояла высокая фигура в наглухо застегнутом

комбинезоне, в защитных очках и шлеме, с меховыми перчатками на руках. В одной руке фигура держала направленный на них револьвер.

— Ладно, сдаюсь, — сказал Тай. — В чем соль этой шутки?

Револьвер слегка качнулся, недвусмысленно призывая к молчанию. Тай и Бонни одновременно затаили дыхание.

Фигура толчком ноги со скрежетом придвинула к Таю по бетонному полу ангара железный стул. Рука с револьвером жестом приказала Таю сесть. Тот повиновался. Бонни стояла молча и совершенно неподвижно.

Моток прочной веревки, загодя разрезанной на небольшие куски, перелетел по воздуху и ударил Бонни по ногам. Револьвер указал на Тая.

Тай вскочил со стула, хрипло рыча от бешенства. Револьвер мгновенно уставился прямо ему в грудь.

— Тай, — взмолилась Бонни. — Прошу тебя, не надо…

— Не надейся, что тебе легко сойдет с рук эта дурацкая затея, — глухо сказал Тай. — Чего тебе надо? Денег? Вот, возьми!

Черный зрачок револьверного дула остановил его. Бонни торопливо нагнулась, подхватила

веревку и принялась привязывать Тая к ножкам и спинке стула.

— Все ясно, — с горечью в голосе проговорил Тай. — Теперь мне все понятно. Одна из твоих милых штучек! Но на сей раз, клянусь Богом, ты зашла слишком далеко. Я отправлю тебя в тюрьму за это!

— Револьвер — не игрушка, — прошептала Бонни, — и хотя я порой грубо с тобой обращалась, но до перестрелки дело не доходило. Разве ты не видишь, что этот тип не намерен шутить? Я не очень крепко тебя свяжу…

Дуло револьвера уперлось ей между лопаток. Бонни прикусила губу и потуже затянула веревки. Приготовленный кляп появился в затянутой в меховую перчатку руке и занял свое место во рту у Тая.

Предметы стали качаться и расплываться перед глазами Бонни. Все казалось сплошным абсурдом — эта мертвая тишина, эта безъязыкая фигура, угрожающая револьвером… Бонни зажмурилась и закричала. Ответом ей было лишь глухое эхо в пустом ангаре.

Однако фигура мгновенно прореагировала на ее крик. Рука в перчатке зажала ей рот и потащила ее ко второму стулу. Девушка пыталась бороть-

ся, брыкаясь, кусаясь и царапаясь, но все было напрасно. Вскоре и она оказалась привязанной к стулу, превратившись в такую же беспомощную куклу, как и Тай; загадочная фигура, наклонившись над ним, тщательно проверила веревки, затянув потуже одни и добавив новые. Затем, все так же беззвучно, фигура подняла руку в насмешливом салюте и, сунув револьвер в карман, исчезла за прикрытым брезентом бипланом.

Глаза Тая пылали бешеной яростью над закрывавшей его рот повязкой; он извивался и корчился на стуле, пытаясь освободиться от пут, но добился лишь того, что вместе со стулом грохнулся навзничь. Голова его ударилась о бетонный пол с тупым стуком, от которого на душе у Бонни все перевернулось. Юноша замер неподвижно, лежа на спине с закрытыми глазами и не подавая признаков жизни.

* * *

— А вот и он! — воскликнул Джек, обнимая одной рукой Блайт и стоя на передвижной лесенке у входа в самолет. — Тай! Иди сюда!

— А где Бонни? — закричала Блайт. — Бон-ни!

— Застряла где-нибудь в толпе. Тай!

Высокая фигура в защитных очках и пилотском

шлеме протолкалась сквозь толпу и принялась забрасывать в кабину самолета оставшийся багаж. Эллери поднялся с плетеной корзинки и предупредительно подал ее человеку в защитных очках. Тот помахал Джеку и Блайт, приглашая заходить в самолет, поднял над головой корзинку в знак прощания с провожающими, и нырнул в кабину. Дверца за всеми тремя захлопнулась.

— Счастливой посадки! — заорал Лу.

Блайт и Джек прижали улыбающиеся лица к окну кабины, и оркестр грянул «Свадебный марш» из «Лоэнгрина»[39],

Толпа оживленно подхватила мелодию.

Бонни лихорадочно озиралась вокруг. Внезапно у нее перехватило дыхание: сквозь ближайшее к ней окно ангара она увидела высокую фигуру в защитных очках, торопливо бегущую к самолету Тая. И тут до нее впервые дошло, что фигура была одета точь в точь, как Тай: летный комбинезон, шлем, защитные очки… Джек… Блайт… оживленные, смеющиеся, посылающие воздушные поцелуи… Медные звуки оркестра приглушенно донеслись сквозь стенки ангара.

И затем перед ее широко раскрытыми от ужаса

---

[39] Примечания: 39
Опера Рихарда Вагнера.

глазами красно-золотистый самолет тронулся с места, покатил по взлетному полю, оторвался от него и начал набирать высоту — все выше… выше…

Последнее, что заметила Бонни перед тем, как все погрузилось во мрак, был белый носовой платок матери, которым она махала на прощание в окне кабины самолета.

* * *

Целую вечность спустя Бонни раскрыла глаза в пустой и бесцветный мир, который вскоре однако начал наполняться красками, звуками и запахами. Она лежала на боку на холодном бетонном полу, привязанная к стулу. В нескольких футах в стороне лежал Тай, очень бледный, неподвижный, совсем… мертвый. Тай!

Она пошевелилась, и тысячи острых иголочек закололи ее онемевшее тело. Вместе с болью вернулась память. Блайт… Блайт улетела.

Потеряв сознание, Бонни свалилась набок. Давно ли? Сколько… сколько времени сейчас?

Блайт… Блайт улетела… Как облачко дыма, растворившись в чистом небесном пространстве.

Во время падения кляп вывалился у нее изо рта.

И Тай мертв…

Мама…

Бонни застонала. Ее стон эхом вернулся к ней — беспомощной, растерянной, лежащей на холодном полу ангара позади прикрытого брезентом самолета.

Тай пошевелился…

Бонни, мучительно извиваясь, дюйм за дюймом поползла к нему, волоча за собой стул, к которому была привязана. Он открыл налитые кровью глаза.

— Тай, — задыхаясь, с трудом проговорила Бонни. — Их похитили! Джека… и маму… Тот человек — он улетел с ними на самолете, притворившись тобой!

Тай закрыл глаза. Когда он снова раскрыл их, Бонни

поразилась их неестественно красному цвету. Кляп судорожно дергался у него во рту, точно он изо всех сил пытался заговорить. Она заметила, как напряглись жилы у него на шее.

Бонни прижалась щекой к лицу Тая, стараясь дотянуться зубами до конца тряпки, торчавшей у него изо рта. Наконец, это ей удалось, и она принялась дергать, тащить, расшатывать кляп, пока в конце концов ее усилия не увенчались

успехом. Щеки Тая были холодными, как пол, на котором они оба лежали.

— Бонни, — голос его был совершенно неузнаваем. — Попытайся ослабить эти веревки.

На мгновение их дыхание слилось воедино и взгляды сомкнулись. Затем Бонни отвернулась, а Тай перекатился на бок, чтобы ей было удобнее вцепиться зубами в узел, затянутый на его руках.

* * *

К счастью, Эллери и оба ею спутника еще не покинули летное поле. Эллери стоило лишь раз взглянуть на тысячную толпу, запрудившую место стоянки автомашин, чтобы предсказать длительную заминку. Поэтому он, Лу и Алан Кларк отправились в ресторан при аэровокзале, чтобы подкрепиться сэндвичами и кофе.

Их вялое обсуждение будущего киносценария было внезапно прервано сильной суматохой и замешательством снаружи; выскочив из ресторана, они наткнулись у одного из ангаров на возбужденный муравейник из аэродромных служащих, пилотов, механиков и полицейских, суетившихся вокруг Тая, потиравшего затекшие руки, и Бонни, которая молча сидела, сложив

руки на коленях, с лицом белее собственного носового платка, отрешенно глядя на деловито снующих людей-муравьев и не замечая их.

— В том самолете — мой отец! — объяснял всем Тай. — Квин! Слава Богу, хоть одно знакомое лицо! И Лу! Свяжитесь с Бутчем. Позвоните на остров Рид. Делайте же что-нибудь, черт возьми!

— Сейчас нет смысла звонить на остров Рид, — сказал Эллери, обращаясь к Лу. — Это единственное место, о котором можно с абсолютной достоверностью утверждать, что похититель их туда не потащит. Хотелось бы мне знать…

— Маму увезли, — безучастно проговорила Бонни. Одна из стюардесс попыталась было ее увести, но она отрицательно покачала головой.

Эллери позвонил в справочную службу, затем заказал разговор с усадьбой Толленда Стьюарта. Спустя довольно продолжительное время ему ответил сухой брюзгливый мужской голос.

— Это мистер Толленд Стьюарт?

Эллери показалось, будто голос внезапно насторожился:

— Нет, это доктор Джуниус. А кто хочет говорить с мистером Стьюартом?

Эллери объяснил, что произошло, и поинтересовался, не пролетал ли моноплан Тая над

усадьбой в Шоколадных горах. Однако личный врач Толленда Стьюарта отверг такое предположение.

— Ни одного самолета за целый день. Кстати, не исключено ли, что мистер Ройл и мисс Стьюарт сами прибегли к такому экстравагантному способу, чтобы избежать любопытства толпы? Возможно — и это вполне естественно, — они хотели провести медовый месяц без посторонних соглядатаев?

— И наняли бандита, чтобы тот связал Тая и Бонни и угнал самолет? — сухо возразил Эллери. — Нет, доктор, я так не думаю.

— Ладно, дайте мне знать, если что-нибудь прояснится, — сказал доктор Джуниус. — Мистер Стьюарт пошел сегодня поохотиться на кроликов и до сих пор еще не вернулся.

Эллери поблагодарил его, дал отбой и вызвал Палм-Спрингс. Однако Жака Бутчера нигде не могли найти. Поэтому Эллери оставил для него телефонограмму и позвонил на остров Рид. Сэма Викса там не было — он куда-то улетел; как Эллери ни пытался, он так и не мог добиться, куда.

— Значит, самолет мистер Ройла не приземлялся на острове Рид?

— Нет. Мы до сих пор ждем. Что-нибудь не в

порядке? Они должны были бы уже прилететь к этому времени.

Эллери вздохнул и повесил трубку.

Явилась полиция, официальные чины службы безопасности, следственного отдела; тучи репортеров налетели, как саранча. За несколько секунд летное поле запрудила толпа даже более плотная, чем перед отлетом, и пришлось вызвать полицейское подкрепление. Тем временем поисковые самолеты с городского аэродрома и из ближайших военно-воздушных соединений поднялись в воздух, держа курс на юго-запад, туда, куда улетел красно-золотистый моноплан.

День тянулся бесконечно; ближе к закату с запада прилетела небольшая двухместная авиетка, из которой выскочил Чудо-мальчик и помчался к ангару. Он заключил Бонни в объятия, и она расплакалась у нею на груди; Тай в это время беспокойно шагал взад и вперед, жадно куря сигарету за сигаретой

— Есть! — закричал, подбегая к ним, один из диспетчеров аэропорта. — Военный разведчик только что заметил красно-золотистый моноплан на пустынном плато в Шоколадных горах. Никаких признаков жизни…

— Катастрофа? — хрипло спросил Тай.

— Нет. Просто посажен там.

— Странно… — пробормотал Эллери, но ничего больше не сказал, потому что заметил выражение лица Бонни. Он видел такие лица у осужденных преступников, которым в последнюю минуту объявили об отмене смертного приговора.

* * *

Было выделено еще несколько самолетов, и вскоре небольшой поисковый отряд взмыл в воздух и устремил свои крылья в сторону заходящего солнца.

В наступивших сумерках они держали курс над горами Сан-Бернардино по радиомаяку. Отсюда они взяли направление на легкий отблеск на южных горных вершинах, вскоре прекратившийся в сияние сигнальных огней на плоском пустынном плато.

Когда они приземлились, армейские летчики встретили их с пистолетами наготове. В их поведении чувствовалась какая-то неуверенность, словно они не были расположены к разговорам здесь, ночью, под яркими звездами в холодном бледном свете сигнальных огней.

— Мой отец… — начал Тай, бросившись бежать к своему золотисто-красному самолету, мирно

стоявшему на плоскогорье и окруженному толпой людей.

— Моя мама… — проговорила Бонни, последовав за ним на несгибающихся ногах.

Офицер в шлеме приглушенным голосом сказал что-то Жаку Бутчеру, и тот как-то странно и жалко улыбнулся. Он обернулся к Эллери и Лу, словно ища у них поддержки, и окликнул Бонни:

— Бонни! Погоди-ка минутку…

Бонни остановилась, отвернув лицо от призрачного света сигнальных ламп; она была очень напугана, хоть и старалась скрыть это изо всех сил; Тай тоже остановился, резко, словно налетел на высокую каменную стену.

Эллери и Жак Бутчер вошли в кабину самолета, и кто-то закрыл за ними дверь.

Снаружи Тай и Бонни стояли в нескольких футах друг от друга — две неподвижные фигуры в толпе мятущихся людей. Никто из них не произносил ни слова, и оба неотрывно уставились на закрытую дверь монопланa. И никто не приближался и не заговаривал с ними.

«Как близко здесь небо, — неожиданно подумала Бонни. — Оно совсем рядом ночью, в горах…»

Дверца кабины отворилась, и Жак Бутчер тяжелыми шагами вышел из нее, словно водолаз,

бредущий по морскому дну. Он подошел к Таю и Бонни и встал между ними, положив правую руку на плечо Бонни, а левую на плечо Тая.

— Пилот отсутствует, — проговорил он голосом, прозвучавшим неожиданно громко во внезапно воцарившейся тишине на плато. — Что я могу сказать вам, Бонни, Тай? Джек и Блайт там, в самолете…

— В самолете… — повторила Бонни, ступив на полшага вперед. Затем она замерла на месте.

— Внутри? — спросила она по-детски удивленно. — Почему же они… не выходят?

Тай повернулся и пошел прочь. Сделав несколько шагов, он тоже остановился, темным неподвижным силуэтом четко выделяясь на фоне ярких звезд.

— Бонни, милая… — глухо проговорил Бутчер.

— Бутч, — вздохнула Бонни. — Они не… не…

— Они оба мертвы.

Небо здесь было так близко…

Часть вторая

Глава 6
Шоколадные горы

Небо было так близко, потому что оно рухнуло вниз с высоты триллиона миль. Вниз, сквозь булавочные отверстия бесчисленных звезд. Вниз, на поросшее густым колючим плато. Вниз, прямо на голову Бонни.

Она закрыла глаза ладонями:

— Этого не может быть… Я просто не верю в это… Не верю…

— Бонни, — жалобно проговорил Жак Бутчер.

— Но этого не может быть! Только не с Блайт! Только не с мамой!

— Бонни… Дорогая, прошу тебя…

— Она уверяла всех, что никогда не постареет. Она всегда говорила, что будет жить миллионы, миллионы лет!

— Бонни, позволь мне увести тебя отсюда!

— Она не хотела умирать. Она боялась смерти. Иногда посреди ночи она начинала плакать во сне; тогда я забиралась к ней в постель, и она прижималась ко мне, как ребенок…

— Я попрошу одного из военных летчиков от-

везти тебя назад в Лос-Анджелес…

— Это какая-то глупая шутка, — медленно проговорила она. — Вы все здесь сговорились! Этого не может быть!

Вернулся Тайлер Ройл, еле переступая на заплетающихся ногах; лицо его казалось бледным и безжизненным на фоне мертвого света сигнальных огней.

— Пошли, Бонни, — сказал, он, проходя мимо, так, словно в этом пустом мрачном мире существовали только он и Бонни.

И Бонни отвернулась от Бутча и послушно последовала за Таем в каком-то неестественном оцепенении, словно в гипнотическом трансе.

Лу Бэском подошел к Бутчеру, который остался стоять безмолвно и неподвижно, и хрипло произнес:

— Ради Бога, как можно отсюда выбраться?

— Отрасти себе пару крыльев!

— Не-е, — сказал Лу. — Я… мне нехорошо… — Он сунул свою толстую физиономию в густую листву кустарника и принялся издавать икающие звуки, словно его выворачивало наизнанку. — Бутч, я должен убраться отсюда, с этой проклятой столешницы! Мне надо выпить. Мне надо здорово выпить!

— Не морочь мне голову!

— Я не выношу покойников! Они ведь… они ведь…

Бутчер повернулся и молча пошел прочь. Тай и Бонни, казалось, медленно плыли сквозь рассеянный свет звезд вперемешку со светом сигнальных огней, словно в волшебном ореоле. Их темные фигуры слились с остальными, толпившимися возле стоящих самолетов.

Лу опустился на жесткую траву, схватившись руками за живот и дрожа на холодном ветру. Спустя мгновение он с трудом поднялся на ноги и заковылял к военному самолету с вращающимся пропеллером, готовому взлететь.

— Вы улетаете отсюда? — закричал он, стараясь перекрыть шум мотора.

Пилот кивнул, и Лу торопливо забрался на заднее сидение. Шляпу его унесло порывом ветра. Он глубоко опустился на сидение, дрожа всем телом. Самолет тронулся с места и покатил, набирая разбег.

В кабине золотисто-красного моноплана высокий мужчина в мундире авиатора недоуменно пожал плечами:

— Они были похищены человеком, который предусмотрел все, чтобы его не узнали, а потом

вдруг — такой финал. Странно все это, мистер Квин!

— Странно? — прищурился Эллери. — У греков на сей счет имеется другое определение, лейтенант.

Джон Ройл и Блайт Стьюарт сидели полулежа в кабине в кожаных креслах с откидными спинками, разделенные узким проходом. Их багаж, корзины с цветами, плетеная корзинка стояли в проходе между ними. Крышка корзинки была открыта. На полу под безвольно повисшей левой рукой Ройла лежали остатки недоеденного сэндвича. Один из термосов из плетеной корзинки стоял тут же. Пустая завинчивающаяся крышка-колпачок застряла у Джека между колен. Его красивое лицо было абсолютно спокойно. Казалось, что он просто мирно уснул.

Второй термос очевидно выпал из правой руки Блайт; он лежал на боку, зияя открытым горлышком среди смятых розовых бутонов в цветочной корзине, стоявшей подле нее. Скомканный пакет из вощеной бумага — упаковка от сэндвича — лежала у нее на коленях. Крышка от второго термоса валялась на полу, у нее между ног. Блайт тоже казалась спящей, с закрытыми глазами и спокойным невозмутимым лицом.

— Тем не менее, очень странно, — настаивал лейтенант, вглядываясь в их холодные неподвижные лица, — что они погибли практически одновременно.

— Уверяю вас, ничего странного.

— Но ведь их не застрелили, не зарезали, не задушили: вы сами можете в этом убедиться. А одновременная остановка сердца кажется очень уж невероятным совпадением!

— С таким же успехом можно утверждать, — возразил Эллери, — что человек с разбитым вдребезги черепом погиб от остановки сердца. Взгляните-ка сюда, лейтенант!

Он наклонился над телом Ройла и большим пальцем оттянул веко его правого глаза. Зрачок был почти невидим; он сократился до размеров точки.

Эллери перешагнул через загроможденный проход и таким же способом раскрыл правый глаз Блайт Стьюарт.

— Сильно сокращены зрачки, — пожал он плечами. — И обратите внимание на разлитую бледность и синюшную окраску кожных покровов — цианоз. Они оба погибли от отравления морфием.

— Джек Ройл и Блайт Стьюарт убиты? — опе-

шил лейтенант. — Не может быть!

— Убиты! — в дверях кабины появилась фигура Бонни Стьюарт. — Нет! О, нет!

Она упала на тело матери, сотрясаясь от рыданий. Тай Ройл вошел вслед за ней, молча глядя на мертвого отца. Он вынужден был опереться рукой о стенку кабины, но не сводил глаз с этого спокойного холодного лица, словно вырезанного из мрамора.

Бонни внезапно седа, с испугом уставившись на свои руки, только что касавшиеся тела матери. Хотя на их белоснежной коже не было никаких следов, Эллери и лейтенант поняли, на что она смотрит. Она искала на них холодные неземные отпечатки смерти.

— О, нет! — шептала Бонни с отвращением.

— Бонни… — бесцветным голосом произнес Тай и неловко шагнул к ней через проход.

Но Бонни с криком вскочила на ноги и, выпрямившись во весь рост, словно обезумев, с посеревшими щеками и высоко вздымающейся грудью, внезапно зашаталась и медленно начала опускаться на пол, как надувная резиновая игрушка, из которой выпустили воздух. Пока она опускалась, ее широко раскрытые глаза закатились, так что остались видны только белки.

Тай подхватил ее на руки, когда она упала.

* * *

Ледяные порывы горного ветра продували плато. Бутч взял Бонни из рук Тая, отнес ее по высокой, хлещущей по ногам траве к военному самолету и уложил ее там, укрыв меховым полушубком, одолженным у летчиков.

— Так чего же мы ждем? — хриплым голосом спросил Тай. — Пока не замерзнем до смерти?

— Успокойтесь, мистер Ройл, — ответил ему лейтенант.

— Чего же мы ждем? — не успокаивался Тай. — Черт побери, здесь на свободе разгуливает убийца! Почему никто не хочет его выслеживать?

— Успокойтесь, мистер Ройл, — снова сказал лейтенант и нырнул внутрь самолета.

Тай начал мерить шагами пространство, заросшее высокой, до колен, травой, вслепую топча ее гибкие стебли.

— Где мы, собственно говоря, находимся? — спросил Эллери у летчика.

— На северном отроге Шоколадных гор.

Эллери одолжил у военных фонарь и приступил к обследованию грунта возле золотисто-красного

моноплана. Однако если таинственный авиатор, перенесший Джека Ройла и Блайт Стьюарт через воздушный океан к их смерти, и оставил какие-либо следы, убегая от приземлившегося самолета, то они давно были затоптаны толпой обнаруживших самолет военных. Эллери отправился дальше по плато, исследуя его границы.

Вскоре он при свете мощного электрического фонаря убедился, что попытки обнаружить следы неизвестного пилота почти безнадежны. Сотни тропок и дорожек вели вниз с плато через заросли кустарниковой сосны в низину — в большинстве своем, судя по следам подков и остаткам навоза, лошадиных троп. К востоку, насколько он помнил топографию, находилась Черная Пустошь; к северо-западу — южные отроги гор Сан-Бернардино; к западу — долина, по которой проходила колея Южно-Тихоокеанской железной дороги, а за нею — озеро Солтон-Си и отроги Сан-Хасинто. Скрывающийся летчик мог бежать в любом из трех направлений через мало населенную местность. Опытным следопытам понадобился бы не один день, чтобы напасть на его след, а к тому времени он уже давным-давно бы испарился.

Эллери вернулся к золотисто-красному самолету. Лейтенант опять находился здесь.

— Черт знает что за путаница! Мы связались по радиофону с тремя представителями местных властей. Скоро целая толпа их нагрянет сюда.

— А в чем путаница?

— Эта оконечность Шоколадных гор лежит в пределах округа Риверсайд, а основная часть находится в округе Империал, к югу. Самолет, приземлившийся здесь, пролетел, несомненно, над территорией Лос-Анджелеса и, возможно, над юго-восточной оконечностью округа Сан-Бернардино. Таким образом, его пассажиры могли умереть а пределах трех различных округов.

— И посему достойные представители закона, — мрачно сказал Эллери, — сражаются за право запустить зубы в это сочное дело?

— Ну, как говорится — чья устрица, тот пусть сам ее и выцарапывает. Мои полномочия заканчиваются с той минуты, когда появится кто-нибудь из них и примет на себя юридическую сторону дела.

— Не знаю насчет ваших полномочий, лейтенант, — отрывисто бросил Бутчер, — но с мисс Стьюарт надо что-то делать немедленно. Ей очень плохо.

— Мы могли бы переправить вас в городской аэропорт, но…

— Что с ней? — взволнованно прервал его Тай. Эллери было жутко смотреть на его осунувшееся лицо. Губы сто посинели, и он весь дрожал от холода, причина которого заключалась вовсе не в ледяном ветре.

— Бонни упала в обморок, Тай. Ей надо немедленно к врачу.

— Ну конечно, — отвлеченно проговорил Тай. — Конечно! Я сам доставлю ее к доктору. Мой самолет… — Голос его внезапно осекся.

— Сожалею, — сказал лейтенант, — но ваш самолет не может покинуть плоскогорье до прибытия полиции.

— Да, пожалуй, — пробормотал Тай. — Конечно же, вы правы… Провались оно все ко всем чертям! — внезапно вырвалось из его груди.

— Ну-ну, успокойтесь, — сказал Эллери, беря его за руку. — Вы сами сейчас близки к обмороку. Лейтенант, имеете ли вы какое-нибудь представление о том, как далеко отсюда до усадьбы Толленда Стьюарта? Она должна быть где-то поблизости, поскольку поляна посреди Шоколадных гор, на которой она расположена, находится на территории округа Империал.

— Да, до нее всего несколько минут по воздуху.

— Вот туда мы ее и переправим, — решительно

заявил Бутчер. — Если вы будете так любезны предоставить нам самолет…

— Но я не уверен, вправе ли я…

— Мы будем у Толленда Стьюарта, если кому-нибудь понадобится связаться с нами. Вы же сами сказали, что туда всего пара минут лета.

Лейтенант выглядел очень несчастным. Наконец, он пожал плечами и крикнул:

— Гармс! Подбрось их туда!

Летчик откозырял и забрался в большой транспортный самолет. Мотор зафыркал, зачихал и ровно загудел на холостых оборотах. Все бросились бегом к самолету.

— А где Лу? — закричал Эллери, стараясь перекрыть грохот мотора.

— Он не выдержал! — закричал ему в ответ Бутчер. — Улетел обратно в Лос-Анджелес с одним из военных самолетов!

Огни на плато превратились в бледное сияние, затем в светлую точку и, наконец, пропали совсем. Бутчер поддерживал Бонни, глаза которой были закрыты, прижимая девушку к своей груди. Тай сидел в одиночестве впереди, спрятав лицо в воротник своего тонкого пальто; казалось, он дремал. Но однажды Эллери удалось заметить горячечный блеск его глаз.

Эллери вздрогнул и отвернулся, устремив взгляд вниз, на черную измятую панораму гор, проплывавших под ними.

* * *

Менее чем через десять минут транспортный самолет уже делал вираж над светлым плоским прямоугольником, разместившимся посреди хаотического нагромождения скал. Эллери он показался не больше почтовой марки, и ему в голову пришла тревожная мысль о его бессмертной душе.

Уцепившись за подлокотники сидения, Эллери смутно различал могучий склон горы, покрытой лесом, позади крохотной освещенной площадки. Самолет начал снижаться по направлению к посадочной полосе, и он мог бы поклясться, что им не избежать столкновения с расположенным впереди ангаром.

Тем не менее, каким-то чудом после нескольких толчков и прыжков самолету удалось благополучно приземлиться, и Эллери открыл глаза.

Перед выходом в ангар стоял высокий тощий мужчина, прикрывая глаза ладонью от яркого света самолетных фар, уставившись на вновь прибывших. Необычная напряженность

и неподвижность мужчины показалась Эллери довольно странной — словно самолет был чем-то вроде Горгоны Медузы, и он окаменел при одном лишь взгляде на него.

Затем мужчина обрел самообладание и побежал к ним навстречу, энергично размахивая руками.

Эллери нетерпеливо потряс головой, сдерживая чересчур живую игру своего воображения. Он похлопал Тая по плечу и негромко сказал:

— Пошли, Тай! — Тай вздрогнул. — Мы на месте.

Тай поднялся.

— Как она?

Бутчер покачал головой.

— Послушайте, я… Давайте, я вам помогу!

Им вдвоем удалось вынести Бонни из самолета. Тело девушки было безвольным, словно все ее кости размякли; раскрытые глаза, не видя ни Бутчера, ни Тая, с пугающей пустотой во взгляде были устремлены в пространство.

Эллери задержался, чтобы переговорить с летчиком. Когда спустя несколько секунд он спрыгнул на землю, то услышал, как высокий худой мужчина кричит тревожным голосом:

— Это невозможно! Просто ужасно! Когда это

случилось!

— Позже поговорим, — коротко бросил Бутчер. — Сейчас мисс Стьюарт нуждается в вашей профессиональной помощи, доктор Джуниус!

— Потрясающе! — воскликнул доктор. — Бедная девочка: в одночасье лишиться всего! Естественно! Сюда, пожалуйста!

Военно-транспортный самолет снова поднялся в воздух, когда они миновали ангар, в котором Эллери заметил маленький, тупоносый, очень мощный на вид самолет, и вышли на скрытую под густыми кронами деревьев тропинку, которая вела к мрачному темному зданию у ее дальнего конца. Транспортный самолет сделал над ними круг, подняв громогласное эхо среди окружающих поляну каменных стен, и взял курс на северо-запад.

— Осторожно. Тропинка здесь очень неровная. — Доктор Джуниус освещал путь электрическим фонарем. — Смотрите под ноги.

Молча следуя за ним, Эллери заметил широкий дверной проем. Открыто. Позади входа лежала темная мрачная пещера. Луч фонаря то и дело прокалывал мрак, выхватывая из темноты один предмет за другим. Внезапно вспыхнул свет, и фонарик погас.

Они стояли в огромном, пахнущем сыростью вестибюле с массивными дубовыми балками, с громоздкой темной дубовой мебелью, с каменным, устланным плетеными циновками полом и чудовищной величины темным отверстием камина.

— На диван, — указал доктор Джуниус, торопливо вернувшись, чтобы закрыть дверь. Кроме одного проницательного взгляда, брошенного доктором в сторону Эллери, он больше не обращал на него никакого внимания.

Кожа на лице тощего доктора, пожелтевшая и бледная, была так туго натянута на черепе, что даже не имела морщин. Умные глаза смотрели хмуро и недружелюбно. Сутулая фигура его была еще более худой, чем показалось Эллери с первого взгляда. На нем были бесформенные замызганные рабочие штаны, заправленные в высокие шнурованные башмаки лесоруба, и поношенный пиджак цвета зеленоватой плесени, изрядно залоснившийся от длительной носки. Все в этом человеке казалось древним — как в высушенном музейном экспонате, сохранившемся благодаря процессу обезвоживания. И еще была в нем какая-то странная настороженность, постоянная тревога, словно он ежеминутно ожидал откуда-то

неожиданного толчка или удара.

Тай и Бутч осторожно уложили Бонни на диван.

— Мы не ждали гостей, — заныл доктор Джуниус. — Мистер Ройл, не будете ли вы добры разжечь камин?

Он суетливо скрылся в маленькой боковой прихожей, в то время как Тай чиркнул спичкой, поднес ее к смятой газете и сунул загоревшуюся бумагу под дрова, уложенные в камине. Бутч растирал окоченевшие ладони, озабоченно глядя на белое лицо Бонни. Она застонала, когда огонь в камине с гулом и треском разгорелся.

Доктор Джуниус поспешно вернулся с целой охапкой одеял и маленьким черно-зеленым чемоданчиком с оторванной ручкой, болтавшейся на одной заклепке.

— А теперь, джентльмены, будьте добры оставить меня с больной. Может быть, кто-нибудь из вас окажет мне любезность и позаботится о кофе? Кухня в конце той прихожей. Бренди тоже там, в буфетной.

— А где, — спросил Эллери, — мистер Толленд Стьюарт? Доктор Джуниус, стоявший на костлявых коленях перед диваном, укутывая одеялом беспокойно мечущуюся фигуру Бонни, поднял на

него глаза с испуганной заискивающей улыбкой:

— Вы тот джентльмен, который звонил мне несколько часов тому назад из аэропорта Гриффит-Парк, верно? То-то я смотрю, что голос знакомый. Не задерживайте меня, мистер Квин. Мы сможем поговорить о чудачествах мистера Стьюарта и потом.

* * *

Все трое устало пересекли прихожую и, пройдя сквозь вращающуюся дверь, очутились в колоссальных размеров кухне, скупо освещенной единственной тусклой электрической лампочкой. Большой медный кофейник булькал на старомодной газовой плите.

Тай сел на стул у разделочного стола и обессиленно опустил голову на руки. Бутч бесцельно бродил по кухне, пока не обнаружил дверь в буфетную, откуда он и вышел вскоре с запыленной бутылкой коньяка.

— Выпей это, Тай.

— Пожалуйста, оставь меня в покое!

— Выпей, тебе говорят!

Тай устало повиновался. Чудо-мальчик захватил бутылку и стакан и вышел из кухни. Он вернулся с пустыми руками, и некоторое время

все трое сидели в молчании.

Эллери выключил газ под кофейником. Весь дом казался неестественно тихим и безмолвным.

Вошел доктор Джуниус.

— Как она? — хрипло спросил Бутчер.

— Ничего опасного. Она перенесла большое потрясение, но уже приходит в себя.

Он схватил кофейник и торопливо выбежал из кухни. Эллери от нечего делать отправился в буфетную, движимый естественным любопытством. Первое, что он заметил, был ящик с коньяком, стоявший на полу. Он вспомнил румяный кончик носа доктора Джуниуса и молча пожал плечами.

* * *

Спустя довольно долгое время доктор Джуниус пригласил их в вестибюль:

— Все в порядке, джентльмены!

Трое мужчин поспешили воспользоваться его приглашением.

Бонни сидела перед камином, потягивая из чашки кофе. Щеки ее приобрели более или менее нормальный цвет, и хотя под глазами оставались темные свинцовые круги, смотрели они вполне осмысленно.

Она протянула Бутчеру руку и прошептала:

— Извини, что я наделала вам столько хлопот, Бутч!

— Не говори глупостей, — строго ответил Бутч. — Пей лучше свой кофе!

Не поворачивая головы, она проговорила:

— Тай… Мне так трудно сказать это… Мне так жаль…

— Меня? — засмеялся Тай, и доктор Джуниус вздрогнул и с испугом посмотрел на него. — Мне тоже жаль. Тебя. Отца. Твою маму. Весь этот Богом проклятый мир!

Он прервал смех на самой высокой ноте и рухнул плашмя на коврик перед камином у ног Бонни, закрыв лицо руками.

Бонни молча глядела на него. Нижняя губа ее начала дрожать. Не глядя, она на ощупь отставила чашку с кофе.

— Послушайте, не надо… — жалобно начал Бутчер.

— Оставьте их в покое, — прошептал доктор Джуниус. — В сущности, им ничего не нужно, только дать возможность нервному потрясению и истерии пройти естественным путем. Пусть она как следует выплачется, а парень сам отлично справится с собой.

Бонни тихо плакала, закрыв лицо руками, а Тай молча лежал ничком перед камином. Чудо-мальчик пробормотал проклятье и принялся мерить комнату шагами, отбрасывая на стены черные эпилептические тени.

— Я опять спрашиваю, — сказал Эллери. — Доктор Джуниус, где, черт побери, находится Толленд Стьюарт?

— Полагаю, вам покажется это странным. — Руки доктора заметно дрожали, и Эллери пришло в голову, что предубеждение Толленда Стьюарта против алкоголя причиняло немалые трудности его врачу. — Он наверху, забаррикадировался.

— Что такое?

На лице доктора Джуниуса появилась виноватая улыбка:

— О, нет, он полностью в своем уме!

— Но он должен был слышать, как приземлился наш самолет. Неужели у него отсутствует даже нормальное любопытство?

— Мистер Стьюарт… необычный субъект. Он столько лет вынашивал зло на все человечество, что не терпит даже вида людей. К тому же, он ипохондрик. И имеет много других странностей. Полагаю, вы обратите внимание на отсутствие здесь центрального отопления? Так вот, у него

теория, что пар — тепло, созданное при помощи пара, — высушивает у человека легкие. Подобные теории имеются у него почти обо всем.

— Очень интересно, — сказал Эллери, — но что тут общего с тем, что родная внучка впервые за много лет навестила его здесь? И у него хватает совести не спуститься вниз и не поздороваться с нею?

— Мистер Квин, — сказал доктор Джуниус, обнажая в невеселой улыбке фальшивые зубы, — если бы вы знали мистера Толленда Стьюарта так, как я, то вы не удивлялись бы его странностям и капризам. — Улыбка превратилась в жалобную гримасу. — Когда он вернулся сегодня перед вечером со своей проклятой вечной охоты на кроликов и я сообщил ему о вашем звонке и о том, что его дочь Блайт, по всей видимости, похищена в день свадьбы, он заперся в своей комнате наверху и пригрозил мне увольнением, если я посмею его побеспокоить. Он, видите ли, не переносит волнений!

— В самом деле?

— Толленд Стьюарт здоровее любого из своих сверстников, — язвительно произнес доктор. — Черт бы побрал его ипохондрию! Мне приходится прятать свою выпивку и кофе по всем укромным

углам, уходить в лес, чтобы покурить, и готовить себе мясную пищу, пока он уходит на охоту. Он просто хитрый, скаредный и зловредный старый маньяк, а почему я похоронил себя здесь вместе с ним — выше моего понимания!

Казалось, доктор сам испугался своей чересчур эмоциональной вспышки; он побледнел и смущенно умолк.

— И все же, не кажется ли вам, что в данном случае можно сделать исключение? Ведь, в конце концов, не каждый же день у человека погибает дочь насильственной смертью!

— Вы хотите сказать, подняться по лестнице к его спальне, когда он строго-настрого запретил мне это?

— Вот именно.

Доктор Джуниус поднял руки над головой, словно капитулируя:

— Только не я, мистер Квин, только не я! Мне хочется сохранить свою шкуру в целости на те немногие годы, что мне еще осталось пожить!

— Фу, да он вас просто пугает!

— Что ж, можете попытаться, если не боитесь получить заряд утиной дроби. Он постоянно держит заряженное ружье возле кровати.

— Что за нелепость! — коротко бросил Эллери.

Доктор усталым приглашающим жестом указал на дубовую лестницу и, уныло опустив плечи, побрел через вестибюль на кухню к своему ящику с бренди.

Эллери подошел к подножью лестницы и окликнул:

— Мистер Стьюарт!

Тай поднял голову.

— Дедушка… — слабым голосом проговорила Бонни. — Я совсем забыла о нем! О, Бутч, надо же сказать ему!

— Мистер Стьюарт! — снова окликнул Эллери, на сей раз почти сердито. Нс получив ответа, он решительно заявил: — Черт возьми, я поднимусь наверх!

Вернулся доктор Джуниус, причем его нос приобрел еще более интенсивную окраску.

— Постойте! Если уж вам так хочется подвергнуться глупому риску, то я поднимусь вместе с вами. Но это ни к чему хорошему не приведет, предупреждаю!

Он присоединился к Эллери, и они оба начали подниматься по лестнице наверх к скоплению мрачных сумеречных теней на площадке второго этажа.

И тут их слух уловил отдаленное гудение, ста-

новившееся все громче с каждой секундой, пока не превратилось в рокот над их головами. Оба замерли на полдороги, остановившись посреди лестницы.

— Самолет! — воскликнул доктор Джуниус. — Сюда прилетел, что ли?

Шум мотора усиливался. Без сомнения, это был самолет, и он кружил над усадьбой Толленда Стьюарта.

— Нет, это уже последняя соломинка! — простонал несчастный доктор. — Он будет невыносим в течение многих недель! Оставайтесь здесь, прошу вас. Я пойду посмотрю.

И, не дожидаясь ответа, он сбежал с лестницы и скрылся в темноте за дверью.

Эллери какую-то секунду в нерешительности оставался стоять на лестнице, затем медленно спустился вниз.

— Я не понимаю дедушку, — сказала Бонни. — Он заболел? Почему он не спускается вниз?

Никто не ответил. В наступившей тишине единственным звуком был треск пылающих поленьев. Грохот мотора замолк.

Вернулся доктор Джуниус, заламывая руки:

— Он убьет меня! И надо же было вам всем прилететь сюда!

Вслед за ним на пороге появился крупный высокий мужчина в пальто и мягкой фетровой шляпе, щурясь после темноты на яркий огонь в камине. Также прищурясь, он оглядел всех присутствующих, одного за другим.

Эллери усмехнулся.

— Кажется, мы снова встретились, инспектор Глюке!

Глава 7
Старик

Инспектор Глюке буркнул что-то неразборчивое и подошел к камину, сбросив пальто и энергично потирая большие красные руки. Следом вошел человек в форме летчика, и доктор Джуниус поспешно захлопнул за ними наружную дверь от поднявшегося резкого ветра. Авиатор спокойно уселся в уголке. Он не произнес ни слова, и инспектор Глюке не счел необходимым знакомить его со всеми.

— Давайте сразу разберемся, — сказал Глюке, сдвинув густые черные брови. — Полагаю, вы — мисс Стьюарт, а вы — мистер Ройл? А вы, должно быть, Бутчер.

Тай поднялся на ноги.

— Ну и что? — нетерпеливо спросил он. — Вы поймали его?

— Кто он? — воскликнула Бонни.

— Ну-ну, всему свое время. Я замерз до полусмерти, и нам предстоит долгое ожидание, поскольку пилот говорит, что приближается буря. А где старик?

— Притаился наверху, — сказал Эллери. — Вы, кажется, не очень-то рады видеть меня, старый дружище? И как вас угораздило впутаться в это дело?

Глюке усмехнулся.

— Что же вы хотите? Ведь они оба были из Лос-Анджелеса, не так ли? А здесь, у огня, чертовски приятно!

— Я так понимаю, что вы всех обскакали и первым захватили бразды правления?

— Бросьте ваши штучки, Квин! Когда нам сообщили в Главное управление, что мистер Ройл и мисс Стьюарт найдены мертвыми — о том, что их похитили, мы уже знали — я взял самолет и прилетел на плато, на волосок обогнав людей из Риверсайда и Сан-Бернардино. Если хотите знать, они были до смерти обрадованы, что полиция Лос-Анджелеса вмешалась и взялась за расследование. Для них оно слишком сложно.

— А для вас нет? — пробормотал Эллери.

— О, мне здесь все ясно, — ответил инспектор.

— Значит, вы его нашли? — закричали Тай и Бонни одновременно.

— Пока нет. Но когда найдем, все сразу станет на свои места.

— Когда вы его найдете? — сухо бросил Эллери.

— Не хотите ли вы сказать «если»?

— Может быть, может быть, — засмеялся Глюке. — Во всяком случае, это дело не для вас, Квин. Просто обычное, будничное похищение.

— А откуда вы знаете, — спросил Эллери, зажигая сигарету, — что похититель был мужчиной?

— Но вы же не станете предполагать, что он был женщиной? — иронически возразил инспектор.

— Я предполагаю возможность. Мисс Стьюарт, вы и мистер Ройл видели того летчика при нормальном освещении. Был ли он мужчиной или женщиной?

— Мужчиной, — сказал Тай. — Не валяйте дурака. Он был мужчиной!

— Не знаю, — вздохнула Бонни, пытаясь сосредоточиться. — Трудно сказать. Летная форма, конечно, была мужской, но ведь и женщина могла ее надеть. А ни волос, ни глаз, ни даже лица не было видно. Очки скрывали его верхнюю часть, а нижняя пряталась за поднятым воротником.

— Но походка у него была мужская, — настаивал Тай. — И он слишком высок для женщины!

Одухотворенная нотка прозвучала в голосе Бонни:

— Глупости! Голливуд полон актерами обоих полов. И я готова поспорить, что я ничуть не

ниже, чем… чем то существо!

— И никто, — вставил Эллери, — не слышал его голос, по той простой причине, что преступник всячески избегал разговаривать. Будь он мужчиной, к чему бы ему такие сложности? Ведь голос можно изменить.

— Э, послушайте, Квин, — взмолился Глюке. — Бросьте заправлять турусы на колесах! Ладно, мы не знаем, был ли то мужчина или женщина. Но вес, общее телосложение, рост…

— Вы уверены? Каблуки могут значительно увеличить рост, а летний комбинезон — довольно бесформенная одежда, скрывающая фигуру. Нет, относительно преступника мы можем быть уверены лишь в одном.

— В чем же?

— Что он умеет водить самолет.

Глюке глухо простонал. В наступившем молчании послышался кашель доктора Джуниуса:

— Не хочется выглядеть негостеприимным, но… Я хочу сказать, не считаете ли вы благоразумным, инспектор, вылететь отсюда сейчас, пока еще буря не разразилась?

— А? — Инспектор устремил холодный взгляд на доктора.

— Я говорил…

— Я слышал, что вы говорили, — Глюке пристально уставился на шафранную физиономию Джуниуса. — Что это с вами? Нервничаете?

— Нет. Разумеется, нет!

— А кто вы такой, кстати? Что вы здесь делаете?

— Мое имя Джуниус, и я врач. Я живу здесь с мистером Стьюартом.

— Откуда вы прибыли? Вы знали Блайт Стьюарт и Джека Ройла?

— В общем-то нет. То есть… я видел мистера Ройла в Голливуде время от времени, а мисс Стьюарт иногда приезжала сюда… Но я не видел ее уже несколько лет.

— А давно вы здесь?

— Десять лет. Мистер Стьюарт нанял меня наблюдать и ухаживать за ним. За довольно приличное годовое вознаграждение, должен признать, а то моя врачебная практика была не слишком…

— Откуда вы сами? Я не слышал, чтобы вы об этом упоминали.

— Буэнависта, Колорадо.

— Зарегистрированы в полиции за противоположные действия?

Доктор Джуниус с достоинством выпрямился:

— Мой дорогой сэр!

Глюке внимательно оглядел его тощую фигуру.

— Я не имел намерения оскорбить вас, — миролюбиво сказал он. Доктор отступил на шаг назад, отирая вспотевшее лицо. — Теперь о том, что мы установили. Вы были правы, Квин, относительно причины смерти. Коронер из округа Риверсайд прилетел сюда с шерифом, осмотрел трупы…

Бонни опять смертельно побледнела. Бутчер решительно вмешался:

— Доктор Джуниус прав. Мы должны поскорее убраться отсюда и доставить домой детей погибших: вы же видите, они едва держатся на ногах! Вы можете побеседовать с ними завтра!

— Да нет, со мной все в порядке, — слабым голосом проговорила Бонни. — Я себя хорошо чувствую, Бутч.

— Что касается меня, — заявил Тай, — то чем скорее вы приступите к делу, тем лучше. Неужели вы полагаете, что я буду в состоянии спать, есть, смеяться и работать, когда убийца моего отца бродит где-то на свободе?

Инспектор невозмутимо продолжал, словно никто ничего не говорил:

— Итак, предварительный осмотр показал, что оба погибли от очень высокой дозы морфия.

— В термосах? — спросил Эллери.

— Ну да. Напитки в них были буквально насыщены ядом. Доктор не мог сказать с уверенностью без химического анализа, но он считает, что на каждую порцию коктейля приходилось никак не меньше пяти гран морфия. Я поручу Бронсону, нашему химику, произвести анализ того, что осталось в термосах, как только мы сможем приняться за них вплотную.

— Но я не понимаю, — нахмурилась Бонни. — Мы же пили из термосов перед самым отлетом. Почему же мы сами не отравились?

— Не отравились, потому что тогда напитки еще были безвредны. Помнит ли кто-нибудь из вас точно, что происходило с термосами, прежде чем они оказались в самолете?

— Я помню, — сказал Эллери. — Они были в плетеной корзинке, а в толпе и толчее я был вынужден сесть на нее сразу после того, как мы выпили по коктейлю на дорожку. И корзинка находилась у меня на глазах, прежде чем я на нее уселся.

— Это важно. А вы сидели на корзинке все время, пока не появился тот лже-пилот?

— Более того, — устало произнес Эллери. — В сущности, я сам поднялся и собственными ру-

ками передал ему корзинку, когда он вошел в самолет.

— Следовательно, напитки были отравлены уже внутри. Таким образом, с этим вопросом у нас предельная ясность. — Глюке казался чрезвычайно довольным. — Он захватил самолет, отравил напитки, пока убирал корзинку, взлетел, подождал, пока Джек и Блайт нальют себе по коктейлю — яд практически безвкусен, как сказал коронер, особенно в алкоголических напитках, — и когда они погибли, просто посадил самолет на безлюдном плато и скрылся. Никаких тревог, забот и волнений. Дьявольски придумано, и дьявольски хладнокровно осуществлено.

Гроза, предсказанная летчиком, наконец разразилась. Словно тысячи демонов завыли, засвистали и застонали вокруг; яростные порывы ветра с дождем хлестали уединенную поляну среди гор, стучали ставнями и дребезжали оконными стеклами одинокого дома. Внезапно сверкнула молния, ударив в ближайшую горную вершину, и загрохотал гром.

Никто не произносил ни слова. Доктор Джиниус наклонился к камину, чтобы подбросить очередное полено в огонь.

Гром гремел и грохотал, словно не собираясь

замолкнуть. Эллери с тревогой прислушивался к нему. Ему показалось, будто он различил в нем какой-то слабый посторонний звук. Он огляделся, но ни один из его спутников, по-видимому, ничего не заметил.

Гром прекратился на мгновение, и Глюке сказал:

— Весь штат разыскивает убийцу. Его поимка — всего лишь вопрос времени.

— Но этот дождь! — воскликнул Тай. — Он же смоет все следы на плато!

— Знаю, знаю, мистер Ройл, — успокоил его Глюке. — Не тревожьтесь и не волнуйтесь понапрасну. Мы его поймаем. А теперь, молодые люди, мне бы хотелось, чтобы вы рассказали немного о ваших родителях. Может быть, ключ к загадке таится в их прошлом.

Эллери взял шляпу и пальто со стула у входной двери, где он их оставил, и, никем не замеченный, выскользнул на кухню, а оттуда через кухонную дверь наружу.

* * *

Деревья, окружавшие дом, сгибались под натиском бури, и ливень, состоявший, казалось, не из водяных капель, а из железных прядей,

моментально вымочил его до нитки, как только он ступил на раскисшую почву. Тем не менее, он согнулся против ветра и, ухватившись обеими руками за шляпу, пользуясь периодическими вспышками молнии, направился в сторону взлетного поля.

Спотыкаясь и скользя по лужам, Эллери добрался до ангара и остановился, переводя дыхание. Гражданский самолет — очевидно тот, что доставил Глюке в горную усадьбу Толленда Стьюарта, — находился внутри сарая рядом с маленьким тупоносым аэропланом; дверь ангара была открыта нараспашку, навстречу всем ветрам.

Эллери нетерпеливо потряс головой, напрягая зрение, чтобы увидеть взлетное поле во всю длину. Но голая и ровная поверхность пустыря была совершенно безжизненной.

Он подождал очередной вспышки молнии и пристально вгляделся в мятущееся небо над головой. Но если там что-либо и было, оно скрывалось среди низких плотных черных туч.

Значит, ему все-таки показалось. А ведь он мог поклясться, что слышал в грохоте грома шум самолетного мотора. Эллери повернулся и побрел назад по своим следам.

И тут, когда он уже готов был выйти из-под при-

крытия деревьев и в последнем рывке добежать до дома, Эллери увидел человека.

Человек притаился у задней подветренной стены дома — сгорбленная в три погибели темная фигура. Услужливая молния сверкнула снова, и Эллери увидел, как человек поднял голову.

Это было лицо старика с небритой седой щетиной на месте усов и бороды, с глубокими морщинами и дряблыми отвисшими губами; это было лицо человека, увидевшего перед собой смерть или даже нечто худшее. Эллери потрясло выражение явного, ничем не прикрытого ужаса в глазах старика. Казалось, будто он очутился внезапно загнанным в угол самых страшных чудовищ из его худших ночных кошмаров.

В наступившей затем темноте Эллери с трудом разглядел согнутую фигуру, которая крадучись пробиралась вдоль стены дома, чтобы исчезнуть где-то за углом.

Дождь хлестал не переставая, но Эллери продолжал стоять неподвижно, не замечая ливня, уставившись в окружавший его мрак. Что делал мистер Толленд Стьюарт здесь, в бурю, свирепствующую вокруг его горного убежища в то время, как считалось, будто он сидит, дрожа от беспричинных страхов, забаррикадировавшись

в своей спальне наверху?

И в самом деле, почему спустя лишь несколько часов после гибели в самолете своего единственного ребенка, он тайком пробирался по собственной усадьбе в пилотском шлеме, нелепо сидевшем на его голове?

* * *

Эллери застал инспектора стоящим перед камином, широко расставив ноги.

— Нет, здесь вряд ли что-нибудь может нам помочь, — говорил он, очевидно, подводя итоги только что услышанному перечню подробностей быта Джона Ройла и Блайт Стьюарт. — А, это вы, Квин!

Эллери стряхнул с полей шляпы дождевую воду и растянул пальто перед огнем для просушки.

— Мне показалось, будто я слышал какой-то шум на взлетной площадке.

— Еще один самолет? — простонал доктор Джуниус.

— Нет, меня подвело мое воображение.

Глюке нахмурился:

— Ладно, так мы ни к чему не придем. Итак, кроме опустившегося неудачника Парка, о котором вы упомянули, мистер Ройл, вы считаете, что

у вашего отца не было врагов?

— Во всяком случае, никого, о ком бы я знал.

— А я совсем забыл о том небольшом скандале в «Подкове» пару недель тому назад, — медленно проговорил Эллери.

— Пустой номер! Старик был просто раздражен оттого, что его разоблачили. Тут не так все просто.

— Бедняга совсем чокнулся, — коротко заметил Тай. — А от чокнутого всего можно ожидать.

— Ладно, мы его проверим. Только если он и есть злоумышленник, зачем он убил мать мисс Стьюарт с вашим отцом? Что он мог иметь против нее?

— Он мог считать ее виновницей всего случившегося, — сухо возразил Тай. — Ненормальный человек именно так бы и поступил.

— Возможно, — сказал Глюке, внимательно разглядывая ногти у себя на руках. — Кстати, мне кажется, ходило немало слухов о том, будто ваши семьи… э-э… не очень ладили друг с другом?

Горящее полено громко треснуло в камине, последние гром и молния эффектно прогрохотали в финале, и гроза прекратилась, перейдя в равномерный устойчивый дождь.

Пилот поднялся со стула.

— Пойду, взгляну на мой самолет, инспектор, — сказал он и вышел.

— Бессмыслица, — пробормотал Чудо-мальчик.

— Я что-нибудь не так сказал? — невинно поинтересовался Глюке.

— О том, что Джек и Блайт нс ладили друг с другом. Но разве их примирение и женитьба нс лучшее доказательство обратного?

— А как насчет молодых? — спросил Глюке. Наступило очередное молчание. — Ну, что скажете?

Бонни уперлась взглядом в самую нижнюю пуговицу на пиджаке инспектора. Тай отвернулся и уставился на огонь.

— Нет смысла скрывать характер наших отношений, Бутч. Мы с детства терпеть не могли друг друга. Нас так воспитывали — на ненависти. Если вас утром, днем и вечером с пеленок пичкают подобными вещами, то немудрено, что они впитываются в вашу плоть и кровь.

— И вы чувствуете то же самое, мисс Стьюарт?

Бонна облизала языком пересохшие губы:

— Да.

— Но это вовсе не значит, — медленно проговорил Тай, отворачиваясь от камина, — что один из

нас совершил двойное убийство. Или вы думаете иначе, инспектор Глюке?

— Как могла ему в голову прийти такая ужасная мысль! — воскликнула Бонни.

— Откуда я знаю, — пожал плечами инспектор, — что история с нападением и захватом в ангаре аэропорта Гриффит-Парк соответствует действительности?

— Но мы же свидетели друг у друга!

— Даже отбросив данный аргумент, — мрачно проговорил Тай, — неужели вы считаете меня способным отравить собственного отца, чтобы отомстить матери Бонни Стьюарт? Или что Бонни может убить собственную мать, чтобы поквитаться с моим отцом? Да вы просто с ума сошли!

— Ничего я не считаю, — бесстрастно возразил инспектор, — и не знаю ничего. Вам, может быть, интересно услышать, что отдел по расследованию убийств нашел парня, который вызвал мисс Стьюарт в ангар перед отлетом. Я получил эту новость по радиофону, когда осматривал ваш самолет на плато.

— Ну, и что он говорит?

— Парень утверждает — он стюард, посыльный или нечто подобное в городском аэропорту — будто его у ангара остановил высокий худой человек

в комбинезоне летчика и с защитными очками на глазах... — Тон инспектора был дружелюбный, но он не сводил пристального взгляда с Тая и Бонни. — Тот человек сунул парню под нос листок бумаги с надписью, отпечатанной на машинке. Там было сказано, чтобы он пригласил мисс Стьюарт в ангар, где ее ожидает мистер Ройл.

— Ложный вызов, — пробормотал Тай. — Все сходится: это был тот проклятый летчик. Что за неуклюжая уловка!

— И тем не менее, она сработала, — заметил Эллери. — Вы уверены, инспектор, что посыльному можно доверять?

— Люди в аэропорту о нем хорошо отзываются.

— А что с запиской, отпечатанной на машинке?

— Парень даже не держал ее в руках. Ее ему только показали. А потом переодетый летчик исчез в толпе, как утверждает посыльный, забрав записку с собой.

Бонни поднялась с дивана, бледная от негодования:

— Так как же вы могли заподозрить одного из нас в таком чудовищном преступлении?

— А я и не утверждаю ничего подобного, — возразил инспектор. — Я только сказал, что вы могли

быть замешаны.

— Но нас захватили и связали по рукам и ногам!

— Предположим, один из вас нанял этого долговязого типа, чтобы инсценировать захват — с тем, чтобы отвести от себя подозрение?

— О Боже мой! — воскликнул Бутчер, в изнеможении подняв руки к потолку.

— Вы дурак, — коротко бросил Тай. Он сел на диван и закрыл лицо руками.

Инспектор Глюке усмехнулся и, подойдя к своему пальто, порылся в одном из его карманов. Он вернулся к камину, держа в руке большой конверт из плотной бумаги, и медленно развязал красную вощеную бечевку, удерживавшую его клапан.

— Что это? — поинтересовался Эллери.

Большая ладонь Глюке нырнула внутрь конверта и появилась вновь с чем-то круглым, плоским и синим. Инспектор поднял это вверх для всеобщего рассмотрения.

— Видели ли вы нечто подобное раньше? — спросил он, не обращаясь ни к кому конкретно.

Присутствующие столпились вокруг него. Доктор Джуниус также сунул свой нос вместе с остальными. То была синяя фишка, украшенная

выгравированной золотой подковой,

— Клуб «Подкова»! — в один голос воскликнули Тай и Бонни. Они были настолько заинтересованы, что даже второпях столкнулись друг с другом. Несколько мгновений тела их тесно соприкасались, затем оба они спохватились и отшатнулись в разные стороны.

— Обнаружена в кармане Джека Ройла, — сказал инспектор. — Ничего особенного.

Однако вопреки этому утверждению Эллери заметил, с какой осторожностью он держит фишку между большим и указательным пальцами за узкий ободок, словно опасаясь стереть возможные отпечатки пальцев.

Глюке бросил фишку обратно в конверт и вытащил оттуда еще один экспонат — тонкую пачку рваных листков бумаги, скрепленных канцелярской скрепкой.

— Скрепка моя, — объяснил инспектор. — А эти обрывки я обнаружил также в кармане у Ройла.

Эллери взял у него бумажки. Отцепив скрепку, он разложил их на диване. Понадобилось всего несколько минут, чтобы собрать из отдельных обрывков пять некогда целых прямоугольных листков линованной бумаги для записей со словами «Клуб «Подкова», отпечатанными синей

типографской краской над маленькой золотой подковкой наверху каждого листка.

На всех листках стояли даты, в совокупности охватывающие период приблизительно в тридцать дней, причем последний листок был помечен вторым числом текущего месяца. Одинаковыми чернилами твердым почерком на листках были начертаны три буквы «IOU»[40], сумма с предшествующим ей знаком доллара и подпись: Джек Ройл. Во всех пяти расписках фигурировали разные суммы. Нахмурясь, Эллери подсчитал общий итог. Он равнялся ста десяти тысячам.

— Кто знает что-нибудь об этом? — спросил инспектор.

Тай недоверчиво осматривал расписки. Казалось, подпись

Отца привела его в недоумение.

— В чем дело? — быстро задал вопрос Эллери. — Подпись не вашего отца?

— В том-то и загвоздка, — пробормотал Тай, — что подпись его.

— На всех пяти расписках?

— Да.

---

[40] Примечания: 40

IOU (Ай-Оу-Ю) — принятая в Америке форма долговой расписки (по созвучию с «I owe you» — «Я вам должен».).

— Почему вы говорите «загвоздка»? — вмешался Глюке. — Разве вам ничего не было известно об этих долгах?

— Ничего. Во всяком случае, я не знал, что отец столько Задолжал Алессандро. Сто десять тысяч долларов! — Тай сунул руки в карманы и принялся озабоченно шагать взад и вперед по комнате. — Он всегда был азартным игроком, но такое…

— Вы хотите сказать, что он до такой степени залез в долги, а его родной сын не знал об этом?

— Мы редко обсуждали с ним денежные дела. Я жил своей жизнью, а он… — Тай медленно опустился на диван, — а он Своей.

Он словно погрузился в пристальное изучение огня в камине. Глюке собрал обрывки расписок, сколол их скрепкой И молча уложил в конверт из плотной бумаги.

Послышался чей-то нетерпеливый кашель. Эллери обернулся. Кашлял доктор Джуниус. Эллери совсем забыл о нем.

— Кажется, дождь прекратился, — нервно проговорил доктор Джуниус. — Теперь вы можете спокойно улететь.

— О, вы опять за свое, доктор, — сказал инспектор. — Вам, видимо, очень не терпится избавиться от нас?

— Нет-нет, — поспешно возразил доктор. — Я просто беспокоюсь о мисс Стьюарт. В ее состоянии… Ей необходимо как следует отдохнуть.

— Ага, хорошо, что вы мне напомнили, — Глюке посмотрел на лестницу, ведущую на второй этаж. — Думаю, мне следует поговорить со стариком, пока я здесь.

— Доктор Джуниус придерживается другого мнения, — сухо проговорил Эллери. — Как вы относитесь к заряду утиной дроби? Толленд Стьюарт держит у кровати заряженное ружье.

— Вот как? — сказал инспектор Глюке и направился к лестнице.

— Осторожно, инспектор! — закричал Джуниус, торопясь следом за ним. — Он даже не знает еще о смерти дочери!

— Вряд ли, — угрюмо бросил Глюке, — Такого сорта скромники имеют хитрую привычку подслушивать на лестнице и у замочных скважин.

Он решительно зашагал вверх по ступеням. Эллери, припомнив мертвенно-бледное лицо старика под дождем у дома, в душе зааплодировал проницательности Глюке: в том, что Толленду известно о факте гибели людей в самолете, он нисколько не сомневался.

Он последовал за обоими мужчинами вверх

по лестнице.

По мере того, как они поднимались, свет, проникающий сюда из нижнего вестибюля, постепенно тускнел, и когда они достигли лестничной площадки наверху, их уже окружал холодный и угрюмый мрак.

Глюке споткнулся о верхнюю ступеньку.

— Неужели в этой проклятой мертвецкой нет света?

Доктор уверенно проскользнул мимо него в темноте.

— Одну минутку! — прохныкал он. — Выключатель находится…

— Погодите! — схватил его за руку инспектор. Эллери замер, насторожившись. Но как он ни напрягал слух, ничего, кроме потрескивания огня в камине внизу и приглушенного монотонного голоса Бутчера, успокаивавшего Бонни, он не услышал.

— В чем дело?

— Мне почудился шорох, словно кто-то украдкой прошмыгнул по коридору. Но, пожалуй, я ошибся. Этот дом способен любого свести с ума!

— Не думаю, чтобы вы ошиблись, — сказал Эллери. — Наш радушный хозяин, вероятно, тайком подслушивал нас отсюда, как вы и пред-

полагали.

— Включите свет, Джуниус, — проворчал инспектор. — И давайте посмотрим на старого индюка!

Магия неожиданно вспыхнувшего света материализовала из сплошного мрака обширный, продуваемый сквозняками холл с толстым ковром на полу и стенами, увешанными, как показалось Эллери, подлинными произведениями старых мастеров — прекрасными картинами, покрытыми густой коричневой патиной голландского периода и не менее густой пылью современности. В холл выходило много дверей, но все были закрыты и не носили на себе никаких признаков присутствия мистера Толленда Стьюарта.

— Мистер Стьюарт! — окликнул Джуниус. Он обернулся к инспектору и беспомощно развел руками:

— Вот видите, инспектор! Не могли бы вы навестить нас завтра? Он наверняка в ужасном состоянии!

— Я бы мог, но не хочу, — отрезал инспектор. — Которая пещера его?

Доктор в отчаянии развел руками и с возгласом: — Да он нас всех перестреляет! — указал на

двойную дверь в конце коридора. Дрожа всем телом, он постучал.

— Вон отсюда! — донесся из-за двери старческий голос, и Эллери услышал звук шаркающих шагов, как будто владелец голоса на цыпочках поспешно ретировался от двери.

Доктор Джуниус испуганно охнул и отскочил.

— Должно быть, у старика непростой характер, — усмехнулся Глюке. — Высохшая мумия с куриной душой! Эй, послушайте, мистер Стьюарт! Откройте дверь! — загремел он.

— Кто там?

— Полиция!

— Убирайтесь! Уходите прочь с моей земли! Я не желаю иметь никаких дел с полицией!

Скрипучий старческий голос поднялся до визга со странным шепелявым произношением согласных, что объяснялось, очевидно, беззубым ртом.

— Известно ли вам, — строго настаивал инспектор, — что ваша дочь Блайт стала жертвой убийства?

— Я слышал разговоры там, внизу! И вас тоже слышал! Убирайтесь вон, я сказал!

— Дедушка! — послышался голос Бонни, бегущей к ним по плотному ковру холла.

Доктор Джуниус выскочил ей наперерез:

— Прошу вас, мисс Стьюарт! Не сейчас. Он… не в очень хорошей форме. Он обидит вас!

— Дедушка! — всхлипывала Бонни, колотя руками в дверь. — Впусти меня! Я Бонни. Мама… она умерла. Ее убили, слышишь? Теперь нас только двое. Пожалуйста!

— Мистер Стьюарт, сэр, — взмолился доктор Джуниус. — Здесь ваша внучка, мисс Бонни Стьюарт. Ей нужна ваша помощь. Откройте, поговорите с ней, успокойте ее!

Ответа не последовало.

— Мистер Стьюарт! Это я, доктор Джуниус. Прошу вас!

Скрипучий шепелявый голос послышался снова:

— Убирайтесь вон, вы все! Никакой полиции! Бонни, не… не сегодня. Среди вас смерть. Смерть! Смерть… — визгливый голос прервался на восходящей ноте, и все отчетливо услыхали тупой стук упавшего тела.

Бонни кусала пальцы, уставясь на дверные створки. Подбежал Бутчер и в недоумении остановился, оглядываясь вокруг. Глюке мягко проговорил:

— Станьте-ка в сторонку, мисс Стьюарт. Нам придется вышибить дверь. Прочь с дороги, Джу-

ниус!

По лестнице поднялся Тай и, прищурясь, стал наблюдать за ними с противоположного конца холла.

Инспектор разбежался и изо всех сил навалился плечом на двойные дверные филенки. Внутри что-то хрустнуло, и дверь распахнулась. С минуту все стояли неподвижно, тяжело дыша. Минута, казалось, тянулась бесконечно, включив в себя множество таких же застывших минут.

Комната была обширная и мрачная, заставленная тяжелой и громоздкой мебелью, как и вестибюль-гостиная внизу; старинная английская кровать под бархатным балдахином с четырьмя деревянными резными колонками ручной работы, с развороченной в беспорядке постелью; тяжелое охотничье ружье, стоявшее подле нее на расстоянии протянутой руки, — все было на месте. На полу перед ними лежало, скорчившись, щуплое тело старика, которого Эллери недавно заметил крадущимся вдоль стены дома. Он был одет во фланелевую пижаму и вязаный шерстяной халат, на костлявых ногах были теплые шерстяные носки и ковровые домашние туфли. Единственный свет исходил из маленького коричневого ночника у кровати. Огонь в

камине не горел.

Доктор Джуниус поспешно опустился на колени рядом с неподвижной фигурой и схватил ее за руку.

— Он в обмороке. Страх… потрясение… сильные переживания… не знаю, в чем причина. Но пульс хороший, так что нет оснований для беспокойства. А теперь, пожалуйста, оставьте нас. Сегодня бесполезно пытаться разговаривать с ним.

Он поднялся на нош, наклонился и с поразительной для своего тощего тела и явно немолодых лет силой поднял тело старика и на руках отнес в постель.

— Притворяется, наверное, — неприязненно поморщился инспектор Глюке. — Высохший старый таракан! Пошли отсюда; надо успеть вернуться в Лос-Анджелес, пока погода опять не испортилась.

Глава 8
Многозначительные мелочи

— Куда? — спросил пилот.

— Городской аэропорт в Лос-Анджелесе.

Самолет был небольшой, и они набились в нем довольно тесно, молча выжидая, пока пилот набирает высоту и ложится на обратный курс на северо-запад. Вскоре они очутились высоко над темным плато, строго придерживаясь водораздела между горами Сан-Бернардино и Сан-Хасинто.

— Что с моим самолетом? — спросил Тай, прижимая лицо к забрызганному дождем окошку кабины и пытаясь разглядеть что-нибудь внизу.

— Наверное, уже в Лос-Анджелесе, — ответил инспектор. — Конечно, мы не могли оставить их… здесь, — помешкав, добавил он.

Бонни вздрогнула, прижавшись к неподвижному плечу Бутчера.

— Я была однажды в морге. Так требовалось по сценарию. Но даже и в вымышленной ситуации… Там было холодно. Мама никогда не любила холода… — Она закрыла глаза: — Дай мне сигарету, Бутч!

Он зажег сигарету и молча вручил ее Бонни.

— Спасибо… — Она раскрыла глаза. — Мне кажется, вы все думаете, что я веду себя, как ребенок. Но вы ведь понимаете — такое потрясение… Теперь еще хуже, когда я вновь обрела способность думать. Мама умерла… Я просто не могу себе этого представить!

Не оборачиваясь, Тай хрипло проговорил:

— Мы все знаем, что ты должна чувствовать.

— О! Извини, Тай…

Эллери выглянул в грозовую темноту за окном. Рой светлых огоньков далеко внизу и впереди начал быстро вырастать, напоминая рассыпанные бриллианты на черной бархатной подушке.

— Риверсайд, — сказал инспектор. — Скоро мы оставим его позади, и тут уже будет недалеко до аэропорта.

Они молча наблюдали, как россыпь огоньков сначала разгоралась и разрасталась, затем начала тускнеть, расплываться и, наконец, исчезла в темноте.

Тай неожиданно поднялся с места и двинулся, словно слепой, вдоль прохода. Остановившись в нерешительности, он растерянно повернулся и пошел назад.

— Зачем? — спросил он.

— Что зачем? — не понял удивленный инспектор.

— Зачем убили отца? Зачем убили их обоих?

— Если бы мы это знали, сынок, дело не представляло бы трудностей. Садитесь-ка лучше!

— Но ведь тут сплошная бессмыслица! Разве их ограбили? У отца при себе была тысяча долларов наличными. Я вручил их ему только сегодня утром в качестве… ну, в качестве свадебного подарка. Или — Бонни! Мама имела при себе много денег?

— Не заговаривай со мной, — отрезала Бонни.

— Нет, тут дело совсем в другом, — сказал Глюке. — Их личные вещи и деньги оказались нетронутыми.

— Тогда почему? — настаивал Тай. — Почему? Или убийца просто сумасшедший?

— Садись, Тай, — устало проговорил Чудо-мальчик.

— Погодите! — сказал Тай. — А не мог это быть несчастный случай? Я имею в виду, что задумали убить только одного, а другой стал жертвой неожиданного совпадения?

— Поскольку вы подняли этот вопрос, — вмешался Эллери, — давайте обсудим его систематически.

— Что вы имеете в виду?

— То, что мотивы являются краеугольным камнем в этом деле.

— Вот как? — прищурился инспектор. — И почему же?

— А потому, что они на первый взгляд совершенно отсутствуют!

Глюке нахмурился, размышляя над услышанным. Тай неожиданно сел и закурил сигарету. Он не сводил глаз с лица Эллери.

— Продолжайте. У вас имеются какие-то соображения по поводу случившегося.

— Он у нас немножко сумасброд, — проворчал инспектор, — но должен признать, что у него в черепушке имеется кое-что еще, кроме опилок.

— Вот послушайте, — сказал Эллери, опираясь локтем о колено. — Начнем с самого начала. Верно ли, Тай, что ваш отец не пил ничего, кроме коктейля «сайдкар»?

— Ну, еще коньяк. Он любил коньяк.

— Да, да, конечно. Ведь «сайдкар» это тот же коньяк с куантро и каплей лимонного сока. А что касается твоей матери, Бонни, то она, кажется, особенно любила сухое мартини?

— Да.

— Помнится, она однажды с пренебрежением

отозвалась о «сайдкаре». Значит ли это, что она его не любила?

— Терпеть не могла.

— А отец не выносил мартини, — проворчал Тай. — И что же из этого следует?

— А вот что. Некто — очевидно, убийца; едва ли в данном случае мы имеем дело с совпадением; точно рассчитанный способ убийства нс оставляет в этом сомнения, — так вот, некто посылает Джеку и Блайт на дорожку корзинку с двумя термосами, и что же мы видим? В одном — литр «сайдкара», а в другом — такое же количество мартини.

— Если ты хочешь сказать, — вмешался Бутч, нахмурясь, — что посылая термосы, убийца тем самым выдал свое интимное знакомство со вкусами Джека и Блайт, то боюсь, Эллери, что ты далеко не уйдешь. Все в Голливуде знали, что Блайт любит мартини, а Джек — «сайдкар».

Физиономия инспектора Глюке выражала явное удовольствие.

Однако Эллери в ответ лишь улыбнулся:

— Я не это имел в виду. Я высказываю аргументы против теории Тая о случайности, чтобы доказать ее несостоятельность и больше к ней не возвращаться, -поскольку в ней кроется ло-

гическое противоречие. Ибо если признать бесспорным, что даритель корзинки знал об особой приверженности Блайт к мартини, а Джека к «сайдкару», то зарядив оба термоса с божественными напитками смертельной дозой морфия, он явно стремился к тому, чтобы оба пьющих были отравлены. Если бы он намеревался убить только Блайт, он бы отравил один лишь термос с мартини. То же самое и с Джеком, если бы он был избран единственной жертвой… — Он тяжело вздохнул. — Боюсь, здесь просто нет другой альтернативы. Ни ваш отец, Тай, ни ваша мать, Бонни, не должны были выйти живыми из этого самолета. Мы имеем дело с двойным предумышленным убийством.

— И к чему же приводят все ваши рассуждения? — насупился Глюке.

— Могу лишь с абсолютной уверенностью утверждать, что не знаю. На этой стадии игры такое редко бывает.

— Мне показалось, — кратко заметил Чудомальчик, — ты начал что-то говорить о мотивах?

— А, вот ты о чем, — пожал плечами Эллери. — если признать, что в смерти обоих фигурирует один и тот же мотив, что кажется наиболее вероятным, то дело становится еще более запу-

танным.

— Но что же это могло быть? — воскликнула Бонни. — Мама никогда в жизни даже мухи не обидела!

Эллери не ответил. Он смотрел в окно кабины на клубящуюся темноту снаружи.

— Мисс Стьюарт, ваш отец жив? — неожиданно спросил инспектор.

— Он умер, когда я была девочкой.

— Ваша мать не выходила замуж вторично?

— Нет.

— А какие-нибудь… — Инспектор заколебался, но в конце концов задал деликатный вопрос: — Были ли у нее какие-нибудь романтические привязанности?

— У мамы? — засмеялась Бонни. — Не мелите чепухи. — И она сердито отвернулась.

— А как насчет вашего отца, Ройл. Ваша мать также умерла, верно?

— Да.

— Ну-с, в общем, из всего того, что я слышал, — сказал инспектор, прочищая горло, — ваш отец вроде был большой любитель женщин. Не могла ли некая дама возненавидеть… посчитать, будто у нее есть основания возненавидеть Джека Ройла после известия о его женитьбе на Блайт

Стьюарт?

— Откуда я знаю? Я же не был отцовской сиделкой.

— Значит, такая женщина могла существовать?

— Могла, — сердито бросил Тай, — но только не думаю, что она существует в действительности. Отец не был ангелом, но он знал женщин, разбирался в их психологии, и в душе был очень порядочным человеком. Несколько связей, о которых я знаю, закончились весьма мирно. Он никогда не лгал женщинам, и те всегда отлично знали, на что они идут. Вы на миллион миль далеки от истины, Глюке. К тому же, вся работа выполнена мужчиной.

— Хм-м, — протянул инспектор и откинулся на спинку кресла. Он казался далеко не убежденным.

— Предлагаю двигаться от обратного, — сказал Эллери. — Строя гипотезы о мотивах преступления, обычно ищут, кому оно выгодно. Мне кажется, мы быстрее продвинемся вперед, если установим, кто потерпит от него убытки. Начнем с основных потерпевших. Вы, Тай, и вы, Бонни. Несомненно, из всех, имеющих отношение к этому делу, вы понесли самую жестокую утрату. Вы

потеряли единственных родителей, к которым были горячо и нежно привязаны.

Бонни прикусила губу, отвернувшись к окну. Тай раздавил в пальцах горящую сигарету.

— Студия? — передернул плечами Эллери. — Не смотри на меня удивленно, Бутч: логике чужды сантименты. Студия потерпела колоссальный денежный убыток — она навсегда лишилась популярных и очень доходных артистов. Говоря конкретно, наша собственная команда терпит прямой и невосполнимый урон: работу над большой картиной, которую мы задумали, придется прекратить.

— Погодите-ка минутку, — вмешался Глюке. — А как насчет противников студии? Деловые неурядицы, например, трения с контрактами, а, Бутчер? Знаете когда-нибудь, кто был бы нс прочь оставить «Магну» без двух ведущих актеров?

— Не говорите глупости, инспектор, — отрезал Бутчер. — Мы же в Голливуде, а не в средневековой Италии.

— Мне так не кажется, — проворчал Глюке.

— Продолжая нашу тему, — сказал Эллери, насмешливо глядя на инспектора, — можно прибавить, что посредническое агентство, заключившее контракты с Джеком и Блайт — кажется,

это контора Алана Кларка, — тоже терпит убытки. Таким образом каждый, лично или по делу связанный с Джеком и Блайт, несет крупные потери.

— Много же нам это помогло!

— Но великий Боже, Эллери, — запротестовал Бутчер, — кто-то же должен получить выгоду от этого преступления?

— С точки зрения денежной? Давай посмотрим. Джек и Блайт оставили крупные состояния?

— Мама не оставила практически ничего, — отрешенно ответила Бонни. — Даже драгоценности ее были поддельные. Она тратила каждый цент, который зарабатывала.

— А как насчет Джека, Тай?

Тай поморщился:

— А вы как думаете? Вы же видели его расписки.

— А страховка? — спросил инспектор. — Или какой-нибудь профессиональный фонд? Вы, артисты Голливуда, всегда откладываете денежки на черный день в страховые компании.

— Мама, — напряженным голосом проговорила Бонни, — никогда не верила в страховку или долгосрочные вклады. Она вообще не знала цену деньгам. Я постоянно исправляла ошибки в ее

счетах.

— Отец однажды расторг страховой полис на сто тысяч долларов, — сказал Тай. — Договор вступил бы в силу, если бы отец уплатил последний взнос. Он сказал: черт с ним, — ему надо было в тот день торопиться на бега.

— Но во имя всех святых, — воскликнул инспектор, — должна же быть где-то какая-то ниточка! Если не выгода, то месть. Хоть что-нибудь! Я начинаю думать, что пора, пожалуй, уже сегодня взяться как следует за того парня, Парка!

— Ладно, — холодно бросил Тай. — А как насчет Алессандро и отцовских расписок?

— Но они же оказались во владении вашего отца, — возразил Эллери. — Если бы он не расплатился, неужели вы думаете, что Алессандро вернул бы ему расписки?

— Я ничего об этом не знаю, — пробормотал Тай. — Я только спрашиваю: откуда отец достал сто десять тысяч?

— Вы абсолютно уверены, — медленно проговорил Глюке, — что он нигде не мог получить такую сумму?

— Разумеется!

Инспектор задумчиво потер подбородок:

— Настоящее имя Алессандро — Джо Ди Сангри,

и он был замешан во множестве махинаций в Нью-Йорке. Когда-то, давно, Джо был одним из громил Аль Капоне[41]. — Он с сомнением покачал головой. — Только тут не пахнет гангстерской разборкой. Отравленная выпивка! Если бы Джо Ди Сангри захотел наказать несостоятельного должника, он воспользовался бы пистолетом. Это у него в крови.

— Времена переменились, — бросил Тай. — Пора вывести на чистую воду этого проходимца! Или мне самому заняться им?

— О, мы его тщательно проверим.

— Во всяком случае, — вставил Эллери, — неужели Джо Ди Сангри, или Алессандро, убил также и мать Бонни из-за того, что ваш отец отказался оплатить карточный долг?

— Я знала, что их женитьба приведет к несчастью, — горячо заявила Бонни. — Я знала! Зачем только они решились на это?

Тай покраснел и отвернулся. Глюке задумчиво грыз ноготь на большом пальце и не сводил глаз с Тая и Бонни.

Пилот открыл дверцу кабины.

— Мы прибыли, — сказал он.

---

[41] Примечания: 41
Капоне Альфонсо (Аль) — американский гангстер.

Все посмотрели вниз, в черную пустоту под ними. Смутно виднеющееся взлетное поле было черным-черно от переполнявших его людей.

Бонни побледнела и схватила Бутча за руку:

— Это… это похоже на что-то большое и неживое, по которому ползает множество мелких муравьев…

— Бонни, ты до сих пор держалась молодцом. Потерпи еще немного. Не сорвись напоследок. Выше голову, девочка!

— Но я не могу! Все эти миллионы глаз, уставившиеся на тебя…

Она крепко вцепилась в руку Чудо-мальчика.

— Ну-ну, мисс Стьюарт, успокойтесь, — проговорил инспектор, поднимаясь на ноги. — Вам придется это перенести. Мы здесь…

— В самом деле? — с горечью перебил его Тай. — А по-моему, мы нигде. И с каждой минутой удаляемся откуда бы то ни было все дальше и дальше.

— Поэтому я и говорил, — пробормотал Эллери, — что когда мы узнаем, почему Джек и Блайт были отравлены и получим четкие указания относительно мотивов, мы разгрызем этот твердый орешек!

Глава 9
Девятка треф

В среду двадцатого единственными абсолютно спокойными фигурами в городе Лос-Анджелесе и его окрестностях оставались лишь Джон Ройл и Блайт Стьюарт: они были мертвы.

Это были сумасшедшие три дня. Репортеры, кинооператоры, журналисты всех направлений, пожилые дамы из критических и художественных журналов, полиция штата и люди инспектора Глюке из Отдела по расследованию убийства, режиссеры, продюсеры, директора киностудий, ищущие вдохновения, бальзамировщики, священники, должники, продавцы погребальных принадлежностей, юристы, дикторы радио, торговцы недвижимостью, тысячи потрясенных поклонников у гроба своих мертвых кумиров, — все это кипело, бурлило, толкалось и заполняло время бодрствования Тая и Бонни — времени для отдыха совсем не было — превращая его в оживший ночной кошмар.

— С таким же успехом я мог бы принимать участие в подготовке веселой пирушки, — вы-

ходил из себя Тай, растрепанный, небритый, с красными от усталости глазами. — Ради Бога, кто-нибудь, неужели я не могу проводить отца в последний путь по-человечески?

— Он принадлежал публике при жизни, — спокойно объяснял Эллери. — Вы не можете ожидать, чтобы публика отказалась от своих прав на него и после смерти.

— После такой смерти!

— Любой, какой бы она ни была.

— Да они просто стервятники!

— Убийство всегда выпячивает худшие стороны человеческой натуры. Подумайте только, что приходится переживать Бонни в Глендейле!

— Да, — скривился Тай. — Я полагаю… для женщины это слишком сильное испытание… — Подумав, он добавил: — Квин, я должен поговорить с ней.

— Вот как, Тай? — Эллери попытался скрыть удивление.

— Это чертовски важно.

— Сейчас будет очень трудно организовать спокойную встречу.

— Но мне надо!

Они встретились в три часа пополуночи в невзрачном маленьком кафе, затерявшемся в

тупике, отходящем от Мелроуз-стрит, чудесным образом избавившись от преследовавших их зевак. Тай надел темно-синие очки, а Бонни густую вуаль, оставлявшую открытыми лишь ее бледные губы и подбородок.

Эллери и Чудо-мальчик стояли на часах у кабины, в которой велись переговоры.

— Извини, Бонни, что я пригласил тебя сюда в такое время, — отрывисто проговорил Тай. — Но нам с тобой надо кое-что обсудить.

— Да? — Голос Бонни удивил его: он звучал глухо, отчужденно и был полностью лишен жизненной теплоты и эмоций.

— Бонни, ты нездорова.

— Я в полном порядке.

— Квин… Бутч… кто-нибудь из них должен был сказать мне!

— Со мной все в порядке. Просто я думаю о… о предстоящей среде. — Тай заметил, как задрожали ее губы под вуалью. Он смущенно переставлял на столе бокал с шотландским виски.

— Бонни… я никогда не просил тебя об одолжении, правда?

— Ты?

— Да, я… Полагаю, ты считаешь меня дураком, ударившимся в сантименты подобного рода…

— Ты стал сентиментальным? — Губы Бонни на сей раз слегка скривились в усмешке.

— Вот о чем я прошу тебя… — Тай оставил в покое стакан. — Не ради меня. Даже не только ради моего покойного отца. Я прошу тебя ради их обоих — отца и твоей матери.

Бонни убрала руки со стола и сложила их на коленях:

— Ближе к делу, пожалуйста.

— Мне кажется, их надо похоронить вместе, — выпалил он.

Бонни молчала.

— Я уже говорил тебе, что прошу не ради отца. Ради их обоих. Я думал об этом с самого воскресения. Бонни, они любили друг друга. Раньше… я так не считал. Мне казалось, будто за этим кроется нечто другое — не знаю, что. Но теперь… Они умерли вместе. Неужели ты не видишь?

Бонни молчала.

— Они жили в разлуке столько лет, — продолжал Тай, — чтобы потом умереть перед самым… Я знаю, что с моей стороны глупо говорить о таких вещах. Но я не могу избавиться от чувства, что папа — да, и твоя мама тоже! — хотели бы быть похороненными вместе.

Бонни молчала так долго, что Тай даже испу-

гался, не случилось ли с ней чего. Но только он собрался окликнуть ее, как она пошевелилась. Руки ее появились из-под стола и откинули с лица вуаль. И она смотрела, смотрела, смотрела на него своими окаймленными темными тенями глазами, не говоря ни слова и не меняя выражения лица.

Затем она тихо сказала: — Хорошо, Тай, — и встала.

— Спасибо!

— Я просто подумала о маме.

Никто из них не проронил больше ни слова. Они вернулись домой различными путями: Тай отправился в двухместном автомобиле Эллери на Беверли-Хиллз, а Бонни в лимузине Чудо-мальчика в Глендейл.

* * *

Коронер подписал разрешение на выдачу тел, Джон Ройл и Блайт Стьюарт были набальзамированы, и в течение нескольких часов в среду утром их величественные гробы из красного дерева в футляре из чистой красной меди фирмы «Анаконда», с восемнадцатикаратовыми золотыми ручками, обитые японским шелком ручной выделки по 50 долларов за ярд, устланные пухом

черных лебедей, были выставлены для всеобщего обозрения в величественном похоронном зале на бульваре Сансет, который Сэм Викс, негласно занимающийся рекламой этого заведения на базе двух процентов комиссионных, уговорил Жака Бутчера уговорить Тая Ройла уговорить Бонни Стьюарт выбрать для этой цели. Четверых женщин придавили в толпе, причем одну серьезно, шестнадцать упали в обморок, и полиции пришлось разгонять толпу на своих величественных лошадях, которые по этому случаю были специально вычищены и приведены в надлежащий вид. Один неряшливо одетый человек — очевидно коммунист — попытался откусить стремя у конного полицейского, наехавшего на него, получил дубинкой по голове и был отправлен за решетку. Внутри похоронного зала все сливки общества в изысканнейших утренних туалетах — мадам Фло, Маньен и Л'Эрез наняли целую кучу портних, чтобы успеть заказать новые наряды к моменту похорон, — отмечали, как великолепно выглядит Блайт: «Словно она заснула, бедняжка; если бы не стекло, можно было бы поклясться, что она вот-вот пошевелится!» «А тем нс менее, она набальзамирована; они творят просто чудеса!» «Вот именно; и подумать только, что у

нее внутри практически ничего нет. Я читала, что ей делали вскрытие, а ведь знаете, что они вытворяют во время вскрытия!» «Не говорите гадостей! Откуда я знаю?» «Да, но не был ли ваш первый муж…» — и какой тонкий вкус проявила Бонни, нарядив Блайт в это великолепное белое атласное вечернее платье с таким искусно скроенным лифом — «У нее был прекрасный бюст, дорогая. Знаете, однажды она призналась мне, что никогда не носила корсет. И мне достоверно известно, что ей не нужно было носить бюстгальтер с чашечками!» — со сборками у талии и множеством мелких плиссе — «Если бы только она могла встать, бедняжка, вы бы увидели, какой удивительный эффект создают эти плиссе!» — с изящным корсажем из орхидей и с такими щегольскими бриллиантовыми застежками на плечевых бретельках — «Я считаю, что они смотрятся шикарно. Они настоящие, как вы думаете, дорогая?» — и как прелестно выглядит бедняга Джек в крахмальной сорочке и фраке, со своей полуциничной улыбкой на лице — «Ну разве не готовы вы побожиться, что он сейчас собирается встать из гроба и заключить вас в объятия?» «А кто положил рядом с ним золотую статуэтку, которую Джек получил в тридцать третьем?» «Не

знаю кто, но по-моему, это уже немного отдает чванством, вы не находите?» «Здесь присутствует Комитет Академии изящных искусств, и они, кажется, вполне довольны!» «Несмотря ни на что, он был чертовски обаятельным, этот Джек Ройл! Мой второй муж однажды сбил его с ног…» «Не кажется ли тебе, дорогая, что говорить об этом в присутствии стольких детективов немного опрометчиво? Ведь Джек, как-никак, был убит.» «Не смеши меня, Нанетта! Тебе отлично известно, что Ллуэллин сбежал в Африку и еще Бог знает куда с той глупой девчонкой из кордебалета два года тому назад!» «Вот что я могу сказать тебе о Джеке Ройле, дорогая — не говоря худого слова о мертвых: в определенном смысле Блайт просто повезло. Она никогда не была бы счастлива с ним, судя по тому, как он бегал за каждой юбкой в городе!» «О, как ты права, милочка! Я совсем забыла, что ты ведь очень хорошо его знала, не так ли?»

А в большом опустевшем доме в Глендейле Бонни, холодная, оцепеневшая и почти столь же безразличная ко всему, как ее мать в Голливуде к восторгам и пересудам своих завистниц и поклонниц, готовилась к последней церемонии, пока Клотильда, чьи пухлые щеки и выдающийся

галльский нос казались постоянно опухшими от слез, одевала ее в великолепное траурное платье — хотя Бонни в прошлом часто выражала протест против публичных демонстраций скорби и типичных голливудских похорон, — одевала без всякой помощи со стороны Бонни, словно и впрямь обряжала покойника.

В осиротевшей копии рыцарского замка на Беверли-Хиллз Тай проклинал Лаудербека в перерыве между парой очередных глотков бренди, не желая бриться, настаивая на спортивных брюках и куртке просто в пику проклятым стервятникам, так что Алан Кларк и поспешно созванная компания мускулистых приятелей вынуждены были в конце концов скрутить его по рукам и ногам, пока Лаудербек водил электрической бритвой по его щекам, а доктор убирал графин с коньяком и заставлял Тая проглотить вместо бренди таблетку люминала.

Потом Тай и Бонни встретились над величественными гробами в погребальном зале, превращенными в гигантскую клумбу из только что срезанных живых цветов, число которых росло и увеличивалось до такой степени, что и они сами, и покойники, и служащие морга, и священник стали похожи в конце концов на

фигуры на карнавальной колеснице во время ежегодного праздника цветов. Епископ прочел великолепную проповедь, изобилующую такими перлами красноречия, как «воля Провидения», «дорогие усопшие», «безвременная кончина», «безутешные родственники и друзья». Инспектор Глюке буквально высмотрел все глаза, выискивая в толпе преступника, исходя из функциональной теории, что тот не может не прийти на похороны своих жертв, но так ничего и не увидел, хотя очень пристально глядел на Джо Ди Сангри Алессандро, присутствовавшего здесь и походившего на маленького итальянского банкира в своем строгом утреннем пиджаке и полосатых брюках. Жаннина Каррель, чье великолепное сопрано как внутри, так и вне стен «Метрополитен Оперы» было непревзойденным в исполнении «О, эта сладкая тайна жизни», прочувственно спела «Ближе к Тебе, о Господи» в сопровождении всего состава мужского хора студии «Магна», участвовавшего в супер-мюзикле «Споем эту штучку». Лу Бэском даже не зашатался под тяжестью своей доли веса гроба Блайт, что свидетельствовало о его выносливости и стойкости, ибо он высосал с воскресенья пять кварт шотландского виски, и его дыхание могло бы вызвать головокружение и

тревогу даже у опоссума.

Среди прочих людей, шествовавших за гробами, были Луис С. Селвин, исполнительный президент компании «Магна», один бывший мэр, один бывший губернатор, три выдающиеся эстрадные звезды (отобранные Сэмом Виксом на основании последнего общественного опроса, проведенного Полой Пэрис для газетного синдиката, на который она работала); президент Киноакадемии; бродвейский режиссер-постановщик в Голливуде, выпускающий комические короткометражки; Рэнди Раунд, знаменитый бродвейский обозреватель, для которого ни одна компания этой страны кино не была запретной зоной; очень важный чиновник из банка и специальная делегация из Монашеского клуба. В общем, толпа была довольно значительная.

Спустя целую вечность моторизованная процессия, состоявшая из «Изотт-Фраскини», «Роллс-Ройсов», «Линкольнов» и изготовленных на заказ «Дюзенбергов», сумела добраться и проникнуть в «Мемориальный Парк» — что по-голливудски соответствовало кладбищу, — где настоящий океан скорбящих почитателей таланта безвременно, усопших шумел и гудел, вздымаясь нетерпеливыми волнами в ожидании погре-

бальной церемонии. Епископ, который казался неиссякаемым, отслужил еще один молебен в сопровождении хора чисто вымытых мальчиков в великолепных стихарях и с ангельскими лицами. Еще тридцать одна женщина упала в обморок, и кареты скорой помощи незаметно и безостановочно подъезжали и отъезжали от места грандиозного действа. Одно гранитное надгробье было свалено на землю, а два каменных ангела навеки лишились своих левых рук. Джек и Блайт были опущены рядом друг с другом в скорбно украшенные еловыми ветками могилы, усаженные по краям гигантским папоротником и засыпанные доверху венками из белых лилий. Бонни, не замечая руки Чудо-мальчика, стояла молчаливая, холодная, строгая и безучастная, наблюдая, как ее мать совершает свой последний уход со сцены, где разыгрывается вечный драматический спектакль под название Жизнь. Тай стоял в одиночестве с опущенными плечами и невыразимо горькой усмешкой на губах, следя за тем, как его отец совершает тот же прощальный уход. В конце концов все практически — не совсем, однако, — закончилось. Единственной частью траурного туалета, которую Бонни оставила на память грядущим поколениям, был сухой

черный батистовый платочек, выхваченный из ее руки какой-то толстой женщиной в соболях и с маниакальным взглядом, когда Бутчер вел ее назад к лимузину. Тай, заметив это, утратил последние остатки выдержки и бросился на толстуху с кулаками, но Алан, Лу и Эллери с трудом оттащили его прочь. Звезды плакали и плакали, а солнце ослепительно сияло над Голливудом. В общем, все отлично провели время, и Сэм Викс с чувством заявил, вытирая испарину под своей черной повязкой на глазу, что все было — другого выражения не подберешь! — просто великолепно!

* * *

Но как только Бонни удалилась на безопасное расстояние от всевидящего ока толпы, она дала волю горьким слезам, спрятав лицо на груди и сотрясаясь от рыданий в объятиях Чудо-мальчика, пока лимузин пробирался в густом потоке уличного движения, пытаясь улизнуть от преследовавших их автомобилей ненасытной прессы.

— О, Бутч, все было так ужасно! Совсем как на п-параде роз. Удивительно, что они не п-попросили меня спеть что-нибудь п-по радио!

— Все уже позади, дорогая. Забудь про это. Все

уже прошло!

— И дедушка не приехал. О, я его ненавижу! Я сама звонила ему сегодня утром. Он отказался. Сказал, что очень болен. Что не может выносить похорон, и что я должна попытаться его понять. Его родная дочь! О, Бутч, я так несчастна!

— Забудь этого старого сухаря, Бонни. Он не стоит твоих переживаний.

— Я надеюсь, что никогда больше его не увижу!

Когда они прибыли домой в Глендейл, Бонни извинилась и отослала Бутчера прочь, и приказала Клотильде захлопывать дверь перед носом любого, будь то друг или враг, кто бы ни постучал. А сама она заперлась в спальне, всхлипывая и пытаясь, как ни странно, отыскать успокоение в толстой пачке корреспонденции, оставленной для нее Клотильдой.

Тай, которому пришлось кружным путем добираться до Беверли-Хиллз, сменил открытый бунт на угрюмое замкнутое молчание; его сопровождающие благоразумно оставили его на попечение Лаудербека и удалились. Но едва он успел пропустить третий стаканчик бренди, как зазвенел телефон.

— Меня нет! — рявкнул он Лаудербеку. — Ни

для кого, слышишь? Я покончил навсегда с этим городом! Я покончил со всеми, кто в нем живет! Здесь все насквозь фальшиво, безумно и порочно! Пошли того, кто звонит, ко всем чертям!

Лаудербек воздел к потолку страдающий взор и произнес в телефонную трубку:

— Извините, мисс Стьюавт, но мистева Войла…

— Кто? — завопил Тай. — Погоди! Дай сюда трубку!

— Тай, — сказала Бонни таким странным голосом, что его охватила холодная дрожь. — Ты должен приехать сюда немедленно.

— Какого дьявола случилось, Бонни?

— Прошу тебя. Поторопись. Это ужасно важно.

— Дай мне три минуты, чтобы переодеться!

Приехав в дом Бонни, Тай обнаружил Клотильду плачущей у подножья лестницы, ведущей из холла на второй этаж.

— Клотильда, где мисс Стьюарт? Что происходит?

Клотильда заломила свои пухлые руки:

— О, мсье Ройаль, это в самом деле вы? Мадемуазель поистине сошла с ума! Она там, наверху, все переворачивает вверх дном! Я желала позвонить мсье Бутчерру, но мадемуазель пригрозила мне.

Elle est une tempête![42]

Тай взбежал вверх по лестнице, перескакивая сразу через три ступеньки, и обнаружил Бонни в развевающемся розовато-лиловом крепдешином халатике, которая, как сумасшедшая, выбрасывала на пол содержимое ящиков секретера и письменного стола. Будуар се матери выглядел так, словно в него ударила молния.

— Их здесь нет! — кричала Бонни в отчаянии. — Или я не могу их найти. Какая же я дура!

Она в изнеможении свалилась на кровать матери. Распущенные волосы были перевязаны золотой лентой и ниспадали сверкающим каскадом, словно топленый мед, вдоль ее плеч, где их пронизывали яркие солнечные лучи.

Тай смущенно вертел в руках шляпу, отводя глаза в сторону. Затем он решился и посмотрел на девушку:

— Бонни, зачем ты меня вызвала?

— О, потому что я неожиданно вспомнила… А потом, когда я просматривала почту…

— А почему ты не позвала Бутча? Клотильда сказала, будто ты запретила звонить ему. Почему же… меня, Бонни?

---

[42] Примечания: 42
Она настоящая буря! (*фр.*)

Она замерла в неподвижности, смутившись, плотнее запахнула на себе халатик и отвела взгляд, не выдержав жгучего пламени, пылавшего в его глазах.

Тай бросился к ней и поднял ее с кровати, грубо обняв за плечи:

— Хочешь, я сам скажу тебе, почему?

— Тай… Ты так странно смотришь… Не надо!

— Я чувствую себя очень странно. Я сам не понимаю, что со мной. Глупейшая, дурацкая ситуация… Но видя тебя здесь, на кровати — одинокую, испуганную, как потерявшийся ребенок… Бонни, почему ты первым делом подумала обо мне, когда тебе понадобилось сообщить кому-то о чем-то очень важном?

— Тай, прошу тебя, перестань!

— Считается, что мы ненавидим друг друга?

Она попыталась освободиться из его объятий, не очень настойчиво:

— Пожалуйста, Тай, не надо! Ты не должен…

— Но я ведь не ненавижу тебя, — с удивлением в голосе произнес он. Руки, державшие ее, напряглись еще сильнее. — Я только что понял это. Я вовсе не ненавижу тебя. Я люблю тебя!

— Тай! Нет!

Он плотнее прижал ее к груди одной рукой, а

другой поднял ей подбородок, чтобы заставить взглянуть на себя.

— И ты любишь меня. Ты всегда любила меня. И знаешь, что это правда.

— Тай, — прошептала она. — Отпусти меня…

— Ничего не поделаешь!

Бонни дрожала, точно стеклянная статуэтка от сильного удара; затем дрожь внезапно исчезла, и вся ее нежность полностью передалась ему.

Они стояли молча, прижавшись друг к другу, не глядя на беспорядок, царивший в комнате.

Спустя долгое время Бонни прошептала:

— Это безумие. Ты сам так сказал.

— Тогда я не желаю больше быть здравомыслящим!

— Мы оба сейчас очень ослабели. Мы чувствуем себя потерянными и… О, эти ужасные похороны!

— Мы стали наконец самими собой, Бонни! И если их смерть не принесла им ничего другого…

Бонни спрятала лицо у него на груди.

— Это похоже на сон… Я чувствовала себя словно обнаженной… Как хорошо быть так близко к тебе, когда знаешь, что ты и я… из всех людей на земле…

— Поцелуй меня, Бонни. Боже, как я хотел… — Губы его касались ее лба, век, ресниц…

Внезапно Бонни отшатнулась от него и обессиленно опустилась на шезлонг.

— А как же Бутч? — жалобно спросила она.

— О! — сказал Тай. Радость и пылкая страсть быстро увяли на его лице. — Я совсем забыл о Бутче… — Но тут его брови сурово сошлись на переносице, и он сердито воскликнул: — А черт с ним, с Бутчем! И черт со всеми! Я слишком долго был лишен тебя. Ты была всей моей жизнью — перевернутой, точно в кривом зеркале, — и мы должны получить за это компенсацию. С самого детства мне внушали ненависть к тебе; она была постоянно со мной, а значит, ты была со мной днем и ночью еще с тех пор, когда я бегал в коротких штанишках. И сколько я себя помню, я всегда думал о тебе… Я имею больше прав на тебя, чем Бутч!

— Я не могу причинить ему боль, Тай, — лишенным выражения голосом произнесла Бонни. — Он самый лучший человек в мире!

— Но ты не любишь его, — решительно возразил Тай.

Она опустила глаза:

— Я… я не в состоянии сейчас разобраться. Все произошло так неожиданно… Он любит меня!

— Ты была всей моей жизнью, Бонни. — Тай

попытался вновь заключить ее в объятия, ища ее губы.

— Нет, Тай. Мне нужно… немного времени. О, это звучит банально! Но ты ведь не можешь ожидать… Я должна привыкнуть…

— Я никуда не отпущу тебя!

— Нет, Тай. Не сейчас. Ты должен обещать мне, что не скажешь… ну, обо всем этом… ни одной живой душе. Я не хочу пока, чтобы Бутч узнал. Может быть, я неправа. Может быть… Но ты должен пообещать!

— Не думай ни о ком, кроме меня, Бонни!

Она вздрогнула.

— Единственное, что приходило мне в голову последние три дня — это желание увидеть мою маму отомщенной. Вот видишь, просто невозможно говорить о простых вещах, чтобы они не звучали… мелодраматично! Но я действительно хочу этого. Очень хочу! Она была милейшим, самым безобидным существом на свете. Кто бы ни убил ее — он чудовище! Он не может быть человеком! — Губы ее сложились в жесткую линию. — Знай я, кто он, я убила бы его сама, не задумываясь, как бешеную собаку!

— Позволь мне помочь тебе, дорогая…

— И любого, — с гневом продолжала Бонни,

— любого, в малейшей степени причастного к убийству, я ненавидела бы, как… как самого убийцу! — Она взяла его за руку. — Так что ты сам видишь, Тай, почему все так… почему мы вынуждены ждать.

Он ничего не ответил.

— А ты разве не хочешь найти убийцу своего отца?

— И ты еще спрашиваешь? — с укором спросил он.

— Тогда давай искать вместе… У нас с тобой — теперь я ясно вижу — всегда была по крайней мере одна общая черта… Тай, посмотри на меня… — Он повиновался. — Я не отвергаю тебя, милый, — прошептала она, тесно прижавшись к нему. — Когда все это случилось… я признаюсь тебе, что ни о ком не могла думать, кроме тебя. Тай, они… они умерли, и оставили нас одних! — Подбородок ее задрожал, и губы сложились в печальную гримасу.

Тай вздохнул, поцеловал Бонни, потом подвел ее к кровати и усадил девушку на нее.

— Отлично, партнер. Ведь мы партнеры, не так ли? Маленькая частная война против маленького частного преступления. Давай ее объявим! — оживленно воскликнул он.

— О, Тай!

— А в чем причина этого беспорядка?

Бонни смотрела на него сквозь слезы, но с улыбкой на губах. Затем улыбку сменило выражение холодной решимости, и она достала из-за лифа почтовый конверт.

— В течение некоторого времени, — сказала Бонни, шмыгая носом и утирая остатки слез, — мама получала какие-то письма. Я думала, что это обычная почта от поклонников и почитателей, и не обращала на них внимания. Но теперь… я не знаю.

— Угрожающие письма? — насторожился Тай. — Дай-ка взглянуть!

— Погоди. Знаешь ли ты кого-нибудь, кто посылал бы карты по почте? Имеют ли карты какое-нибудь значение для тебя? Получал ли Джек что-нибудь подобное?

— Нет… Карты? Ты имеешь в виду игральные карты?

— Да. Из клуба «Подкова».

— Опять Алессандро, а? — пробормотал Тай.

— Я искала остальные конверты — ну, те, что приходили перед… несчастьем. Но они куда-то пропали. Когда я вернулась с похорон, я начала перебирать кучу писем и телеграмм с соболез-

нованиями, и нашла… вот это. Тут я вспомнила про остальные.

Тай взял конверт. Он был надписан выцветшими синими чернилами, и почерк — грубо нацарапанные печатные буквы — свидетельствовали о том, что надпись была сделана плохим пером.

— Письмо адресовано Блайт Стьюарт, — озадаченно проговорил Тай. — А по штемпелю видно, что оно отправлено в Голливуд вчера вечером, девятнадцатого. То есть, через два дня после смерти адресата! Какая-то бессмыслица!

— Вот поэтому я и считаю, — напряженным голосом сказала Бонни, — что это важно. Возможно, если мы сопоставим все факты, которые покажутся нам бессмысленными, мы найдем кое-что, имеющее смысл!

Тай достал из конверта то, что в нем лежало, и с недоумением уставился на него:

— И это все, что здесь было?

— Я же говорила тебе, что это бессмыслица.

Единственным содержанием конверта была игральная карта с золотой подковой, изображенной на ее синей рубашке.

Карта была девяткой треф.

Глава 10
Свобода печати

То ли причиной этому была статья в газете, то ли постоянно подавляемое желание снова увидеть Полу Пэрис возобладало наконец над сдержанностью, но в четверг мистер Эллери Квин после трехдневной напряженной внутренней борьбы сел в свой двухместный автомобиль и отправился к белому зданию на холме.

И здесь, в одной из приемных, поглощенный в интенсивное изучение воскресной вечерней колонки Полы Пэрис «Увидеть звезды», опубликованной в понедельник в утренней газете, сидел инспектор Глюке. Увидев Эллери, он поспешил затолкать газету в карман.

— Вы тоже один из общественных информаторов мисс Пэрис? — полюбопытствовал Эллери, стараясь скрыть от глаз инспектора свою собственную копию той же газеты.

— Хеллоу, Квин! — проворчал инспектор, насупившись. —

Послушайте, зачем нам ходить вокруг да около? Я вижу, вы уже заметили статейку. Чертовски

странно, сказал бы я!

— Ничуть. Какая-то ошибка, вне всякого сомнения.

— Ну, конечно! Именно поэтому вы здесь! Этой дамочке придется дать мне подробные объяснения. Заставила меня побегать с самого понедельника! Да я ей шею сверну!

— Прошу вас, — ледяным голосом прервал его Эллери. — Мисс Пэрис — леди. Не говорите о ней в таком тоне, словно она одна из ваших полицейских чиновниц!

— Ага, значит, она и вас подцепила на крючок! — прорычал Глюке. — Послушайте, Квин, мы с ней уже не впервые сталкиваемся. Когда бы она ни выудила что-нибудь важное, и я попросил бы ее — очень вежливо, заметьте! — заглянуть ко мне в Управление на беседу, я неизменно получаю в ответ все тот же вздор о том, что она, видите ли, не может покинуть свой дом, об этой проклятой толпофобии…

— Я был бы вам весьма обязан, — отрезал Эллери, — если бы вы перестали ее оскорблять!

— Я посылаю ей повестку за повесткой, и она постоянно ускользает, чтоб ей провалиться! Врачебные свидетельства — Бог весть, о чем! Когда-нибудь я привлеку ее за подлог, попомните

мои слова! Толпофобия!

— А между тем, — ехидно заметил Эллери, — гора опять приходит к Магомету. Кстати, что у вас слышно?

— До сих пор никаких следов того летчика. Но это лишь вопрос времени. Мое личное мнение, что он припарковал свой собственный самолет где-то поблизости, а возможно, и на самом плато. После того, как он приземлился на самолете Тая, он просто пересел в свой аэроплан и улетел. В воздухе следов не остается.

— Хм-м… Я слышал, доктор Полк официально подтвердил мою версию о причине смерти.

— Вскрытие показало почти одинаковое количество морфия, немногим более пяти гран, в каждом трупе. Это означает, утверждает док, что в термосы подсыпали чертовски большую дозу. И еще некое снадобье, которое Бронсон называет… постойте-ка, у меня где-то записано… вот: этаминал натрия — новое производное барбитуровой кислоты; убаюкивает вас сразу, точно младенца в люльке!

— Не удивительно, что не было следов борьбы, — пробормотал Эллери.

— Полк говорит, что морфий в сочетании с этим этаминалом натрия усыпил их минут за

пять. А потом смертельная доза яда постепенно всосалась в их кровь во время сна, и они погибли меньше чем через полчаса после того, как хлебнули отравы.

— Я думаю, что Джек отключился первым, а Блайт подумала, что он просто задремал. Снотворное играло в данном случае важную роль. Вы понимаете? Поскольку первая жертва, кем бы она ни была, казалась уснувшей — в то время как она умирала или уже умерла, — вторая, ни о чем не подозревая из-за безмятежного выражения спящего соседа, спокойно налила себе порцию отравы из второго термоса. Этаминал служил предосторожностью на случай, если они не станут пить свой коктейль одновременно. Чертовски умно!

— Умно или нет, но оно сработано. Смерть от паралича дыхательного центра — так говорит Полк. Хуже всего то, что мы не можем проследить, откуда это снадобье. Этаминал натрия продается сейчас в любой аптеке, а насчет морфия — сами понимаете, как сложно установить его происхождение.

— Но все-таки есть что-нибудь новое?

— Ну-у, —. смущенно протянул инспектор, — я бы не сказал, что очень уж много. Я попытался

проследить, откуда взялась корзинка с термосами; нашли место отправления, но заказ был прислан по почте, и они выбросили письмо, Имя, конечно, вымышленное. Самолет стерильный: отпечатки пальцев только Джека, Блайт и Тая — тот тип всю дорогу, очевидно, не снимал перчаток. С другой стороны…

— Да? Говорите же, не тяните!

— Ну, мы начали разрабатывать версию о приятельницах Джека. Вот это был мужчина, могу поклясться! Получили несколько любопытных фактов… — Инспектор усмехнулся. — По тому, как городские девицы летели ему под крылышко, можно было бы подумать…

— У меня нет настроения распространяться про любовь, — хмуро бросил Эллери, — А как насчет того человека по имени Парк? В новостях о нем ни слова.

— Да, он мертв.

— Что?!

— Совершил самоубийство. Об этом будет в сегодняшних газетах. Мы обнаружили его барахлишко нетронутым в дешевом клоповнике в Голливуде, где он обитал. Там же была записка, в которой он писал, что все равно умирает, что ничего хорошего не сделал для жены и калеки-

сына, живущих на пособие где-то на востоке, что много лет не в состоянии был заработать даже на то, чтобы свести концы с концами, а поэтому отчаялся во всем и уходит из жизни на океанское дно, к рыбам.

— Ага, — сказал Эллери. — Значит, тела вы не обнаружили?

— Послушайте, мой многоумный друг, — осклабился Глюке. — Если вы думаете, будто предсмертная записка подделана, выбросьте это из головы. Мы проверили его почерк. С другой стороны, мы вполне определенно установили, что он не умел управлять самолетом.

Эллери пожал плечами.

— Кстати, сделайте мне одно одолжение после того, как освободитесь от варки мисс Пэрис в кипящем масле.

— Что именно? — подозрительно поинтересовался инспектор.

— Организуйте днем и ночью наблюдение за Бонни Стьюарт.

— Бонни Стьюарт? За каким чертом?

— Провалиться мне, если я знаю. Должно быть, мне подсказывает внутренний голос… — Тон его внезапно изменился, и он добавил без всякого юмора: — Не пренебрегайте этим, Глюке. Это

может быть весьма существенным, как говорят наши друзья-французы.

И тут одна из секретарш мисс Полы Пэрис проговорила с кокетливой улыбкой:

— Не будете ли вы любезны зайти, инспектор?

* * *

Когда инспектор Глюке появился из гостиной мисс Пэрис, вид у него был положительно убийственный.

— Вам нравится дамочка, что прячется там, за стенкой, не так ли?

— В чем дело? — спросил встревоженный Эллери.

— Если так, заставьте ее говорить. Вышибите из нее дух, целуйте ее, делайте все, что хотите, но только узнайте, откуда она взяла эту историю!

— Так значит, она не захотела быть с вами откровенной, а? — пробормотал Эллери.

— Нет, а если она намерена продолжать и дальше в том же духе, я вытащу ее из этого дома за ее седую прядку на голове и запру в каталажку вместе с ее толпофобией или без нее! Я арестую ее по обвинению в... в преступном заговоре! Буду держать ее в качестве главного свидетеля!

— Тише, тише, успокойтесь! Не станете же вы

оказывать давление на прессу в нашу эпоху чрезмерной конституционной чувствительности? Вспомните прискорбный случай с пресловутым газетчиком Гувером!

— Я предупредил вас! — прорычал Глюке и вышел, хлопнув дверью.

— Прошу вас, мистер Квин, — сказала секретарша.

Эллери степенно вступил в святая святых. Он нашел здесь Полу, доедавшую яблоко и выглядевшую прелестно, безмятежно и укоризненно.

— И вы тоже? — засмеялась она, указывая на стул. — Не напускайте на себя такой трагический вид, мистер Квин! Садитесь и рассказывайте, почему вы так непростительно долго избегали меня?

— Вы слишком очаровательны, — вздохнул Эллери, — и слишком красивы, чтобы провести следующий год в тюрьме. Я никак не могу решить…

— Чего же именно?

— Какой из советов Глюке применить к вам: вышибить из вас дух, или поцеловать. Что бы вы предпочли?

— Представить только, что это чудовище прикидывалось Купидоном! — укоризненно по-

качала головой Пола. — Отвратительно! Почему вы хотя бы не позвонили мне?

— Пола, — серьезно сказал Эллери. — Вы знаете, что я ваш друг. Что кроется за этой статьей? — Он похлопал рукой по газете за понедельник.

— Но я первая задала вопрос, возразила она, демонстрируя свою неотразимую ямочку на щеке.

Эллери жадно глядел на нее. Пола была восхитительна в серебристом парчовом платье для приемов с широкой разрезной юбкой поверх турецких шаровар.

— Вы не боитесь, что я прибегну к совету Глюке?

— Мой дорогой мистер Квин, — холодно сказала она. — Вы переоцениваете свои способности — да и его тоже! — в нагнетании страхов.

— Ей-Богу, — промолвил Эллери, не сводя с нее глаз, — я так и сделаю! Будь я проклят, если я не сделаю!

Он шагнул к ней. Пола не двинулась с места и спокойно глядела на него.

— Вижу, — с сожалением сказала она, — что Голливуд оказывает на вас дурное влияние.

Мистер Квин замер неподвижно, покраснев до корней волос. Придя в себя, он резко произнес:

— Мы отвлеклись от темы. Я хочу знать…

— Каким образом в моей колонке, напечатанной в ночном выпуске воскресной газеты, вышедшей в понедельник, появилась заметка о похищении Джека Ройла и Блайт Стьюарт во время их свадебного путешествия?

— Не уклоняйтесь от моего вопроса!

— О, как самоуверенно! — проговорила она, скромно опуская глаза.

— Черт побери! — воскликнул Эллери. — Не стройте из себя святую невинность! Вы должны были сочинить эту заметку, учитывая время, необходимое чисто технически для ее написания, еще до того, как было совершено похищение!

Пола ничего не ответила.

— Как вы узнали, что их собираются похитить?

Мисс Пэрис тяжело вдохнула.

— Знаете, мистер Квин, вы выдающаяся личность, но почему вы считаете, будто имеете право разговаривать со мной таким тоном?

— О Боже мой, Пола, разве вы не видите, в какой попали переплет? Откуда вы получили эту информацию?

— Я вам отвечу так же, — холодно отпарировала Пола, — как ответила инспектору Глюке. А именно: не ваше дело!

— Вы обязаны сказать мне! Я ничего не сообщу

Глюке. Но я должен знать!

— Мне кажется, — проговорила Пола, вставая, — наш разговор окончен, мистер Квин.

— О нет, не окончен! Вы должны мне рассказать, иначе я…

— Я не отвечаю за удовлетворение ваших детективных инстинктов.

— Черт с ними, с моими детективными инстинктами! Ведь я только о вас беспокоюсь!

— В самом деле, мистер Квин? — проворковала Пола.

— Я… я не совсем то хотел сказать… — смутился Эллери.

— Но тем не менее, сказали? — улыбнулась Пола; проклятая соблазнительная ямочка опять появилась на ее щеке. — Вы в самом деле беспокоитесь обо мне?

— Я не то имел в виду…

Неожиданно Пола расхохоталась и в изнеможении опустилась на стул.

— Вот так комедия! — смеялась она. — Великий детектив! Гигантский интеллект! Ищейка в облике человека!

— Что здесь смешного? — сухо спросил Эллери.

— Вы заподозрили, будто я имею нечто общее с этим двойным убийством! — От смеха у нее

выступили слезы, и она стала промокать их батистовым платочком.

Эллери покраснел.

— Это… абсурд! Я никогда не говорил ничего подобного!

— Но зато думали! Да, мистер Шерлок Холмс, неважного же я мнения о ваших тонких методах! Попытаться построить их на базе личных взаимоотношений! Мне следовало бы на вас рассердиться… И я действительно сердита на вас! — Смущенный Эллери убедился, что она в самом деле на него сердита.

— Но я вас уверяю…

— Это недостойно! Вы, сверхчеловеки, Муссолини, самоуверенные мужчины-зазнайки! Вы намеревались взяться за несчастную, больную, беззащитную женщину и обвести ее вокруг пальца? Использовать свое обаяние, вскружить ее глупую голову, сбить ее со слабых ножек, заворожить всякими милыми пленительными пустячками — отважно ринуться в романтическую атаку, постоянно думая лишь о том, как бы выудить из нее нечто чертовски любопытное!

— В качестве самозащиты я хотел бы заметить, — с достоинством проговорил Эллери, — что моя «романтическая атака», как вы изволите столь

романтически выразиться, началась задолго до убийства Джека Ройла и Блайт Стьюарт!

Она полуотвернулась от него, продолжая прикладывать платочек к глазам, и Эллери заметил, как конвульсивно вздрагивают ее обворожительные плечи. Проклятый, неуклюжий дурак! Он заставил ее плакать!

Эллери уже совсем было собрался броситься к ней и приложить все силы, чтобы утешить ее и успокоить, когда Пола повернула к нему лицо, и он с изумлением и досадой заметил, что она смеется.

— Я глупец, — кратко констатировал Эллери, уязвленный до глубины, души. Он поднялся и молча побрел к двери. Смеяться над ним!..

Пола быстро скользнула между ним и дверью и встала к ней спиной, загородив собой выход.

— О, какая же вы прелесть! — задыхаясь от смеха, проговорила она. — Нет, не уходите пока!

— Не вижу причины, — возразил он, ничуть не смягчившись, но тем не менее останавливаясь, — почему я должен остаться.

— Потому что я так хочу!

— Ах вот как!

— Не слишком-то оригинальное замечание... Что случилось с его знаменитым остроумием?

Просто поразительно!

— Вот что я вам скажу, — продолжала Пола, глядя на него огромными ласковыми глазами. — Я сообщу нечто, чего не говорила этому грубияну Глюке. Так вы остаетесь?

— Пожалуй…

— Отлично! Значит, мы снова друзья! — Она взяла его за руку и отвела его обратно к дивану. Неожиданно Эллери ощутил удовлетворение самим собой. Неплохо сработано, верно? Кое о чем свидетельствует, не правда ли? Он ей понравился. И ладошка ее такая теплая и миниатюрная. Для женщины ее размеров очень даже изящная. Не то, чтобы сама Пола была так уж велика! Ну… и не так уж и маленькая. Но не толстая. Конечно, нет! Ему никогда не нравились коротышки. Он всегда считал, что мужчина обманывает себя, прижимая к груди маленькую женщину; мужчина имеет право на достаточно обширный источник преданности. Ого, неплохо сказано! Эллери исподтишка оглядел Полу. Да-да, обширный — именно то слово! Щедрость рога изобилия и благородная строгость рыцарского меча. Прекрасная аристократка! Просто гран-дама! Можно сказать, выглядит просто как королева.

— Как королева! — непроизвольно вырвалось у

него, и он поспешно прикрыл рот ладонью.

— Что вы сказали? — спросила она, но руки так и не отняла.

— О, ничего! — скромно пожал плечами Эллери. — Небольшой каламбур, только что пришедший мне на ум[43]. Королева… ха-ха!.. Я хочу спросить, о чем вы собирались мне рассказать?

— Вы говорите загадками, — вздохнула Пола, усаживая его рядом с собой на диван. — Наверное, поэтому вы мне и нравитесь. Так забавно поддерживать с вами беседу!

Эллери пришла в голову мысль, что произойдет, если он — о, совершенно случайно! — обнимет ее за плечи? Они казались такими сильными, и в то же время женственными; были ли они также мягкими и теплыми? Будет ли она искать спасения в своей фобии? Научный подход — вот именно: чисто научный подход! — давал ему право на проведение подобного эксперимента.

— Что… — пробормотал он, приступая к осуществлению своего научного опыта, — …случилось?

Какое-то обворожительное мгновение Пола терпела благоговейное давление его руки. Ее

---

[43] Примечания: 43

Непереводимый каламбур, основанный на созвучии слов Queen — королева, и Queen — фамилия Эллери.

плечи действительно были сильными и одновременно мягкими — именно такими, какими им и положено быть. Мистер Квин в пылу научного рвения прижал их посильнее. Она вывернулась, словно чистокровная кобылица, и замерла на диване, залившись пунцовой краской.

— Вот что я скажу вам, — едва разборчиво произнесла Пола в свой платочек. — Я…

Она замолкла, поднялась с дивана, подошла к столику и взяла из коробки папиросу.

— Итак? — коротко напомнил Эллери.

Пола села в кресло-качалку, занявшись папиросой.

— Примерно за час до похищения самолета мне сюда позвонили по телефону и сообщили, что Джека и Блайт собираются украсть.

— Откуда звонили?

— Этого я не могу вам сказать.

— Вы не знаете? — Она не ответила. — Кто звонил? — Эллери вскочил с дивана. — Пола, вы знали, что Джека и Блайт собираются убить?

Глаза ее вспыхнули негодованием:

— Эллери Квин, как вы смеете задавать мне такие гнусные вопросы?

— Вы сами на них напрашиваетесь, — с горечью ответил он. — Пола, все это… очень странно.

Она долго сидела молча. Эллери, как во сне, смотрел на ее шелковистые гладкие волосы с эффектной очаровательной седой прядкой. Это для него хороший урок. Единственное, о чем он не имел ни малейшего понятия в этом мире, были женщины. А сидевшая здесь женщина была исключительно умна и увертлива; он просто не в состоянии был совладать с ней. Эллери повернулся и вторично направился к двери.

— Стойте! — воскликнула Пола. — Погодите. Я… я скажу вам все, что смогу.

— Я жду, — проворчал он.

— О, мне не следовало бы этого делать, но вы так… Пожалуйста, не сердитесь на меня!

Ее необыкновенные глаза излучали такое мягкое, лучистое тепло, что Эллери почувствовал, как понемногу начинает таять. Он торопливо произнес:

— Итак?

— Я знаю, кто звонил… — Она говорила очень тихо, опустив на глаза длинные ресницы. — Я узнала голос…

— Значит, этот тип не назвал себя?

— Не будьте таким умным: я ведь не сказала, что звонил мужчина. Собственно говоря, эта личность назвала свое имя — настоящее, потому

что голос ему соответствовал.

Эллери нахмурился:

— Значит, нет никакого секрета в том, кто вам звонил? Он — или она — не пытались скрыть этого?

— Ни в малейшей степени.

— Так кто же тоща вам звонил?

— К сожалению, не могу вам сказать… — Она вскрикнула в ответ на его протестующий жест. — Неужели вы не понимаете, что я просто не имею права? Это противоречит элементарной журналистской этике. Если я хоть раз выдам своего информатора, то поверяю доверие тысяч людей, поставляющих мне новости!

— Но тут речь идет об убийстве, Пола.

— Я не совершила никакого преступления, — упрямо возразила она. — Мне следовало бы предупредить полицию, но я проверила, откуда был звонок, установила, что звонили из аэропорта, и к тому времени, когда у меня была точная информация, самолет успел улететь, и полиция уже знала о случившемся.

— Из аэропорта… — пробормотал Эллери, прикусив нижнюю губу.

— И кроме того, откуда мне было знать, что все закончится убийством? Мистер Квин… Эллери,

не смотрите на меня так!

— Вы заставляете меня принимать очень многое из сказанного вами на веру. Даже сейчас ваш долг как гражданина рассказать Глюке о звонке и сообщить ему, кто вам звонил.

— В таком случае, — почти прошептала она, — вам придется довольствоваться лишь тем, что я сказала.

— Очень хорошо, — и он в третий раз направился к двери.

— Погодите! Я... Хотите, я дам вам настоящую подсказку?

— Еще одну? — саркастически заметил Эллери.

— Только для ваших ушей. Я этого еще не публиковала.

— Отлично; в чем же она состоит?

— Больше недели тому назад — точнее, тринадцатого, в позапрошлую среду — Джек и Блайт совершили небольшую прогулку на самолете.

— Я этого не знал, — сказал Эллери. — И куда же они летали?

— В имение отца Блайт в Шоколадных горах.

— Я здесь не вижу ничего особенного. Джек и Блайт к тому времени помирились, и вполне естественно, что люди, собиравшиеся пожениться, отправились навестить отца будущей невесты.

— Не говорите, что я вас не предупредила!

Эллери поморщился:

— Вы обладаете даром всеведения, которое меня смущает, Пола. Так кто же отравил Джека и Блайт? *

— Quien sabe?[44]

— И что еще более важно: зачем их отравили?

— О! — пожала она плечами. — Так вот что вас беспокоит?

— Вы мне не ответили.

— Милый мой, — вздохнула Пола. — Я всего лишь одинокая женщина, сидящая взаперти в уединенном доме, и мне известно лишь то, о чем я могу прочитать в газетах. Тем не менее, я начинаю думать… что в состоянии догадаться…

— Догадаться! — с насмешкой наморщил нос Эллери.

— И я также начинаю думать… что и вы в состоянии тоже!

Они оба в строгом молчании смотрели друг на друга. Затем Пола поднялась и протянула ему руку.

— До свидания, Эллери. Заходите как-нибудь еще. Боже, я начинаю выражаться, как Мей

---

[44] Примечания: 44
Кто знает? (*исп.*)

Уэст![45]

Но когда Эллери ушел, на сей раз уже окончательно, Пола долго стояла неподвижно, глядя на закрытые створки дверей и прижимая ладони в пылавшему лицу. Наконец, она вышла в спальню, заперлась там и села перед туалетным столиком, снова глядя перед собой, но теперь уже -в зеркало на свое отражение.

Мей Уэст… «Собственно, а почему нет?» — вызывающе подумала сна. Для этого нужно всего лишь немного храбрости и… определенных природных данных. А он, кажется…

Пола неожиданно вздрогнула всем телом, хотя дрожь началась в той чувствительной точке в области ее плеч, откуда мистер Квин, воодушевленный страстью к науке, начинал свои эксперименты.

---

[45] Примечания: 45
Уэст Мей (1892–1980) — американская актриса.

Глава 11
Карты правду говорят

Мистер Квин, несмотря на то, что он ехал от дома Полы довольный тем, что ему удалось выведать, в душе, тем не менее, ощущал щемящий холодок, предупреждавший его о многом, оставшемся» невысказанным.

Непогрешимость его интуиции подтвердилась немедленно, как только он вошел в офис Жака Бутчера. Чудо-мальчик читал колонку Полы в угрюмом молчании, в то время как Сэм Викс пытался состроить скорбную мину, а Лу Баском провозглашал монолог, хитро рассчитанный на то, чтобы отвлечь грустные мысли Чудо-мальчика.

— Я — точно птица Феникс, — трещал Лу. — Просто удивительно, как я восстаю из собственного пепла! Мы продолжаем осуществлять наш план с картиной, только Бонни и Таю придется дублировать Блайт и Джека, понимаете?..

— Замолкни, Лу, — оборвал его Сэм Викс.

— А вот и наш вдохновитель, — сказал Лу. — Послушай-ка, Квин! Нс думаешь ли ты…

Не отрывая глаз от газеты, Бутч коротко бросил:

— Это невозможно. Во-первых, Бонни и Тай не согласятся, за что я не стану их винить. Во-вторых, контора Хейса[46] не разрешит: история обрела слишком дурную славу. Голливуд всегда был чересчур чувствительным к убийствам.

— Что случилось, Бутч? — встревоженно спросил Эллери.

Бутч поднял на него глаза, и Эллери был поражен, увидев выражение его лица.

— Ничего особенного, — ответил он с неприятной усмешкой. — Просто еще одна маленькая новость от Полы Пэрис.

— О, ты имеешь в виду ту колонку в газете на понедельник?

— Кто говорит о понедельнике? Газета сегодняшняя.

— Сегодняшняя? — Эллери замер с раскрытым ртом.

— Ну да. Пола здесь пишет, будто Тай и Бонни на пути к медовому месяцу.

---

[46] Примечания: 46

Хейс Уилл, Харрисон (1879–1954) — американский юрист, глава Ассоциации кинопродюсеров и кинопрокатчиков Америки, руководил разработкой кодекса (1933), вводившего определенные цензурные ограничения.

— Что?!

— А, не верь тому, о чем пишет эта полоумная, — вмешался Лу, — На-ка, Бутч, лучше выпей!

— Но я только что от Полы, — удивился Эллери, — и она ни словечком не обмолвилась об этом!

— Может быть, — сухо заметил Викс, — она думает, что вы умеете читать?

Бутч пожал плечами.

— Наверное, я должен был когда-нибудь пробудиться от сна. Мне кажется, я все время знал о том, что Бонни и я…

Она сходит с ума по Таю; не будь я таким слепым, я бы давно понял: за всей их пикировкой и перебранкой кроется нечто более значительное и глубокое… — Он усмехнулся и наполнил до краев джином стакан для воды. — Ваше здоровье!

— Это нечестно! — пробормотал Лу. — Она не смеет так поступать с моим другом!

— А они знают, что вам все известно? — коротко спросил Эллери.

— Пожалуй, нет. Да и какая теперь разница!

Где они сейчас?

— Мне только что позвонила Бонни — веселая, точно жаворонок… сравнительно, конечно. Они вдвоем отправляются в клуб «Подкова» играть с Алессандро в полицейских и гангстеров. Желаю

успеха!

Эллери поспешно выбежал из офиса и поймал проезжающее мимо такси.

Он обнаружил ярко-красный родстер[47] Бонни у входа в «Подкову»; внутри заведение было угнетающе пустынно, с единственной уборщицей, оттиравшей с пола следы Дорогих подошв голливудской элиты, и скучающим барменом, безучастно протиравшим пустые стаканы за стойкой.

Бонни и Тай стояли, наклонившись над подковообразным письменным столом в кабинете Алессандро, а сам Алессандро восседал перед ними, выстукивая пальцами по столу какую-то мелодию.

— Сегодня, кажется, у меня с утра черный день, — сухо заметил он, увидев Эллери. — Все в порядке, Джо; эти ребята не носят пулеметов под мышкой. Ладно, выкладывайте! Что у вас на уме?

— Хеллоу, мистер Квин! — оживленно воскликнула Бонни. Она выглядела свежей и очень привлекательной в отлично сидевшем на ней габардиновом костюме и шляпке наподобие

---

[47] Примечания: 47

Автомобиль с открытым двухместным кузовом, складным верхом и откидным задним сидением.

малиново-клубничного пирожного, увенчивавшей копну золотисто-медовых волос; щеки ее разрумянились от возбуждения. — Мы как раз спрашивали мистера Алессандро о тех расписках.

«Значит, им еще ничего не известно», — подумал Эллери. Он усмехнулся:

— Какое совпадение! Я здесь по тому же поводу!

— Вы и инспектор Глюке, — хихикнул маленький толстый хозяин игорного дома. — Ох уж эти мне сыщики! Только он был здесь в понедельник.

— Мне на это наплевать, — прорычал Тай. — Вы подтверждаете, что отец задолжал вам сто десять тысяч долларов?

— Конечно, подтверждаю. Потому что это святая правда.

— Тогда почему его расписки были обнаружены в его кармане?

— Потому что, — безмятежно отпарировал Алессандро, — он расплатился.

— Расплатился, вот как? И когда?

— В четверг четырнадцатого — ровно неделю тому назад.

— И чем же?

— Добротной устойчивой американской валютой. Тысячедолларовыми бумажками.

— Вы лжец!

Человек по имени Джо нахмурился. Но Алессандро рассмеялся.

— Я немало перетерпел от вас, — дружелюбно проговорил он, — от вас и вам подобных, улавливаете? Я мог бы приказать Джо прямо сейчас вздуть вас за такие шуточки, Дойл. Но вы только недавно потеряли своего старика, и поэтому, возможно, немного возбуждены.

— Вы со своими гориллами меня не запугаете!

— Так вы полагаете, будто я каким-то образом связан с этими убийствами? — рявкнул Алессандро. — Предупреждаю вас, Ройл, выбросьте подобную дурь из головы! У меня здесь чистый, легальный бизнес, и неплохая репутация в городе!

Бонни затаила дыхание. Но тут же глаза ее блеснули, и она выхватила из сумочки конверт, швырнув его на стол:

— Может быть, вы сумеете объяснить вот это?

Изумленный Эллери, вытаращив глаза, смотрел, как

Алессандро достал из конверта игральную карту с синей оборотной стороной и уставился

на нее. Одно из таинственных загадочных посланий! Эллери в душе простонал от досады. Он совсем забыл про них! Нет, он явно стареет!

Алессандро пожал плечами:

— Да, карта из клуба. Ну и что?

— А это, — заявил Тай, — мы как раз и собираемся выяснить!

Хозяин игорного заведения покачал головой:

— Пустой номер! Карты могут оказаться у любого. Мы сотнями расходуем их здесь каждую неделю и раздаем дюжины колод в качестве сувениров.

— Полагаю, — поспешно вмешался Эллери, — что Алессандро прав. Мы здесь ничего не узнаем. Пошли отсюда!

Он почти насильно повел их перед собой к выходу прежде, чем они успели выразить протест, и как только все очутились в родстере Бонни, тут же потребовал:

— Бонни, дайте мне конверт!

Бонни вручила ему письмо. Он внимательно осмотрел его и сунул себе в карман.

— Эй, верните мне конверт! Он мне нужен, — заявила Бонни. — Это важная улика!

— О чем вы догадались куда быстрее меня, — сказал Эллери. — Я сохраню конверт, если вы

не возражаете — вместе с остальными, которые благодаря стечению обстоятельств оказались у меня. О, какой же я идиот!

Бонни едва не переехала русскую овчарку, выбежавшую на дорогу.

— Вы! — закричала она. — Так, значит, вы…

— Да-да, — нетерпеливо подтвердил Эллери. — Полагаю, меня следует покрепче обругать за всю мою забывчивость! В студию «Маша», Бонни, пожалуйста!

Тай, который почти не прислушивался, пробормотал:

— Он лжет!

— Что такое?

— Алессандро. У нас есть только его голословные уверения, будто долги по распискам погашены. Предположим, отец отказался платить, или — что более вероятно, — объяснил, почему он просто не в состоянии наскрести такую крупную сумму. Так для Алессандро было бы просто наслаждением поручить одному из своих головорезов сыграть роль подставного пилота и после убийства отца и Блайт сунуть ему в карман порванные расписки!

— Но почему, Тай? — нахмурилась Бонни.

— Потому что он знал, что в любом случае

никогда больше не увидит этих денег. И зная это, жаждал расплаты. А порванные расписки в кармане мертвого отца явятся для полиции свидетельством того, что долга уплачены, и таким образом исключат у них любые подозрения относительно Алессандро.

— Немного чересчур замысловато, — заметил Эллери, — однако вполне допустимо.

— Но даже если и так, — возразила Бонни, — при чем здесь мама? Неужели ты не видишь, Тай, что этот вопрос переворачивает все вверх ногами? Зачем было убивать маму?

— Не знаю, — упрямо ответил Тай. — Я знаю только одно: у отца не было таких денег, и достать он их не мог ниоткуда.

— Кстати, — как бы между прочим проронил Эллери, — известно ли вам, ребята, что Пола Пэрис в сегодняшней колонке намекает, будто вы окончательно помирились?

Бонни медленно изменилась в лице, а Тай растерянно заморгал. Девушка резко подвела машину в тротуару:

— Что вы сказали?

— Не я, а она говорит, что вы находитесь на пути к любви и поцелуям.

На мгновение показалось, будто побледневшая

Бонни готова вот-вот опять впасть в истерику. Но затем ее подбородок решительно поднялся, и она гневно обернулась к Таю:

— А ведь ты обещал!

— Но, Бонни… — начал Тай, все еще моргая.

— Ты — предатель!

— Бонни! Не думаешь же ты, в самом деле…

— Не разговаривай со мной, ты, болтливый негодяй! — с отвращением сказала Бонни.

* * *

Таково было начало этого необычного дня. Каждый из них выглядел исключительно жалко; и когда они приехали в офис Чудо-мальчика, Бонни подошла к нему и демонстративно поцеловала его в губы, затем схватила телефонную трубку и попросила Мэдж соединить ее с Полой Пэрис.

Бутч ошеломленно переводил взгляд с Бонни на Тая; лица у обоих были красные от злости.

— Мисс Пэрис? Говорит Бонни Стьюарт. Мне буквально сию секунду стало известно, что вы с вашей необычной проницательностью узнали, будто Тай Ройл и я собираемся пожениться — или нечто подобное, столь же мерзкое и *лживое*, как эта выдумка!

— Бонни, я не понимаю… — пробормотала

Пола.

— Если вы не хотите предстать перед судом за клевету, будьте любезны немедленно опубликовать опровержение!

— Но, Бонни, у меня был абсолютно достоверный источник…

— Не сомневаюсь. Так вот: я презираю его в той же степени, как и вас, за то, что вы его слушаете!

— Но я не понимаю. Тай Ройл…

— Вы слышали меня, мисс Пэрис! — Бонни швырнула трубку на аппарат и яростно взглянула на Тая.

— Так-так… — протянул Лу, усмехаясь. — Совсем, как в добрые старые времена, слава Всевышнему! Теперь насчет нашей картины…

— Значит, это все неправда? — медленно проговорил Бутчер.

— Разумеется, нет! А что касается этой… презренной личности…

Тай повернулся на каблуках и вышел за дверь. Эллери последовал за ним:

— Так вы ничего не говорили Поле?

— За кого вы меня принимаете?

— Хм -м… Пикантная сцена! — Эллери искоса взглянул на него. — Я бы не удивился, если бы Бонни сама это устроила.

— Что? — взорвался Тай; он замер на месте, словно налетел на кирпичную стену. — А в самом деле, вполне возможно, вы и правы! Теперь я ясно вижу — всю эту затею, направленную на то, чтобы выставить меня на посмешище, как она всегда со мной поступала! Что за гнусная уловка!

— Таковы женщины, — вздохнул Эллери.

— Сперва я подозревал ее проклятую француженку. Она единственная, кто мог подслушать…

— О, так значит, вы в самом деле обнимались, и всякое такое?..

— Н-ну… Но теперь с этим покончено! Окончательно и бесповоротно! Я навсегда покончил с этой маленькой интриганкой и обманщицей!

— Прекрасное решение! — сердечно приветствовал его Эллери. — Мужчина лучше всего себя чувствует, когда он одинок. Куда вы сейчас направляетесь?

— Не знаю… — Они стояли.перед шеренгой небольших каменных изящных домиков. — Странно как-то получилось: здесь отцовская гардеробная и гримерная. Сила привычки, а? — проговорил Тай. — Если не возражаете, Квин, я бы предпочел войти сюда один.

— Ничуть не бывало! — ответил Эллери, беря его под руку. — Из нас обоих сделали дураков, так

что мы обязаны совместно влачить свой позор.

И он вместе с Таем вошел в бунгало Джека Ройла.

И обнаружил ключ к шифру.

* * *

Эллери нашел его случайно, просто потому, что находился в комнате покойника, и ему пришло в голову, что со времени смерти Ройла-старшего никто здесь ничего не трогал. Даже засаленное полотенце с пятнами грима оставалось лежать на гримерном столике по соседству с новенькой портативной пишущей машинкой.

Эллери пошарил немного вокруг, пока Тай, растянувшись на кушетке, каменным взглядом уставился в перламутрово-белый, цвета устричной раковины, потолок, и почти первой его находкой в ящике стола был испачканный и потертый лист обычной желтой писчей бумаги размером в 8,5 на 11 дюймов, чистый с одной стороны, но зато с другой весь заполненный напечатанным на машинке текстом.

Эллери прочел отпечатанный большими буквами подчеркнутый заголовок: «ЗНАЧЕНИЯ КАРТ», и издал вопль, который заставил Тая вскочить на нош.

— Что случилось? В чем дело?

— Нашел! — в восторге кричал Эллери. — Какая колоссальная удача! Карты! Все отпечатано, честь по чести. Благодарю тебя, король Случай! Да, здесь все, до мелочей… Погодите-ка секундочку! Возможно…

Тай, насупившись, молча глядел на лист бумаги. Эллери сорвал футляр с портативной пишущей машинки, покопался в столе, нашел чистый канцелярский бланк, вставил его в каретку и принялся торопливо печатать, время от времени сверяясь с измятым желтым листком. И по мере того, как он печатал, выражение удовлетворения постепенно покидало его лицо, уступая место мрачной задумчивости.

Он встал, запер машинку в футляр, аккуратно спрятал лист бумага в карман, подхватил машинку и произнес тусклым невыразительным голосом:

— Пошли, Тай!

* * *

ЗНАЧЕНИЯ КАРТ

	Бубны	Черви	Трефы	Пики
Семерка	Дальняя дорога	Ревность	Тюрьма	Враг
Шестерка	Остерегайтесь денежного риска	Остерегайтесь скандала	Остерегайтесь чрезмерной работы	Остерегайтесь дурных слухов, злобных сплетен
Пятерка	Известие	Неожиданная встреча	Перемена	Неприятная встреча
Четверка	Бриллиантовое кольцо	Нарушенное обязательство	Секрет	Не связывайтесь с теми, в ком сомневаетесь
Тройка	Ссора по поводу денег	Препятствия на пути к достижению любви	Препятствия на пути к успеху	Препятствия на пути к примирению
Двойка	Неприятности, вызванные обманом	Знакомство	Через два дня или через две недели	Слезы
Туз	Известие	Приглашение	Здоровье	Смерть

	Бубны	Черви	Трефы	Пики
Король	Блондин	Рыжий	Брюнет	Посторонний мужчина
Дама	Блондинка	Рыжая	Брюнетка	Посторонняя женщина
Валет	Вестник	Проповедник	Правонарушитель	Враг
Десятка	Крупная сумма денег	Сюрприз, неожиданность	Игра	Большие неприятности
Девятка	Ссора, влюбленных	Разочарование	Последнее предупреждение	Горе
Восьмерка	Драгоценность	Мысли о браке	Несчастный случай	Грозящая опасность будет предотвращена

(Если карта разорвана пополам, значение ее становится противоположным)

Они нашли Бонни и Чудо-мальчика друг у друга в объятиях. Лицо Бонни все еще оставалось грозным, зато Бутч выглядел отчаянно счастливым. Лу сидел, улыбаясь им обоим, как добродушный сатир.

— Мы принесли новости, — сказал Эллери. — Отцепись от нее, Бутч. Вопрос требует обсуждения.

— В чем дело? — презрительно спросил Лу.

— Во многом. Не знаю, известно ли тебе, Бутч,

но Тай и Бонни в курсе. С некоторых пор до последнего воскресенья Блайт получала анонимные письма.

— Я не знал этого, — медленно проговорил Бутч.

— Что за письма? — нахмурился Лу. — Угрожающие?

— Простые конверты, надписанные печатными буквами, очевидно перьевой ручкой в почтовой конторе, отправленные в Голливуд и содержащие всего лишь игральные карты. — Он достал бумажник и вытряхнул из него тонкую пачку конвертов, перетянутых эластичной лентой. Бутч и Лу недоверчиво покосились на них.

— Клуб «Подкова» — пробормотал Лу.

— Но что они означают? — спросил Бутч. — Бонни, почему ты мне ничего не говорила?

— Я не думала, что это важно.

— Меня следует винить больше. Я таскал эти письма всю дорогу в своем кармане и ни разу не вспомнил о них с прошлого воскресенья. Но сейчас, — с триумфом добавил Эллери, — я нашел ключ к картам!

Он положил на конторку Чудо-мальчика лист желтой бумаги. Лу, Бутч и Бонни прочли его с безразличными лицами.

— Не понимаю, — проговорила Бонни. — Мне это кажется чем-то вроде гадания.

— И предсказывает оно довольно мрачное будущее, — процедил Эллери. — Эта таблица — можете называть ее шифром — объясняет значение каждой карты, посланной по почте. — Он поднял конверты и помахал ими в воздухе. — Первое письмо было отправлено одиннадцатого и доставлено двенадцатого, то есть десять дней тому назад, или за пять дней до убийства. И что же было в конверте? Две игральные карты — валет и семерка пик.

Непроизвольно все склонились над листом желтой бумаги. Значение валета и семерки пик определялось в нем, как «Враг».

— Итак, два врага, — сказал Эллери. — Буквально, как если бы кто написал: «Берегись! Мы оба против тебя!»

— Двое… врагов? — обескураженно проговорила Бонни. В ее глазах, которые она непроизвольно устремила в сторону Тая, явственно читался страх. — Двое!..

— Второй конверт прибыл в пятницу пятнадцатого. И он тоже содержал две карты — десятку пик и двойку треф. Что же они означают?

— «Большие неприятности», — пробормотал

Тай, — Это десятка пик. И «Через два дня или две недели» — это двойка треф.

— Через два дня! — воскликнула Бонни. — Пятница пятнадцатого — а мама была убита в воскресенье семнадцатого!

— А семнадцатого в воскресенье, на аэродроме, — продолжал Эллери, — я видел, как Клотильда принесла третий конверт. Я подобрал его после того, как ваша мать, Бонни, выбросила его вон. Вот он: восьмерка пик, разорванная пополам. Если вы обратитесь к сноске в конце таблицы, то поймете значение карты, разорванной пополам. Следовательно, известие означает — и всею лишь за несколько минут до похищения самолета и до совершения убийства, — что «Грозящая опасность не будет предотвращена»!

— Все это, — сказал Бутчер, — самая глупая бессмыслица, какую я когда-либо слышал. Просто невероятно!

— И тем не менее, вот оно! — пожал плечами Эллери. — А только что Бонни вручила мне последнее сообщение, включившее я себя девятку треф, что означает: «Последнее предупреждение». Вот здесь-то и кроется самое невероятное, Бутч, поскольку «предупреждение» было послано Блайт спустя два дня после ее смерти!

Чудо-мальчик разозлился не на шутку.

— И прежде было черт знает что, но сейчас… Проклятье, как можно серьезно относиться к подобной чепухе? Впрочем, если так надо… Похоже, тот, кто послал это последнее письмо, ничего не знал о смерти Блайт, верно? А поскольку все письма явно дело рук одного и того же человека, то я не вижу здесь никакой связи…

— Комедия, да и только! — ядовито констатировал Лу Бэском. — Явно дурацкие шутки… — Тем не менее, он спросил: — Послушайте, а где вы нашли этот листок?

— В гардеробной Джека Ройла. — Эллери снял крышку с портативной пишущей машинки. — Более того, если вы сравните тест, только что отпечатанной мной на этой машинке, с особенностями текста на желтом листе, то увидите, что маленькие буквы «р» и «г», например, имеют одинаковые характерные дефекты. Одинаковые дефекты… — задумчиво повторил он. Схватив со стола Бутчера увеличительное стекло, служившее прессом для бумаг, Эллери тщательно исследовал сквозь него означенные литеры на ударных рычагах машинки. Так и есть: недавно подпилены напильником! Однако вслух он всего лишь сказал: — Тут нет никаких сомнений. Таб-

лица, определяющая значения игральных карт, отпечатана на машинке Джека Ройла. Машинка ведь принадлежала вашему отцу, Тай?

— Да, — сказал Тай и отвернулся. — Да, разумеется!

— Так значит, Джек?.. — удивленно протянул Бутчер.

— Да бросьте вы! — засмеялся Лу. — Зачем бы Джек стал играть в такие дурацкие игры? — Однако смех его прозвучал как-то неестественно. Он с тревогой покосился на Бонни.

— На пишущей машинке Джека Ройла… — Голос Бонни осекся, словно у нее перехватило горло. — Вы в этом уверены?

— Абсолютно. Поврежденные литеры в данном случае столь же убедительны, как отпечатки пальцев.

— Тай Ройл, ты слышал? — спросила Бонни, обращаясь к его спине и яростно сверкая глазами. — Ты слышал?

— Чего тебе от меня надо? — спросил Тай, не оборачиваясь.

— Чего мне надо? — закричала Бонни. — Мне надо, чтобы ты повернулся и посмотрел мне в глаза! Твой отец напечатал эту таблицу — твой отец посылал конверты с игральными картами

моей матери — твой отец убил мою мать!

Тай с угрюмым лицом резко обернулся, готовый к защите и нападению:

— У тебя, очевидно, снова истерика, иначе ты бы поняла всю несусветную глупость подобного обвинения!

— Вот как? — вспылила Бонни. — Я знала, что в его раскаянии, в его предложении маме выйти за него замуж спустя столько лет обоюдной ненависти было нечто странное! Теперь я знаю, что Джек Ройл все время лгал, играя свою роль, — да, Лу, ужасную роль! — притворяясь до той поры, когда он… замыслил убить ее! Обручение, свадьба — все было ловушкой! Он нанял кого-то, чтобы симулировать похищение, и затем отравил маму своими подлыми руками!

— И себя тоже, я полагаю? — спросил взбешенный Тай.

— Да, потому что когда он понял, какой страшный поступок он совершил, у него возник первый за всю его жизнь честный порыв, и он покончил с собой!

— Я не собираюсь драться с тобой, Бонни, — глухо проговорил Тай.

— Враги… Два врага! Конечно, почему бы и нет? Ты и твой отец! Вчерашняя очаровательная

любовная сцена… о, ты тоже считаешь себя очень умным! Ты знаешь, что он убил мою маму, и пытаешься прикрыть его! Скорее всего, ты даже помогал ему продумать свой план — ты, убийца!

Тай стиснул кулаки и медленно разжал их. Он потер тыльную сторону ладони, словно она чесалась или болела. Затем, не говоря ни слова, он повернулся и вышел из офиса.

Бонни, вся в слезах, упала в объятия Бутчера.

* * *

Однако позже, когда Бонни вернулась домой, поднялась наверх в свою комнату и не раздеваясь упала на кровать, в самом дальнем и темном уголке ее разламывающейся от боли головы зашевелилось сомнение: а так ли все было? Могло ли все происходить именно так? Притворился ли Тай вчера, когда уверял, что любит ее? Подозрения были страшными. Все факты свидетельствовали против него. Кто мог рассказать Поле Пэрис об их примирении? Только Тай. И это после того, как она умоляла его не выдавать пока их секрет!

А потом находка таблицы со значением карт… Нет, долгие и долгие годы ненависти невозможно стереть тремя короткими словами, как бы приятно они ни звучали!

О, Тай, ты — чудовище!

Бонни оставалась в своей комнате, запершись от всего мира, обессиленная, больная и опустошенная. Ночь тянулась медленно и казалась бесконечной, заполненной таким множеством теней, что в три часа утра, злая на разгулявшиеся нервы и содрогаясь от постоянно посещавших ее жутких мыслей, она встала и зажгла свет везде, где только могла. За всю ночь она так и не сомкнула глаз.

В восемь Бонни впустила обезумевшую Клотильду:

— О, Бонни, ты сделаешь себя больной! Смотри, я принесла p'tit déjeuner. Galettes et marmelade[48]…

— Нет, спасибо, Тильда, — устало проговорила Бонни. — Письма были?

Она углубилась в разборку почтовых конвертов, грудой лежавших на подносе. «Дорогая Бонни Стьюарт! Мое сердце стремится в Вам в Вашей печали, и я хочу сказать, как я Вам сочувствую…» Слова. Почему люди не могут оставить ее в покое? И в то же время, как-то невежливо так относится к состраданию… Ведь все они такие милые, так любили Блайт, так…

---

[48] Примечания: 48
Маленький завтрак. Печенье с мармеладом (*фр.*)

Сердце замерло.

На подносе лежал конверт — ужасно знакомый конверт… Она трясущимися пальцами надорвала уголок — но нет, этого не может быть! Адрес на конверте напечатан на машинке, довольно небрежно. Но сам конверт, штемпель Голливуда…

Синяя игральная карта выпала из конверта. Семерка пик.

Больше ничего.

Клотильда, раскрыв рот от удивления, уставилась на нее:

— Mais chérie, il semble que tu[49]…

— Иди, Тильда, — выдохнула, Бонни.

Семерка пик. Опять… «Враг»…

Бонни отбросила конверт и карту, словно они были чем-то отвратительным, мерзким и грязным. И впервые в жизни, свернувшись клубком на своей развороченной постели под встревоженными взглядами Клотильды, она почувствовала тошнотворную слабость от охватившего ее страха.

Враг. Тай… Тай был ее единственным врагом.

---

[49] Примечания: 49

Но, дорогая, это похоже на те, которые ты… (*фр.*)

* * *

Прежде чем Эллери покинул территорию киностудии «Магна», он по наитию, захватив с собой пишущую машинку Джека Ройла, отправился к ряду каменных бунгало, где находились гардеробные и уборные кинозвезд, и проник в туалетную комнату Блайт Стьюарт.

И здесь Эллери, как он почти что ожидал, обнаружил напечатанную под копирку копию желтого листа со «Значением карт», спрятанную от посторонних глаз в ящике гримерного столика.

Итак, Блайт Стьюарт был известен смысл получаемых ею посланий? Эллери не сомневался, что слишком безразличное отношение ее к странным письмам скрывало тревожное знание.

Он выскользнул на улицу и направился к ближайшему телефону-автомату.

— Пола? Эллери Квин.

— Очень приятно! И к тому же так скоро! — Судя по голосу, звонок Эллери ее действительно обрадовал.

— Я думаю, — отрывисто бросил в трубку Эллери, — совершенно бесполезно спрашивать у вас, откуда вы узнали про Тая и Бонни?

— Совершенно бесполезно, сэр Сыщик!

— Полагаю, что здесь не обошлось без Клотильды — больше просто некому. Вот вам и верная прислуга!

— Вам ничего не удастся выкачать из меня, мой дорогой мистер Квин! — сказала она, однако по ее слегка настороженному тону Эллери понял, что угадал.

— Эх, почему же вы не сказали мне об этом утром, когда я был у вас? Впрочем, речь теперь о другом. Пола, поверили бы вы, что Джек Ройл убил Блайт Стьюарт — что его раскаяние, обручение, свадьба были лишь частью тщательно продуманного зловещего замысла, направленного на то, чтобы отомстить ей?

— Я бы сказала, — сухо ответила Пола, — что настолько глупую версию об этом преступлении я еще не слышала. Джек никак не мог… Версия принадлежит вам?

— Нет, Бонни Стьюарт.

— О! — вздохнула она. — Бедная девочка выдала мне по телефону «Держись, Колумбия!»[50] несколько минут тому назад. Конечно, публиковать такую новость сразу после похорон было не

---

[50] Примечания: 50

Бравурный марш американских пехотинцев.

очень-то порядочно. Но ведь такова специфика газетного дела. Нельзя быть профессиональным репортером и непогрешимым моралистом одновременно.

— Послушайте, Пола. Не согласитесь ли вы сделать величайшее одолжение? Напечатайте опровержение, которое потребовала от вас Бонни. Прямо сейчас.

— Зачем? — В голосе ее сразу зазвучало любопытство.

— Потому что я прошу вас об этом.

— Ох! Ну и настырный же вы!

— Отбросим в данном случае личные качества. Дело жизненно важное. Понимаете значение этого слова? Пола, вы должны! Вернитесь к их прежним отношениям — к их неутомимой вражде с самого детства, к тому, как они ненавидят друг друга, как смерть родителей еще более оттолкнула их. Подбросьте побольше сочных эпитетов. Держите их в постоянной драке!

— Но почему вы хотите разлучить этих двух несчастных запутавшихся детей? — медленно спросила Пола.

— Потому что, — ответил Эллери, — они любят друг друга.

— Блестящая логика! Или вы противник бра-

ков, явившийся со своей миссией в этот грешный мир? Держать их врозь, потому что они любят друг друга! Зачем?

— Потому что для них, — мрачно заявил Эллери, — любить друг друга очень и очень опасно.

— О! — Помолчав, Пола с чувством добавила: — Разве только для них? — и повесила трубку.

Часть третья

Глава 12
Объединенная компания международных почтовых пересылок

Эллери, Сэм Викс и Лу Бэском завтракали в пятницу утром в кафе у снабженцев компании «Маша», когда вошел Алан Кларк, уселся рядом с ними на табурет и потребовал у пожилой официантки за прилавком:

— Кофе, красотка!

— О, Алан!

— Я здесь. Чего тебе надо?

— Меня просто интересует, — сказал Эллери, — каков теперь мой официальный статус в студии?

— Статус? — удивился агент. — Что ты имеешь в виду? Ты же числишься в платежной ведомости, разве не так?

— У его совести очередной приступ, — усмехнулся Лу. — Никогда в жизни не видел такого добродетельного парня! Как та маленькая стенографисточка, с которой у меня было свидание вчера вечером. Я говорю ей…

— Я понимаю, — возразил Эллери. — Но меня наняли для работы над картиной о Ройлах и

Стьюартах, а никакой картины больше нет!

— Ах, какое несчастье! — сказал Кларк, сокрушенно качая головой над чашкой кофе. — Мое сердце разрывается на части от жалости!

— Но все же, что я должен делать, Алан? Ведь я получаю, как-никак, пятнадцать сотен в неделю!

Трое мужчин одновременно сочувственно покачали головами.

— Он получает пятнадцать сотен в неделю! — сокрушенно произнес Сэм Викс. — Вот что я называю вопиющим позором!

— Послушай, Квин, — вздохнул агент. — Разве твоя вина, что Ройл и Блайт Стьюарт отправились к праотцам?

— Не вижу, как одно связано с другим?

— Да ты на чьей стороне, в конце концов, — труда или капитала? — осведомился Лу. — У нас, эксплуатируемых писателей, тоже есть определенные права!

— Твой контракт, позволю заметить, — скромно сказал Кларк, — был составлен не просто так. У тебя здесь есть твой верный старый Алан, который постоянно печется о твоих интересах. Ты подписал контракт на работу над фильмом о Ройлах и Стьюартах, однако в этом бессмертном документе ни слова нет об убийствах.

— В тот-то и дело: фильм никогда не будет снят. Бутч объявил о его исключении из плана студии только сегодня утром.

— Ну и что? В твоем контракте есть пункт о восьминедельной гарантии. Поэтому, будет ли фильм, или не будет фильма, но ты останешься здесь, пока не получишь жалование за восемь недель. Или, грубо говоря, пока не положишь на свой счет двенадцать тысяч долларов.

— Так нечестно, — промямлил Эллери.

— Но такова жизнь, — возразил Кларк, вставая со стула. — Ну, теперь выбрось все это из головы. Стыдиться получать жалование! Слышал ли кто-нибудь о подобном?

— Но как же я смогу получать деньги, ничего не делая? Не могу же я просто сидеть здесь…

— Он не может просто сидеть здесь! — возмутился Лу. — Послушай, стыдливая кокетка, да я сижу здесь за куда меньшую сумму, чем пятнадцать тысяч долларов в неделю!

— И я тоже, — подхватил специалист по рекламе.

— Оправдай свое жалование сыскной деятельностью, — предложил Кларк. — Ведь ты же детектив, не так ли?

— Мне бы хоть немного пощипать от твоей

капусты, — пробормотал Лу в стакан со смесью томатного сока с сырым яйцом. — Кроме шуток, Квин — как насчет пары сотен до пятницы?

— Ну, я больше ничем не могу быть полезен, — заторопился агент. — Надо бежать поругаться с продюсером: он буквально без ножа режет одного из лучших моих клиентов!

— Всего лишь до следующей пятницы, — повторил Лу, когда Кларк ушел.

— Если вы позволите этому пирату заморочить вам голову, — проворчал Сэм Викс, — то будете большим дураком, чем пытаетесь казаться. До следующей пятницы! А что случилось с нынешней пятницей? Ведь ты сегодня получил жалованье, ты, толстый проходимец!

— Кто тебя просил соваться? — вспылил Лу. — Ты же знаешь, что я коплю деньги на старость. Собираюсь завести цыплячью ферму.

— Ты имеешь в виду цыплят, что кудахчут «Папочка»? — осклабился Викс. — Он копит деньги на старость! Да ты никогда не доживешь до старости! Если, конечно, у тебя не хромированный желудок.

— Как бы то ни было, я первый познакомился с ним!

— А вот это, — сказал специалист по рекламе,

— была большая неудача… для него! Ладно, я пошел. Я работаю за мое скудное содержание.

— Кстати, Сэм, — рассеянно спросил его Эллери. — Я давно хотел узнать: где вы были в прошлое воскресенье?

— Я? — удивился одноглазый рекламный агент. — На острове Рид, занимался приготовлением к свадебному приему.

— Я знаю, но когда я позвонил на остров после похищения самолета в воскресенье, мне сказали, что вас там нет.

Викс покосился на него сверху вниз:

— Какого черта — или вы всерьез решили принять предложение Кларка?

— Да нет, — засмеялся Эллери. — Я не хотел вас задеть. Просто решил спросить, прежде чем это сделает Глюке.

— Послушайтесь доброго совета и оставьте такого рода расспросы. Они очень вредны для здоровья!

И Викс зашагал прочь с дрожащей от негодования черной повязкой на глазу.

— Что это с ним? — пробормотал Эллери, протягивая официантке пустую чашку для очередной порции кофе.

— Кое-кто от рождения не любит клубничное

варенье, — хихикнул Лу, — а другие ужасно злятся, когда им всласть не наедятся! У Сэма слабость в том, что ему не нравится быть подозреваемым в убийстве. И дважды не нравится, если убийство двойное.

— Так что, нельзя уж и задать совершенно невинный вопрос?

— Вот именно, — сухо сказал Лу. — Очень скоро ты и мне тоже начнешь задавать невинные вопросы. Наподобие такого: «Это точно ты стоял рядом со мной, когда замаскированный тип украл самолет Тая?»

— Что ж, не всегда можно верить своим глазам, — с улыбкой заметил Эллери.

— Конечно, нет. Это мог быть мой брат-близнец.

— А у тебя есть брат-близнец? — насторожился Эллери.

— Знаешь, почему ты мне нравишься? — вздохнул Лу. — Потому что ты так легко ловишься на подначку. Разумеется, нет у меня никакого брата-близнеца!

— Я мог бы сообразить, что наш общий Творец не станет повторять дважды такую крупную ошибку. — абсолютно серьезно произнес Эллери. — О, Тай! Идите сюда и присоединяйтесь к наше-

му завтраку.

Тай Ройл, свежевыбритый, но выглядевший так, словно провел весьма беспокойную ночь, приблизился к ним.

— Спасибо, я уже завтракал. Квин, мне надо с вами поговорить.

— Да?

Тай занял табурет, освобожденный Сэмом Виксом, поставил локоть на прилавок и запустил пальцы в свою густую шевелюру.

— Ладно, ладно, — проворчал Лу, поднимаясь. — Я пойму без мизансцены, что пора покинуть сцену!

— Не уходи, Лу, — устало сказал Тай. — Возможно, ты тоже сумеешь помочь.

Эллери и Лу переглянулись.

— Конечно, сынок, — сказал Лу, вновь усаживаясь на табурет. — Что у тебя на уме?

— Бонни.

— О! — вздохнул Эллери.

— Что она еще выкинула? — сочувственно спросил Лу.

— Да все те же дурацкие подозрения, — Тай рассеянно, крутил в пальцах пустую кофейную чашку Сэма Викса. — Ее вчерашнее заявление, будто отец стоит за … ну, за этим преступлением.

Я целую ночь не спал, обдумывая все снова и снова. Сначала я был зол, как черт. Но потом я кое-что узнал и про себя.

— Вот как? — нахмурясь, сказал Эллери.

— Что-то случилось со мной. Со среды. Я больше не чувствую себя так, как прежде, по отношению к ней. Собственно говоря, я чувствую… совсем наоборот… — Он стукнул чашкой по прилавку. — А, что за смысл дольше бороться с с собой! Я люблю ее!

— Ты не заболел? — поинтересовался Лу.

— Бесполезно, Лу. На сей раз я действительно влип окончательно.

— Со всеми шпильками и скандалами, которые вы постоянно устраивали друг другу?

Тай смущенно улыбнулся:

— Это почти дословно то, что я говорил отцу, когда узнал о его решении обручиться с Блайт.

— Да, — пробормотал Эллери, — история имеет поразительное свойство повторяться. — Он незаметно бросил на Лу предостерегающий взгляд, и тот понимающе кивнул.

— Видишь ли, парень, здесь все дело в климате и в твоем воображении, — отеческим тоном заговорил Лу. — Смерть Джека как бы вышибла тебя из колеи, и ты знаешь, что творит наше жаркое

солнце с молодыми козлятами. Послушай старого дядюшку Лу. Эта любовная дурь ничего, кроме хлопот, тебе не принесет. Возьми, например, меня. Ты же ни разу не видел, чтобы я с умильными глазками увивался вокруг какой-нибудь одной дамочки, верно? Господи, да с твоей внешностью я бы заткнул за пояс самого Казанову[51], который выглядел бы, как кузен Хайрем, решившийся на первое свидание со вдовой из колледжа!

Тай покачал головой:

— Не выйдет, Лу. Мне не нужен никто, кроме Бонни. А с тем, о чем ты говоришь, покончено навсегда!

— Что ж, — пожал плечами Лу, — в таком случае можешь заказывать себе похороны. Не говори, будто я тебя не предупреждал!

— Видишь ли, Лу… — Тай казался смущенным и растерянным. — У тебя с Бонни довольно тесные взаимоотношения… то есть, я хочу сказать… Я подумал, не мог бы ты потолковать с ней обо мне?

Эллери энергично потряс головой за спиной Тая.

— Кто, я? — возмущенно спросил Лу. — Ты что,

---

[51] Примечания: 51

Казанова Джованни Джакомо (1725–1798) — итальянский писатель, поведавший в «Мемуарах» о своих многочисленных любовных приключениях.

хочешь сделать меня соучастником' преступления? Нет, ничего подобного на свою совесть я не возьму. Я не Джон Олден[52]. Сам занимайся своими ухаживаниями!

— А как вы, Квин? Бонни убеждена, что отец… ну, вы слышали ее вчера. Кто-то должен же растолковать ей, насколько она неправа! Меня она и слушать не захочет.

— Почему бы вам немного не повременить? — беспечно предложил Эллери, не склонный драматизировать ситуацию. — Дайте ей возможность слегка поостыть. Со временем она сама поймет, наверное, что ошибалась.

— Конечно, зачем спешить? Пусть девочка сориентируется самостоятельно, — сказал Лу. — К тому же, есть еще и Бутч…

Тай долго молчал. Затем он вздохнул и пожал плечами.

— Да, Бутч… — сказал он. — Может быть, вы и правы… ведь прошло меньше недели с тех пор…

Кассир за стойкой окликнул Эллери:

— Мистер Квин, вас просят к телефону!

---

[52] Примечания: 52

Олден Джон (ок. 1599–1687) — один из первых переселенцев-пуритан, прибывших из Англии в Северную Америку в 1620 г. на корабле «Мейфлауэр»; здесь, очевидно, как образец благородного самопожертвования.

Эллери извинился и подошел к аппарату.

— Хеллоу... мистер Квин? Говорит Бонни Стьюарт.

— О! — сказал Эллери. — Да? — Он покосился на Тая, который мрачно выслушивал разглагольствования энергично жестикулировавшего Лу.

— Мне нужно вам кое-что показать, — странным тоном проговорила в трубку Бонни. — Это... пришло сегодня утром.

— Ага, понимаю, — Эллери понизил голос: — Как насчет того, чтобы встретиться за ланчем?

— А сейчас вы не можете приехать?

— К сожалению, у меня сейчас исключительно важное дело. Скажем, в «Дерби» на Вайн-стрит в час дня?

— Я приду, — коротко ответила Бонни и повесила трубку.

Эллери вернулся к столику. Тай прервал Лу на середине фразы:

— Все равно, мы должны сделать это не откладывая!

— Вы о чем? — поинтересовался Эллери.

— Я подумал о тех анонимных письмах. По-моему, надо рассказать о них инспектору Глюке.

— Да глупости все это! — насмешливо поморщился Лу. — Никто, кроме явного психопата, не

станет посылать карты мертвой даме!

Эллери закурил сигарету.

— Какое совпадение! Я только что обдумывал эту проблему, и мне кажется, выработал весьма практическую теорию.

— Выходит, вы сообразительнее меня, — хмуро заметил Тай.

— Видите ли, из того странного факта, о котором только что упомянул Лу, — я имею в виду письмо мертвой женщине, — можно извлечь лишь два более или менее правдоподобных заключения. О, разумеется, не исключена и возможность того, что отправитель не знал о смерти Блайт, хоть это, согласитесь, уж совсем невероятно: Сэм Викс и джентльмены из газетных компаний постарались, чтобы подобного не произошло.

— Может быть, наш приятель не умеет читать? — высказал предположение Лу.

— И одновременно глух, как тетерев? В наши дни, когда на каждом углу слышишь передачи новостей по радио, отсутствие информации невозможно объяснить неграмотностью. Нет, ответ здесь должен быть другой.

— Ты что, шуток не понимаешь? — неодобрительно проворчал Лу.

— Мне кажется, оба вывода включают в себя

ответы на все вопросы. Первый — вполне естественный и очевидный вывод, который ты уже высказал, Лу: отправитель психически больной. Конверты, карты, — вся эта глупейшая детская игра свидетельствует об умственном расстройстве. И вполне убедительно, что подобный психопат может посылать свои письма адресату даже после его смерти, не видя в том ничего неразумного.

— Что ж, таково мое предположение, — сказал Лу.

— А у меня все же такое чувство, — задумчиво сказал Тай, — что если отправитель конвертов с игральными картами, возможно, и тронулся слегка, то он, однако, не совсем сумасшедший.

— И это чувство, — подхватил Эллери, — я полностью разделяю. А коль скоро он в здравом уме, то возникает другой вывод.

— Какой же? — поинтересовался Лу.

Эллери встал с табурета и расплатился по чеку.

— Я собираюсь посвятить сегодняшнее утро, — с улыбкой сказал он, — небольшому расследованию, которое либо подтвердит, либо опровергнет мою теорию. Не хотите ли присоединиться ко мне, джентльмены?

* * *

Пока озадаченные Тай и Лу ожидали в недоумении, Эллери одолжил у кассира адресную книгу Лос-Анджелеса и провел десять минут, листая ее страницы.

— Не повезло, — сказал он, нахмурясь. — Попробую в справочной.

Он заперся в телефонной будке и через пять минут вышел оттуда, весьма довольный:

— Проще, чем я ожидал. Нам предстоит сделать один выстрел вслепую — слава Всевышнему, что не дюжину!

— Дюжину чего? — переспросил Тай.

— Выстрелов вслепую, — объяснил Лу. — Видишь, как все просто?

Тай по указанию Эллери направил свой открытый спортивный родстер по Мелроуз-стрит, Вайн-стрит, бульвару Сансет, затем на запад до бульвара Уилкокса. Здесь, между Селма-авеню и Голливудским бульваром, Эллери выскочил и взбежал по ступенькам в новое, очевидно, недавно открытое, почтовое отделение.

Тай и Лу переглянулись.

— Ты меня правильно понял, — сказал Лу. — Наверное, это новый способ поисков сокровищ.

Эллери отсутствовал пятнадцать минут.

— Почтмейстер, — весело объявил он, — на все вопросы отвечает отрицательно. Да я особенно и не надеялся!

— Значит, ничего не вышло? — встревожился Тай.

— Наоборот! Посещение голливудского почтмейстера было лишь мерой предосторожности. Разворачивайтесь к Голливудскому бульвару, Тай. По-моему, наша цель находится где-то между Вайн-стрит и Арджайл-авеню.

Благодаря какому-то чуду они отыскали свободное место для стоянки поблизости от самого оживленного делового центра Голливуда.

— И что теперь? — спросил Лу.

— А теперь посмотрим. Вот этот дом. Пошли.

Эллери повел их через улицу к конторского типа зданию, расположенному напротив банка и театра. Справившись по указателю в вестибюле, он удовлетворенно кивнул и направился к лифту. Лу и Дай покорно следовали за ним.

— Третий, — сказал Эллери, войдя в кабину лифта.

Они вышли на третьем этаже. Эллери осторожно огляделся по сторонам и достал из кармана кожаный бумажник. Из бумажника он вынул

некий блестящий предмет, после чего вернул бумажник в карман.

— Идея такая, — сказал он. — Я — представитель лос-анджелесского департамента полиции, вы оба — мои помощники. Если нам не удастся напустить на себя достаточно внушительный вид, мы не сумеем получить нужную мне информацию.

— А каким образом вы собираетесь заставить всех поверить, что ваш внушительный вид — не липа? — со слабой усмешкой поинтересовался Тай.

— Помните дело «Огипи»? Я имел кое-какую, причастность к его раскрытию, и вот это, — он протянул ладонь, — знак благодарности от вашего pueblo[53], в том числе от инспектора Глюке. Жетон почетного полицейского! Постарайтесь выглядеть построже, вы оба, и держите язык за зубами!

Он прошествовал по коридору к двери с матовым стеклом, на котором было выведено черными буквами:

ОБЪЕДИНЕННАЯ КОМПАНИЯ

МЕЖДУНАРОДНЫХ

---

[53] Примечания: 53
Поселения, города (*исп.*).

ПОЧТОВЫХ ПЕРЕСЫЛОК

Т. Х. Луси

Лос-Анджелесское отделение

Контора представляла собой крохотную комнатку с единственным тусклым окном, поцарапанным стеллажом для бумаг, картотекой, телефоном, захламленным письменным столом и запыленным стулом. На стуле сидел унылого вида мужчина лет сорока с реденькими волосами, аккуратно зачесанными на гладком черепе. Он мрачно сосал длинный леденец, погрузившись в чтение потрепанного экземпляра «Невыдуманных убийств».

— Вы Луси? — строго спросил Эллери, глубоко засунув руки в карманы.

Леденец воинственно наклонился, словно копье, взятое наперевес, и мистер Луси резко обернулся. Его рыбьи глаза с любопытством уставились на лица вошедших.

— Да. Ну и что?

Эллери вынул руку из правого кармана, раскрыл кулак, позволив пыльному солнечному лучу коснуться на мгновение золотой полицейской эмблемы в его ладони, и вернул жетон снова в карман.

— Главное управление, — буркнул он. — Нам надо задать вам пару вопросов.

— А, шпики! — Мужчина извлек леденец изо рта. — Идите удить свою рыбку куда-нибудь в другое место. Я ни в чем не виноват!

— Полегче, приятель! Чем занимается ваша контора?

— Послушайте, вы что думаете, здесь вам Россия, да? — Мистер Луси в сердцах хлопнул своим журналом по столу и поднялся со стула, олицетворяя собой возмущенное американское достоинство. — У нас здесь законное предприятие, мистер, и вы не имеете права устраивать мне допросы по этому поводу! А вы, — добавил он подозрительно, — случайно не от федеральных властей?

Эллери, не ожидавший столь упорного сопротивления, ощутил некоторую растерянность. Но когда он услышал сзади ехидный смешок Лу Бэскома, мышцы его спины напряглись:

— Будем говорить здесь, или нам придется отвезти вас в Управление?

Мистер Луси напустил на себя задумчивое выражение. Наконец, он опять решительно сунул в рот свой леденец.

— Ладно, — проворчал он. — Хоть я и не по-

нимаю, зачем вы мне морочите голову. Я всего лишь агент нашей компании. Почему бы вам не связаться с -генеральным директором? Наша главная контора находится…

— Наплевать мне на главную контору! Я спросил: чем вы здесь занимаетесь?

— Мы принимаем поручения от людей отправлять письма, посылки, поздравительные открытки — любую корреспонденцию — из указанного места к указанной дате. — Он ткнул большим пальцем в медную таблицу на стене с затейливо вырезанной надписью: «Куда, когда и откуда угодно!». — Вот наш девиз!

— Другими словами, я могу оставить вам дюжину писем, и вы назавтра отправите одно из Пасадены, следующее через неделю из Вашингтона и так далее, согласно моим инструкциям?

— Вот именно. У нас имеются отделения во всех городах. Но что у вас за приемчики? У ГПУ научились? Или Конгресс новый закон выпустил?

Эллери швырнул на конторку один из конвертов:

— Вы отправляли это письмо?

Человек за конторкой взглянул на конверт, озадаченно сдвинув брови. Эллери наблюдал за ним, с трудом пытаясь сохранить на лице невозмути-

мое выражение профессионального детектива. За спиной у себя он слышал сдавленное дыхание Тая и Лу.

— Ясное дело, — сказал наконец мистер Луси. — Отправили его •— дай Бог памяти — во вторник. Да, конечно: во вторник вечером? Ну и что?

Эллери почувствовал законную гордость собой. Его спутники были восхищены.

— Ну и что? — строго спросил Эллери. — А вы посмотрите на имя и адрес, Луси!

Леденец мистера Луси снова занял воинственную позицию, когда его владелец важно задрал нос перед назойливым полицейским; но он взглянул на: конверт, и рот его непроизвольно раскрылся, а леденец рухнул, точно подрубленный снарядом флагшток, и вывалился на конторку.

— Б-блайт Стьюарт! — заикаясь, проговорил он. Его вызывающе-независимые манеры мгновенно сменилась раболепно-заискивающими. — Понимаете, офицер, я не обратил внимания… я не заметил…

— Значит, вы и другое тоже отправляли, верно?

— Да, сэр, отправляли. — Мистер Луга начал проявлять признаки пылкой заинтересованно-

сти. — Как же, сэр, я только что вспомнил — да-да, вот только что, когда вы показали мне конверт, и я прочел имя, хотя оно и не было зарегистрировано… Я хочу сказать, что узнал его, так как оно показалось мне знакомым…

— Разве вы не читаете фамилии и адреса на корреспонденции, когда заключаете контракт на пересылку?

— Мы не заключаем контрактов. То есть, я не заключаю. Я хочу сказать: к чему их заключать? Нам вручают почтовые отправления, и мы их посылаем. Послушайте, офицер, приходилось ли вам изо дня в день заниматься одним и тем же в течение многих лет? Поверьте мне, я ничего не знаю об этих убийствах. Ей-Богу, я не виноват! У меня жена и трое детей. Нам просто приносят корреспонденцию для отправки, понимаете? Видите ли, некоторые дельцы стараются пустить пыль в глаза своим клиентам — ну, делают вид. будто у них имеются отделения во многих городах, — вот они и пользуются нашими услугами…

— Или мужья, которые должны находится в одном городе, а в действительности пребывают совсем в другом, — добавил Эллери. — Конечно, я понимаю. Ладно, не рвите на себе рубаху, мистер Луси; никто не собирается обвинять вас в при-

частности к этому делу. Мы хотим от вас только сотрудничества.

— Сотрудничества? Я готов; я весь к вашим услугам, офицер!

— Расскажите мне все, что вам известно об этом поручении. Вы ведь ведете регистрацию заказов?

Мистер Луси промокнул носовым платком выступившую на лбу испарину.

— Да, сэр, — смиренно произнес он. — Погодите минуточку, я сейчас посмотрю.

Все трое украдкой переглянулись, когда Луси склонился над картотекой, затем выжидающе уставились на него.

— Кто именно сделал заказ, мистер Луси? — с деланным безразличием спросил Эллери. — Как зовут этого вашего клиента?

— По-моему… — проговорил Луси, с покрасневшим лицом копавшийся в картотеке. — По-моему… кажется. Смит.

— Ага, — сказал Эллери, услышав сзади приглушенное проклятье Тая, — А как этот Смит выглядел?

— Не знаю, — ответил запыхавшийся Луси. — Он не приходил сюда лично, насколько я припоминаю; прислал пачку писем в общем пакете с

запиской внутри и с пятидолларовой бумажкой. Вот, нашел!

Он выпрямился, торжествующе размахивая большим пакетом из плотной бумага с надписью, сделанной от руки: «Эгберт Л.Смит».

Эллери схватил пакет, бросил быстрый взгляд на его содержимое, закрыл его и сунул себе под мышку.

— Но он ведь все еще числится, как незавершенный заказ, — запротестовал Луси. — Там еще одно письмо, которое надо отправить!

— Блайт Стьюарт оно больше не понадобится. Есть у вас еще какая-нибудь корреспонденция от этого Смита?

— Нет, сэр.

— Он ни разу не звонил, не являлся сюда лично?

— Нет, сэр.

— Ладно, Луси, вы нам очень помогли. Держите язык на привязи по поводу всего этого дела. Понятно?

— Да, сэр, — ревностно отозвался мистер Луси.

— И если Смит снова напишет или позвонит, или явится сюда, вот вам телефон, но которому вы сможете меня найти, — Эллери нацарапал свое имя и номер телефона на детективном жур-

нальчике мистера Луси. — Пошли, ребята!

Последнее, что он увидел, прежде чем закрыть дверь, была озадаченная фигура мистера Луси, растерянно наклонившегося за своим упавшим леденцом.

Глава 13
Мистер Квин — логик

Все трое поспешно скрылись за углом и помчались по Вайн-стрит. Только благополучно очутившись в отдельной кабинке ресторанчика «Браун Дерби», они вздохнули с облегчением и посмотрели друг на друга.

Лу чуть не свалился со стула от смеха.

— Хотел бы я видеть физиономию Глюке, когда он про это узнает! — хохотал он, вытирая выступившие на глаза слезы. — Тот прохиндей за конторкой не будет помалкивать — держи карман шире! Он тут же разболтает все жене, друзьям и подружкам! Бьюсь об заклад. он уже сейчас висит на телефоне!

— Мне придется все-таки поставить Глюке в известность, — виновато проговорил Эллери. — Он ведь даже не знает еще о существовании этих писем.

— Ради Бога, Квин! — взмолился Тай. — Что там, в пакете?

Эллери вынул из пакета исписанный листок фирменного бланка с грифом Объединенной

компании международных почтовых пересылок, и запечатанный конверт, адресованный Блайт Стьюарт теми же корявыми прописными буквами, нацарапанными тем же испорченным пером и теми же блеклыми синими чернилами, что и его предшественники. К конверту была канцелярской скрепкой приколота отпечатанная на машинке памятная записка, содержащая перечень календарных дат.

— Письмо мистера Эгберта Л.Смита, — сказал Эллери, внимательно осмотрев записку со всех сторон; затем он передал ее Таю.

Тай поспешно прочел записку. Лу нетерпеливо заглядывал ему через плечо. Письмо было отпечатано на листке белой бумага самого дешевого сорта. Оно было датировано двадцать седьмым числом предыдущего месяца:

«Объединенная компания
международных почтовых пересылок
Голливудский бульвар, Вайк-стрит
Голливуд, Калифорния Джентльмены,

Я прочел в сегодняшней газете ваше объявление о том, что вы осуществляете некоторые почтовые услуга, и хочу этими услугами воспользоваться.

У меня есть несколько писем, которые должны быть посланы моему адресату к определенным числам, однако я вынужден уехать из города на неопределенное время и не смогу поддерживать лично мою корреспонденцию. Поэтому я прилагаю к сему пакет писем вместе с пятидолларовой банкнотой, поскольку мне не известны ваши расценки, а временем для наведения справок я не располагаю. Уверен, что сумма в пять долларов с лихвой покроет стоимость почтовых марок и ваши накладные расходы.

Все конверты скреплены эластичной лентой. Я хочу, чтобы они были отправлены в Голливуд в том порядке, в каком они сложены — начиная с первого письма, лежащего сверху, затем второе под ним, и т.д. Это очень важно. Ниже следует график отправки писем:

1. Понедельник 11 следующего месяца)
2. Четверг 14 (— ” —)
3. Суббота 16 (— ” —) — срочная доставка
4. Вторник 19 (— ” —)
5. Четверг 28 (— ” —)

Заранее вам благодарен.

Искренне ваш

Эгберт Л.Смит

P.S. — Пожалуйста, проследите, чтобы письмо под №3 было отправлено с нарочным. Это необходимо для обеспечения доставки его в воскресенье, 17-го, когда обычная почта не работает.

Э.Л.С.»

— Проклятый Борджиа[54] даже не подписался своим фальшивым именем! — пробормотал Тай.

— Досадная, но разумная предосторожность, — сухо заметил Эллери. — Нет почерка, нет и улик. И адрес отсутствует. Обратите внимание также на аккуратную безликую манеру письма. Написано не безграмотно, ко и не слишком вычурно. С явным налетом делового стиля, точно мистер Эгберт Л.Смит действительно тот, кем он старается казаться.

— Эй, смотрите, а ведь письмо отпечатано на машинке Джека Ройла! — воскликнул Лу. — Если, конечно, правда то, о чем ты говорил вчера, Квин.

---

[54] Примечания: 54

Семейство итальянских аристократов (XV-XVI вв) испанского происхождения, широко применявших ялы в политической борьбе со своими противниками.

Взгляните на те же дефекты в буквах «р» и «г». Нет. я считаю, нам надо немедленно передать все Глюке!

Эллери кивнул и указал на бланк Компании международных пересылок:

— Это всего лишь расписание, которое Луси скопировал слово в слово с графика отправки писем в послании Смита. Имя вымышлено, конечно. И я не сомневаюсь, что на бумаге нет никаких следов, не говоря уже об отпечатках пальцев.

Подошел официант и в ожидании остановился у их столика.

— Бренди, — рассеянно бросил Тай.

— Привет, Джин! — сказал Лу.

— Двойкой, как всегда, мистер Баском?

— Принеси лучше целую бутылку! Не видишь разве, что я обзавелся грудным младенцем? «Монне», пятнадцатилетней выдержки, будет для него в самый раз!

Официант широко улыбнулся и отправился выполнять заказ.

1

— А теперь посмотрим, — сказал Эллери, — о чем толкует последнее письмо из коллекции мистера Смита. То, которое еще не отправлено.

Он надорвал один край запечатанного конвер-

та и встряхнул его. На стол выпала игральная карта с синей оборотной стороной.

Это был туз пик.

* * *

Не было никакой нужды справляться о значении карты по листку с расшифровкой, обнаруженному Эллери в гардеробной Джека Ройла.

Весь мир, ею жены и дети знают значение туза пик.

— Смерть… — взволнованно произнес Тай. — Значит… Но карта пришла… то есть, она должна была прийти… Блайт умерла до того, как она была намечена для отправки!

— В том-то и суть, — задумчиво проговорил Эллери, рассеянно вращая в руках карту.

— Опять ты со своей сутью! — фыркнул Лу. — Как насчет тога, чтобы поделиться ею с нами для разнообразия?

Эллери молча сидел, уставясь на карту, на конверт и памятный график, прикрепленный к конверту.

— Здесь бесспорно лишь одно, — сказал Тай с перекошенным лицом. — Это самая наглая провокация из всех, которые можно себе вообразить! Кто-то задумал расправиться с Блайт и подстро-

ил так, чтобы обвинение пало на отца! Вражда между отцом и Блайт обеспечила идеальный фон для инсценировки, снабжала его мотивом! Ведь любой, кому не лень, мог иметь доступ к отцовской машинке!

— А? — с отсутствующим видом спросил Эллери.

— Дата на письме «Смита» — двадцать седьмое прошлого месяца — могла бы подсказать нам, где оно было напечатано… то есть, на территории студии, или в нашем доме. Но, черт побери, отец постоянно таскал машинку с одного места на другое, и я не помню, где она находилась до двадцать седьмого числа!

— А зачем ему была нужна пишущая машинка, Тай?

— Чтобы отвечать на письма поклонников. Он терпеть не мог секретарей и предпочитал лично переписываться с авторами наиболее интересных писем. Своеобразное хобби, понимаете? Он не хотел, чтобы студия занималась его личной перепиской. В сущности, я и сам так поступаю.

— Вы утверждаете, что любой мог пользоваться его машинкой?

— Все население Голливуда, — простонал Тай. — Ты же знаешь, Лу, что представлял собой наш

дом, когда отец был жив — общественный клуб для всякого любителя дармовой выпивки!

— Это что, намек? — осклабился Лу.

— А гардеробная отца служила пристанищем для каждого бездельника в студии. Его мог подставить — вне всякого сомнения! — любой, кто имел доступ к его машинке либо дома, либо в студии… — Он насупился. — Кто именно, вы хотите знать? Да кто угодно!

— Ко вот чего я никак не пойму, — сказал Лу. — Зачем Смит запланировал отправить два письма Блайт после ее смерти? Ведь это само собой снимает подозрения с Джека, поскольку он тоже мертв, а покойники писем не пишут! И если на Джека хотели свалить вину, зачем же его убили? Что-то здесь не вяжется!

— Именно это, — процедил Тай сквозь зубы, — я и хотел бы узнать.

— Мне кажется, — сказал Эллери, — мы продвинемся значительно дальше, если подойдем к проблеме по-научному. Кстати, тот альтернативный вывод, о котором я говорил сегодня утром, был продиктован здравым смыслом. Если исходить из предположения, что автор писем находится в добром здравии, а не является психически больным, становится очевидным одно:

письма Блайт пришли после ее смерти потому, что автор был лишен контроля над способом их отправки!

— Понятно, — медленно проговорил Тай. — Вот почему вы подумали о службе заказных пересылок.

— Точно. Я проверил на всякий случай обычную почту, чтобы исключить возможность отправки писем непосредственно через почтовую службу. Но, разумеется, это было слишком далеко идущее предположение. Другое, более правдоподобное, заключалось в наличии фирмы, осуществляющей пересылку писем по заказу.

— Но если Смит убил отца и Блайт, почему он не постарался забрать два последних письма из той конторы за углом, прежде чем их отправили? Луси сам сказал, что подобных попыток предпринято не было.

— И раскрыть себя для возможного опознания? — хихикнул Лу. — Не будь ребенком, парень!

Явился официант с бутылкой бренди, сифоном и тремя стаканами. Лу оживленно потер ладони и схватился за бутылку.

— Конечно, — подтвердил Эллери. — Это чистая правда.

— А кстати, зачем вообще нужны были эти два

письма?

Эллери откинулся на спинку стула, держа в руке наполненный Лу стакан.

— Серьезный вопрос, требующий не менее серьезного ответа. Обратили ли вы оба внимание на дату, когда наш приятель Смит намеревался отправить свое последнее письмо — то самое, со зловещим пиковым тузом?

Лу поднял глаза над стаканом. Тай просто поднял глаза. Дата, отпечатанная на записке, приколотой к конверту с тузом пик, гласила: «Четверг, 28-е».

— Не понимаю, в чем тут дело, — сказал Тай, нахмурясь.

— Все очень просто. Какими были две карты, отправленные Блайт в одном конверте в четверг четырнадцатого — в тем конверте, который был получен в пятницу пятнадцатого, за два дня до убийства?

— Я не помню.

— Десятка пик и двойка треф, что вместе должно означать: «Большие неприятности через два дня или две недели». То, что убийство состоялось через два дня после получения этого послания, было всего лишь совпадением. Ибо какой вывод можно сделать сейчас? — Он постучал пальцем

по конверту и карте, лежащими перед ним. — Туз пик в этом неотправленном конверте, означающий «смерть», был явно предназначен к отправке в четверг двадцать восьмого, чтобы Блайт получила его в пятницу двадцать девятого. Таким образом, убийство Блайт, очевидно, планировалось не раньше двадцать девятого; другими словами, смерть ее была запланирована не через два дня, а через две недели после получения предупреждения о «больших неприятностях».

— Или через неделю, считая от сегодняшнего дня, — простонал Тай. — Если бы убийца не изменил свои планы, Блайт все еще была бы жива. И отец тоже.

— Вот-вот, в том-то и дело! В чем заключался первоначальный план убийцы? Убить Блайт — одну Блайт. Нужны подтверждения? Пожалуйста: игральные карты посылались только Блайт, туз пик, как вы видите по адресу на конверте, предназначался тоже только Блайт. И его план включал в себя намерения навести на Джека Ройла подозрение в убийстве Блайт, когда таковое состоится. Доказательства — особенности шрифта пишущей машинки Джека, на которой были отпечатаны письмо в объединенную компанию почтовых пересылок и таблица со значением

карт, подброшенная ему в гардеробную.

— Ну, и?..

— Но что произошло в действительности? Блайт была убита — но не одна. Джек был убит тоже. Что заставило убийцу изменить свои планы? Что заставило его убить не только Блайт, как он намеревался вначале, но также и Джека — того самого, кто бил им предназначен на роль обвиняемого в убийстве?

Оба молча и хмуро глядели на него.

— Вот это, как мне кажется, и есть самый главный вопрос, возникающий в цепи событий. Ответьте на него — и я уверен, вы окажетесь на пути к объяснению всего остального!

— Ответишь на это, как же, — пробормотал Лу в свой стакан с коньяком. — Я продолжаю утверждать, что это все чепуха и вздор!

— Но вот чего я никак не пойму, — настаивал Тай. — Почему все-таки дата убийства была перенесена на более ранний срок? Почему Смит поспешил со своим преступлением? Мне кажется, он мог бы подождать, пока прибудет пиковый туз, и тогда уже убить их обоих. Но он так не сделал. Он нарушил собственное расписание, нарушил весь тщательно продуманный механизм пересылки писем, разработанный им же самим.

Почему?

— Обстоятельства, — кратко ответил Эллери. — Видите ли, убить двух людей значительно труднее, чем одного. А свадебное путешествие в вашем самолете предоставило «Смиту» возможность убить сразу и Джека, и Блайт, чего он никак не мог упустить.

— Однако в силу тех же обстоятельствах замысел обвинить отца в преступлении провалился, и убийца знает об этом!

— Конечно, но что ему остается делать теперь? Попытаться вернуть неотправленные конверты, уничтожить подкинутый в гардеробную Джека листок со значением карт, выкрасть свое письмо из картотеки компании международных пересылок? Как Лу правильно предположил, он, очевидно, прикинул сравнительно степень риска и решил ничего не предпринимать.

— По крайней мере, у нас теперь достаточно фактов, чтобы убедить Бонни в абсурдности ее подозрений против отца. Он был всего лишь одной из жертв, и только. Квин, не могли бы вы…

— Чего бы я не мог? — очнулся Эллери от глубокого раздумья.

— Не могли бы вы рассказать обо всем Бонни? Оправдать отца перед ней?

Эллери почесал подбородок:

— И вас тоже, насколько я понимаю?

— Н-ну… да.

— Не беспокойтесь ни о чем, Тай, — с неожиданной горячностью сказал Эллери. — Выбросьте из головы события последних дней. Займитесь спортом. Или отправляйтесь на пару недель куда-нибудь на природу. Почему бы не устроить себе небольшие каникулы?

— Уехать из Голливуда… сейчас? — хмуро уставился на него Тай. — Ни в коем случае!

— Не делайте глупостей. Вы здесь только мешаете.

— Квин прав, — вмешался Лу. — Картина закрыта, и я уверен, что Бутч не станет возражать против твоего отпуска. Ведь он, в конце концов, помолвлен с Бонни.

Тай усмехнулся и встал со стула.

— Пошли?

— Пожалуй, я еще немного посижу здесь и поразмышляю. — Эллери украдкой взглянул на часы. — Обдумайте мое предложение, Тай. Нет, оставьте чек, я сам рассчитаюсь!

Лу с чувством прижал бутылку к груди, потянувшись свободной рукой за шляпой:

— Ты настоящий друг!

Тай устало помахал рукой и молча вышел, Лу не совсем уверенной походкой последовал за ним.

А мистер Квин остался сидеть и размышлять с необычно взволнованным выражением своих обычно невозмутимый глаз.

Глава 14
Мистер Квин — противник браков

Ровно без десяти час Бонни скользнула в «Браун Дерби», тревожно оглядываясь и со странной поспешностью бросилась в кабинку Эллери.

— Эй, в чем дело? — удивился Эллери. — Вы словно чем-то напуганы до смерти?

— О, так оно и есть! Меня преследуют! — Ее широко раскрытые глаза с беспокойством уставились поверх низкой дверной перегородки кабины.

— Неуклюжие олухи, — пробормотал Эллери себе под нос.

— Что вы сказали?

— О, я имел в виду, что во всем, очевидно, виновато ваше разыгравшееся воображение. Кому понадобилось вас преследовать?

— Не знаю… Разве что… — Бонни неожиданно замолкла, сдвинув брови так, что они почти сошлись на переносице. Затем она молча покачала головой, словно отбрасывая ненужные мысли.

Сегодня вы выглядите особенно прелестно!

— Но я уверена… Большой черный закрытый

автомобиль…

— Вам следует постоянно носить только яркие наряды. Бонни. Они поразительно сочетаются с цветом вашего лица!

Бонни скупо улыбнулась, сняла шляпку и перчатки и провела ладонью по лицу, словно кошка лапкой.

— Оставьте мой цвет лица. Дело не в нем. Я просто не хочу носить траур. Это… это смешно и глупо! Я никогда не признавала траура. Черное платье похоже на… рекламную афишу! Я постоянно воюю с Клотильдой по этому поводу. Просто ужас какой-то’

— Вот именно, — поддакнул Эллери. Бонни наложила очень легкий макияж — только чтобы скрыть бледность и крохотные мелкие морщинки вокруг глаз, потемневших от недосыпания.

— Я не обязана слоняться вокруг да около, объявляя всему миру о том. что потеряла маму, — глухо продолжала Бонни. — Эти похороны… о, они были страшной ошибкой! Они не вызвали во мне ничего, кроме отвращения. Я ненавижу себя за то, что согласилась на них!

— Ее надо было похоронить, Бонни. И вы знаете Голливуд.

— Да, но… — Бонни усмехнулась и произнесла

неожиданно веселым голосом: — Не будем печалиться! Можно мне чего-нибудь выпить?

— В такую рань?

Девушка пожала плечами:

— Пожалуйста, один дайкири — Она принялась исследовать содержимое своей сумочки

Эллери заказал дайкири и бренди с содовой, наблюдая за ней. Дыхание ее опять участилось, и она пыталась скрыть это за притворной увлеченностью своими действиями. Бонни достала пудреницу и стала осматривать в зеркальце свое лицо, поправляя якобы выбившуюся прядку золотистых волос. надувая губки и припудривая нос, совершенно не нуждающийся в этом. Внезапно она с безразличным видом извлекла из сумочки конверт и торопливо протянула его через стол Эллери.

— Вот, — сказала она, понижая голос. — Взгляните на это!

Рука Эллери прикрыла конверт, когда официант принес напитки. Как только официант ушел, Эллери убрал ладонь. Конверт остался лежать на столе. Бонни с тревогой следила за ним.

— Наш приятель отрекся от перьевой ручки. — сказал Эллери. — На сей раз адрес отпечатан на машинке.

— Но неужели вы нс видите? — прошептала Бонни. — Письмо адресовано мне!

— Вижу, и очень даже ясно. Когда прибыло письмо?

— Сегодня, утренней почтой.

— Отправлено из Голливуда вчера вечером, шрифт «элите», характерные особенности — три поврежденные буквы, теперь уже «б», «д» и «т». Нашему приятелю пришлось воспользоваться другой машинкой, поскольку портативка Джека находится у меня со вчерашнего утра. Из чего следует заключить, что письмо, очевидно, написано не ранее вчерашнего дня.

— Посмотрите… что внутри, — проговорила Бонни.

Эллери заглянул в конверт. В нем лежала семерка пик.

— Опять таинственный «враг», — небрежно бросил он. — История начинает уже понемногу надоедать… О! — Он сунул конверт и карту в карман и неожиданно встал из-за стола: — Привет, Бутч!

* * *

Действительно, Чудо-мальчик стоял за спиной у Бонни, с. подозрением глядя на невесту сверху

вниз.

— Хеллоу, Бонни. — сказал он.

— Хеллоу, — едва слышно проговорила Бонни.

Бутч нагнулся, и она подставила ему щеку для поцелуя. Он выпрямился, так и не поцеловав ее; его проницательные глаза затуманились.

— Забежал сюда перекусить, — сообщил он, как бы между прочим, — и встретил вас здесь. О чем беседа?

— Бонни. — заметил Эллери. — Мне кажется, ваш достойный жених ревнует.

— Верно, — сказал Чудо-мальчик, улыбаясь. — Мне тоже так кажется.

Он выглядел нездоровым. Темные тени залегли у него под глазами, и щеки ввалились от усталости.

— Я попытался дозвониться тебе сегодня утром, но Клотильда сказала, что ты вышла.

— Да, — сказала Бонни. — Я… вышла.

— Ты сейчас значительно лучше выглядишь, Бонни.

— Спасибо.

— Увидимся вечером?

— Почему… почему бы тебе не присесть за наш столик? — предложила Бонни, отодвигаясь на дюйм на диванчике, давая ему место рядом с

собой.

— Действительно, почему бы и нет? — присоединился Эллери.

Проницательные глаза скользнула по нему настороженным взглядом, на миг задерживались на кармане, куда он засунул конверт.

— Нет, спасибо, — засмеялся Бутчер. — Надо возвращаться в студию. Ладно, пока!

— Пока, — безучастно ответила Бонни.

Он постоял еще мгновение, словно не решаясь поцеловать ее, затем внезапно улыбнулся, кивнул и ушел. Они заметили лишь его уныло согнутую спину и низко опущенные плечи, когда швейцар открывал перед ним дверь.

Эллери снова сел и глотнул из стакана бренди с содовой. Бонни рассеянно вращала в пальцах свой бокал на длинной ножке.

— Хороший парень, Бутч, — заметил Эллери.

— Хороший… — ответила она слабым дрожащим голосом. — Вам не кажется… что я… должна быть следующей на очереди?

— Следующей?

— Мама получала предупреждения, и она… А теперь я их получаю. — Бонни попыталась улыбнуться. — Я боюсь, как дурочка!

Эллери вздохнул.

— Так вы изменили свою точку зрения относительно того, что Джек Ройл посылал вашей матери эти письма?

— Нет!

— Но, Бонни, вы же не боитесь покойника?

— Не покойник отправил мне письмо вчера вечером. — гневно ответила Бонни. — О, Джек Ройл посылал те письма маме. А это письмо… — Бонни вздрогнула. — У меня только один враг, мистер Квин.

— Вы имеете в виду Тая? — пробормотал Эллери.

— Да, Тая. Он продолжает дело своего отца!

Эллери замолчал, Его так и подмывало доказать Бонни, насколько беспочвенны были ее подозрения; он мог бы в значительной степени рассеять обреченное выражение в ее глазах. Однако он взял себя в руки.

— Вам надо быть осторожной, Бонни.

— Так вы в самом деле думаете?..

— Неважно, что я думаю. Но запомните одно: наиболее опасным для вас сейчас будет пойти навстречу Таю Ройлу.

Бонни зажмурилась, с трудом проглотив остатки коктейля. Когда она открыла глаза, они были наполнены страхом.

— Что я должна делать? — прошептала она.

Эллери выругался про себя. Но вслух он сказал:

— Следите за своими поступками. Осторожность, и еще раз осторожность! Будьте внимательны. Не разговаривайте с Таем. Не имейте с ним ничего общего. Избегайте его, словно он сущая проказа!

— Проказа, — вздрогнула Бонни. — Вот что он такое!

— Не слушайте его влюбленных речей, — продолжал Эллери, избегая глядеть ей в глаза. — Он способен наболтать вам что угодно, не верьте ему. Помните, Бонни!

— Как могу я забыть? — Слезы выступили у нее на глазах. Она сердито потрясла головой и полезла в сумочку за носовым платком.

— Тот автомобиль, — по секрету сообщил Эллери, — постоянно следует за вами. Не пугайтесь его. Люди, сидящие в нем, охраняют вас. Не пытайтесь скрыться от них, Бонни.

Однако Бонни едва ли слышала его.

— К чему мне жить на свете? — печально проговорила она. — Я осталась одна в целом мире с преследующим меня сумасшедшим негодяем, и… и…

Эллери прикусил губу, молча наблюдая, как

она утирает нос платочком. Он чувствовал себя не в меньшей степени негодяем.

Спустя некоторое время он заказал повторную порцию напитков, и когда они прибыли, настойчиво придвинул к Бонни бокал.

— Ну полно, Бонни, перестаньте! Вы привлекаете к себе внимание.

Она поспешно промокнула покрасневшие глаза и высморкалась в платочек, затем занялась пудреницей и зеркалом, наконец, протянула руку за бокалом и отпила глоток коктейля.

— Какая я глупая! — пренебрежительно фыркнула она, — Кажется, я только и делаю, что плачу, словно героиня в дешевой мелодраме!

— Вся жизнь похожа на мелодраму. Кстати, Бонни, вы знали, что ваша мать и Джек Ройл посетили вашего дедушку Толленда Стьюарта в среду на прошлой неделе?

— То есть как раз перед тем, как было объявлено об их помолвке? Мама мне не говорила.

— Странно.

— Не правда ли? — Она поморщила лоб. — А откуда вы знаете?

— Мне сказала Пола Пэрис.

— Опять эта женщина! Она-то откуда узнала?

— О, она, в сущности, не так уж плоха! — неуве-

ренно проговорил Эллери. — Просто такова ее работа, Бонни. Вам следовало бы это понять.

Впервые Бонни посмотрела на него проницательным взглядом женщины, замечающей под суровой внешностью скрытые признаки мужских слабостей.

— О, понимаю! — медленно протянула она. — Вы влюблены в нее.

— Я? — запротестовала Эллери. — Глупости?

Бонни опустила взгляд и пробормотала:

— Извините. Пожалуй, неважно, откуда она узнала. Кажется, я припоминаю, что мамы действительно не было тогда весь день. Странно, зачем ей понадобилось навещать деда? Да еще с этим… с этим типом!

— А что здесь удивительного? В конце концов, они решили пожениться, а он ведь был ее отцом, не так ли?

Бонни вздохнула:

— Так-то оно так… Но все равно странно.

— В каком смысле?

— Мама за последние десять-двенадцать лет всего раза два навещала или вспоминала дела. Я сама до прошлого воскресенья лет восемь не была в том ужасном доме в Шоколадных горах. Я носила тогда ленты в косичках и детские фар-

тучки — представляете, как давно это было? Да если бы я до воскресенья встретили дедушку на улице, я бы его ни за что не узнала. Он никогда не приезжал к нам в гости.

— Я как раз собирался расспросить вас об этом. В чем была причина столь натянутых отношений между вашей матерью и дедом?

— Да нет, отношения были не то, чтобы натянутые. Дедушка всегда был большим эгоистом по натуре, постоянно сосредоточенным на самом себе. Мама рассказала, что лаже маленькой девочкой она не ощущала с его стороны особой любви и нежности. Видите ли, моя бабушка умерла при родах, когда мама появилась на свет — она была единственным ребенком, — и дедушка после этого… как бы сломался. Я хочу сказать…

— Помешался?

— Мама рассказывала, что с ним случилось нервное расстройство. Дедушка потом уже не смог стать самим собой. Он очень болезненно переживал смерть бабушка и, возможно, неосознанно видел в маме виновницу своего несчастья. Если бы она не родилась…

— Довольно распространенная реакция мужчины, оставшегося вдовцом.

— Я не хочу, чтобы вы подумали, будто дедушка

был груб с мамой, или что-нибудь в этом роде, — быстро добавила Бонни. — Он всегда чувствовал свою ответственность перед ней в финансовом смысле. Дедушка дал ей прекрасное воспитание, с гувернантками и няньками, с кучей нарядов, с путешествиями по Европе, с лучшими учебными заведениями. Но когда она выросла, пошла на сцену и прочно встала на нош, тут он, видимо, решил, что его отцовские обязанности на этом закончились. А на меня он вовсе не обращал никакого внимания.

— Тогда почему ваша мама посетила его в позапрошлую среду?

— Понятия не имею, — нахмурилась Бонни. — Разве только чтобы сообщить ему о предстоящей свадьбе? Хотя дед никогда не интересовался ее личными делами; он абсолютно безразлично отнесся к ее первому браку, так почему он стал бы интересоваться вторым?

— А не могло так случиться, что вашей матери понадобились деньги? Бы как-то заметили, что она постоянно сидела на мели.

Губы Бонни сложились в пренебрежительную гримаску:

— От него? Мама всегда говорила, что лучше отправиться нищенствовать, чем попросить у

него хотя бы цент!

Эллери задумался, молча поглаживая верхнюю губу кончиком указательного пальца. Бонни допила свой коктейль.

— Бонни, — неожиданно сказал Эллери. — Давайте с вами отколем номер.

— Какой номер?

— Давайте возьмем самолет и слетаем в Шоколадные горы.

— После того ужасного приема в прошлое воскресенье? — фыркнула Бонни. — Нет, ни за что! Не явиться даже на похороны собственной дочери! Его чудачества, по-моему, заходят слишком далеко!

— У меня такое чувство, — сказал Эллери, вставая, — что очень важно было бы узнать, почему ваша мать посетила его с Джеком Ройлом девять дней тому назад.

— Но…

Эллери посмотрел на нее сверху вниз:

— Это может помочь развеять туман, Бонни.

Бонни молча сидела, задумавшись; затем она решительно тряхнула головой и поднялась с места.

— В таком случае, — твердо заявила она, — я с вами!

Глава 15
Мистер Квин — ищейка

В свете погожего дня ночные химеры исчезли, и уединенное жилище Толленда Стьюарта открылось с залитых солнцем небес во всем своем раскидистом, потрепанном бурями и непогодой неприглядном естестве — еще более страшный струп посреди изрезанного ущельями горного ландшафта, чем когда оставался невидимым в ночной темноте.

— Что за жуткое место! — глядя вниз, поежилась Бонни, когда взятый напрокат самолет кружил над посадочной площадкой.

— Конечно, не совсем Шангри-Ла[55], — сухо заметил Эллери, — несмотря на некоторое сходство с запретным городом на Крыше Мира. Посещал ли когда-нибудь ваш достопочтенный дедушка Тибет? Это могло бы объяснить его географическое вдохновение.

Угрюмое строение безжизненной громадой лежало внизу. И тем не менее, в молчаливых

---

[55] Примечания: 55

В романе Джеймса Хилтона «Потерянный горизонт» город в горах Тибета, жители которого сохраняют вечную молодость.

каменных выступах и нишах, замерших неподвижно в центре паутины из телефонных кабелей и электрических проводов, спускавшихся вниз со склонов горы, скрывалась иллюзия какой-то притаившейся, недоброй жизни.

— Виновато ли мое воображение, — спросила Бонни, — или эта штука внизу действительно похожа на паука?

— Конечно, воображение! — поспешил убедить ее Эллери. Когда самолет остановился в конце крохотного аэродрома, Эллери сказал пилоту: — Подождите нас здесь. Мы не надолго! — Словно невзначай, он предусмотрительно взял Бонни под руку, помог ей спуститься на землю и повел к тропинке через рощу. Проходя мимо ангара, он обратил внимание на то, что ворота его раскрыты настежь, а сам ангар пуст.

Бонни также заметила это.

— Неужели дедушка куда-нибудь улетел? Мне всегда казалось, что он редко покидает свою усадьбу.

— Скорее всего, самолетом воспользовался доктор Джуниус. Воображаю, каково приходится достойному лекарю ходить на рынок за капустой и прочей зеленью! Вы только представьте себе, чего стоит вести домашнее хозяйство здесь, на

вершине!

— И летать к бакалейщику за бутылкой оливкового масла! — нервно засмеялась Бонни.

Затененная густыми древесными кронами пустынная тропинка вывела их на поляну, посреди которой высился дом. Входные двери были закрыты.

Эллери постучал, но не получил ответа. Он постучат опять, все с тем же результатом. Потеряв терпение, он подергал за дверную ручку; она повернулась.

— Простые решения, — усмехнулся он, — как-то ускользают в последнее время от моего внимания. Входите, Бонни! Дом, во всяком случае, вас не укусит!

Бонни сперва немного замешкалась, но затем, отважно расправив мальчишечьи плечи, первой вступила в мрачный вестибюль.

— Дедушка! — окликнула она.

Насмешливое эхо повторило ее искаженный приглушенный голос.

— Мистер Стьюарт! — закричал Эллери. — Эхо явно смеялось над ними. — Проклятье! Старик начинает действовать мне на нервы. Не будете возражать, если я попытаюсь втряхнуть в него немного жизни?

— Возражать? — сердито откликнулась Бонни. — Да я бы сама с удовольствием встряхнула его как следует!

— Отлично, — весело сказал Эллери, — но сперва надо его найти.

И он возглавил поисковую партию.

Гостиная внизу была пуста. Кухня, несмотря на хлебные крошки на фарфоровой столешнице и аромат свежезаваренного чая, также была пуста, поэтому Эллери повел Бонни к лестнице, ведущей наверх.

— Готов поспорить на миллион, что он скрывается там снова, — сердито проговорил он. — Мистер Стьюарт!

Никакого ответа.

— Пустите меня вперед, — решительно сказала Бонни и легко взбежала на второй этаж.

Они обнаружили хозяина дома лежащим в постели у стола, заваленного коробочками с пилюлями, пакетиками с порошками, бутылочками с лекарствами, ингаляторами, распылителями и ржавыми чайными ложечками. Беззубые челюсти старика двигались безостановочно пережевывая сэндвич с холодным мясом запивая его чаем со льдом. Холодные глаза без всякого удивления уставились на незваных гостей.

— Дедушка! — воскликнула Бонни. — Неужели ты нас не слышал?

Старик бросил на нее безразличный взгляд из-под кустистых седых бровей, не переставая жевать, словно он не слышал ее.

— Дедушка! — встревожилась Бонни. — Ты не слышишь меня? Ты оглох?

Он прекратил ровно настолько, чтобы произнести: — Убирайся вон! — после чего снова откусил кусок сэндвича и отхлебнул глоток чая.

Бонни облегченно вздохнула, но разозлилась не на шутку:

— Как ты можешь так обращаться со мной? Ты совсем потерял человеческий облик? Что с тобой происходит?

Небритая щетина на щеках и подбородке перестала шевелиться, и челюсти внезапно плотно сжались. Затем они снова задвигались, и старик коротко бросил:

— Что тебе нужно?

Бонни села на стул.

— Мне нужно, — тихо проговорила она, — немного душевного тепла, в котором ты отказал моей матери.

Внимательно наблюдая за дряхлой, унылой физиономией старика, Эллери был поражен, за-

метив мягкое выражение сочувствия, промелькнувшее в его слезящихся, покрытых красными прожилками глазах. Затем выражение исчезло, и старик сердито проворчал:

— Поздно уже! Я старый человек. Блайт следовало бы подумать об этом много лет тому назад. Она никогда не была мне дочерью!

Его шепелявая речь становилась все более разборчивой по мере того, как голос повышался:

— Мне никто не нужен! Уходи, и оставь меня одного!

Если бы этот проклятый дурак Джуниус не скакал туда-сюда, как кролик, разрази его гром, то может быть, мне удалось бы обрести хоть немного покоя!

— Ты ни капельки не испугаешь меня своим криком, — спокойно сказала Бонни. — Ты знаешь, что виноват ты сам, а не мама. Они никогда не получала от тебя той любви, на которую имела право рассчитывать!

Старик со стуком поставил стакан на стол и отшвырнул недоеденный сэндвич.

— И ты говоришь это мне? — закричал он. — Что ты знаешь обо всем этом? Разве она хоть раз привела тебя ко мне? Разве она…

— А ты хоть раз намекнул ей, что хочешь меня

увидеть?

Костлявые руки взметнулись вверх и безвольно упали на покрывало, словно внезапно обессилев.

— Я не собираюсь спорить с сопливой девчонкой! Вам всем нужны мои деньги! Вот чего хотят все дети и внуки!

— Дедушка! — ахнула Бонни, вставая с места. — Как ты можешь говорить такое?

— Уходи вон! — кричал он. — О, этот дурак Джуниус! Отправился в Лос-Анджелес и оставил дом нараспашку, словно пригородный трактир! Бог знает, каких микробов ты притащила сюда со своим парнем! Я старый больной человек. Я…

— Прощай, — сказала Бонни и молча, словно слепая, направилась к двери.

— Погодите, — сказал Эллери. Она замерла и обернулась к нему, стоя с дрожащими губами, изо всех сил сдерживаясь, чтобы не расплакаться. Эллери мрачно посмотрел на старика.

— Ваша жизнь — ваше личное дело, и вы вправе распоряжаться ею по своему усмотрению, мистер Стьюарт, но было совершено убийство, и вы не можете оставаться в стороне от этого. Вам придется ответить на несколько вопросов.

— Кто вы такой? — угрюмо спросил старик.

— Неважно, кто я такой. На прошлой неделе в

среду — это было девять дней тому назад — ваша дочь и Джон Ройл нанесли вам визит. С какой целью?

Ему показалось, будто на безжизненном лице старика возникло живое выражение удивления, но только на один момент.

— Ага, вы и об этом пронюхали, вот как? Вы, должно быть, из полиции, как и тот идиот Глюке, который морочил мне голову на прошлой неделе.

— Я задал вопрос, мистер Стьюарт!

— Вы хотите знать, зачем они явились сюда? Отлично, я скажу вам. — Старик с неожиданной живостью приподнялся в постели. — Им нужны были деньги, вот зачем! Только это всем и нужно!

— Мама просила у тебя денег? — ошеломленно спросила Бонни. — Быть такого не может!

— Так я, по-твоему, лгу, вот как? — злобно зашипел старик. — Говорю тебе, что она явилась просить у меня денег! Не для себя, должен признать, а для своего бездельника Ройла!

Бонни растерянно посмотрела на Эллери, а Эллери посмотрел на Бонни. Так вот, оказывается, в чем дело! Блайт вопреки всем своим инстинктам и принципам обратилась к отцу за помощью

— не ради себя, но ради человека, которого она любила! Бонни поспешно отвела взгляд, устремив его в окно ка холодное голубое небо.

— Понятно, — медленно проговорил Эллери. — И вы дали ей денег?

— Я, должно быть, в тот день был не в своем уме, — проворчал старик. — Я дам Ройлу чек на сто десять тысяч долларов и предупредил Блайт, чтобы она больше меня не беспокоила. Бездельник! Речь шла, как будто, о карточном долге. Ей захотелось выйти замуж за карточного игрока! Что ж, такова, видно, ее судьба!

— О, дедушка! — всхлипнула Бонни. — Ты старый обманщик! — она сделала шаг к кровати.

— Не подходи ко мне! — поспешно замахал руками старик. — Ты не стерильная! На тебе масса микробов!

— Ты любил ее! Ты хотел, чтобы она была счастлива!

— Я хотел всего лишь, чтобы она оставила меня в покое!

— Ты только притворяешься таким грубым и бессердечным…

— Это был единственный способ избавиться от нее! Почему люди не могут оставить меня в покое? Блайт заявила, что когда-нибудь мои деньги

все равно станут ее собственностью, и она просит всего лишь часть их до того, как... — Заросшие щетиной губы старика задрожали. — Убирайся прочь и никогда больше не возвращайся сюда!

В противоположность стариковским губы Бонни словно окаменели.

— А знаешь, — прошептала она, — я действительно верю, что ты дал ей деньги только с тем, чтобы избавиться от нее! Я уйду, и нога моя больше не переступит порог этого дома! Ты не услышишь от меня ни слова, пока жив!

Старик снова замахал руками, и лицо его опять приняло оживленное выражение.

— Я еще долго не умру! — завизжал он. — Можешь об этом не беспокоиться! Убирайтесь отсюда, вы оба!

— Погодите, — сказал Эллери, взглянув на девушку. — Бонни, не будете ли вы любезны вернуться к самолету? Я присоединюсь к вам через несколько минут. Мне бы хотелось побеседовать с вашим дедушкой наедине.

— Чем скорее я уйду отсюда, тем лучше, — сказала Бонни, направляясь к двери. — Все равно это будет медленнее, чем мне бы хотелось!

Дверь за девушкой с треском захлопнулась, и Эллери услыхал топот ее каблучков, торопливо

сбегающих по лестнице, словно кто-то гнался за ней по пятам.

Он не произнес ни слова, пока не хлопнула наружная дверь, после чего обратился к рассерженному старику:

— А теперь, мистер Стьюарт, ответьте мне на один вопрос.

— Я ответил вам, зачем приезжали сюда Блайт и тот игрок, — хмуро возразил старик. — Больше мне нечего сказать.

— Однако мой вопрос не имеет ничего общего с визитом Блайт.

— Да? Так о чем же вы еще хотите узнать?

— Я хочу узнать, — невозмутимо спросил Эллери, — что вы делали в воскресенье ночью за стеной этого дома с пилотским шлемом на голове?

На мгновение ему показалось, что старика хватит удар: глаза его тревожно выпучились, а длинный костлявый нос задергался, словно в припадке тошноты.

— А? — едва слышно проговорил он. — Что вы сказали?

По мере того, как он произносил эти слова, признаки слабости и тревоги постепенно улетучивались, и его седая борода снова воинственно

вздернулась кверху. «Храбрый старый боевой петух!» — с невольным восхищением усмехнулся про себя Эллери. Для своих лет старик отлично выдерживал неожиданные удары!

— Я видел вас снаружи под дождем с авиаторским шлемом на голове. В то самое время, как Джуниус утверждал, будто вы находитесь здесь, наверху, за запертой дверью.

— Верно, — кивнул старик. — Верно, я вышел из дома. Потому что мне захотелось подышать чистым Божьим воздухом. Я вышел наружу, потому что в моем доме было полно чужих.

— Под дождь? — усмехнулся Эллери. — Я думал, вы боитесь пневмонии и тому подобных неприятностей?

— Я больной человек, — упрямо возразил старый ипохондрик. — но я скорее готов рискнуть пневмонией, чем оказаться связанным с… толпой посторонних людей!

— Вы чуть не сказали «с убийством», верно? Почему вы так щепетильно отнеситесь именно к этому убийству, мистер Стьюарт?

— К любому!

— И к убийству вашей родной дочери? Вы не чувствуете — я едва не оговорился, сказав «естественного», — вы не чувствуете желания

отомстить?

— Я хочу лишь, чтобы меня оставили в покое!

— И шлем у вас на голове — это никак не связано с… скажем так: с воздушными путешествиями, мистер Стьюарт?

— В доме много всяких шлемов! Они отлично предохраняют от дождя.

— Ага, теперь вы разговорились! Почему бы это? Люди, которым есть что скрывать, обычно становятся разговорчивыми. Так что вы скрываете, мистер Стьюарт?

Вместо ответа старик потянулся и схватил ружье, стоявшее у колонки балдахина. Не говоря ни слова, он направил его стволы прямо в грудь Эллери. Глаза его смотрели твердо и решительно.

Эллери усмехнулся, пожал плечами и вышел вон.

Он нарочно постарался наделать как можно больше шума, спускаясь вниз по ступенькам, топал ногами, проходя по полу гостиной, а входной дверью он хлопнул изо всех сил.

Однако Эллери остался внутри, прислушиваясь. Сверху не доносилось никаких звуков. Решительно сдвинув брови, он огляделся. Дверь… Куда она ведет? На цыпочках он пересек гостиную, осторожно отворил дверь, заглянул внутрь,

удовлетворенно кивнул и скользнул через порог, с теми же предосторожностями затворив за собой дверь.

Он очутился в обширной и мрачной, как и все помещения в доме, комнате с темными дубовыми балками на потолке, служившей то ли библиотекой, то ли кабинетом.

В ней царила та же затхлая и гнетущая атмосфера давно не проветривавшегося и никем не посещаемого жилья. На всем лежал толстый слой пыли, немое свидетельство усердия доктора Джуниуса в сфере ведения домашнего хозяйства.

Эллери не колеблясь направился к стоявшему посреди комнаты массивному бюро из потемневшею от времени прочною резного дуба с горизонтальной крышкой. Однако Эллери интересовал не сам старинный стол Толленда Стьюарта, а то, что находилось внутри. Быстрый, но тщательный обзор подсказал ему, что в комнате не было сейфа, и бюро поэтому оставалось наиболее вероятным хранилищем того, что он искал.

Эллери обнаружил это во втором ящике, который он открыл-без труда, в стальной шкатулке, выкрашенной в зеленый цвет, незапертой, хотя замок с торчащим в нем ключом лежал тут же, рядом со шкатулкой.

Это было завещание Толленда Стьюарта.

Эллери внимательно прочел его, одним ухом прислушиваясь к звукам из комнаты старика наверху.

Дата на завещании свидетельствовала о том, что оно было составлено девять с половиной лет тому назад. Завещание было написано на плотной гербовой бумаге с вензелем старого солидного банкирского дома в Лос-Анджелесе, неразборчивым почерком. Эллери представил себе, как старый разбойник, сопя и упираясь изнутри языком во впалые теки, выводит на бумаге свои каракули, не позволяя никому взглянуть на то, что он пишет. Под завещанием стояла подпись Толленда Стьюарта, заверенная лицами, имена которых ни о чем не говорили Эллери — очевидно, служащие банка.

Завещание гласило:

> «Я, Толленд Стьюарт, в день своего шестидесятилетия, находясь в здравом уме и твердой памяти, настоящим выражаю свою последнюю волю, и завещаю:
>
> Сумму в сто тысяч долларов наличными или в ценных бумагах доктору Генри Ф. Джуниусу, находящемуся у меня на

службе, но только при непременном выполнении перечисленных ниже условий:

1. До моей смерти д-р Джуниус должен выполнять функции моего служащего не менее десяти лет с момента подписания данного завещания, кроме периодов болезни и подобных же перерывов в его службе, не зависящих от его воли. В течение всего остального времени он должен выполнять функции моего личного врача, ответственного за состояние моего здоровья.

2. Я, Толленд Стьюарт, должен прожить более десяти лет с момента подписания данного завещания, т. е. моя смерть должна наступить после моего семидесятого дня рождения.

В случае моей смерти до наступления семидесятилетнего возраста вне зависимости от причины, или если д-р Джуниус оставит службу у меня — либо добровольно, либо в результате увольнения — до окончания десятилетнего периода, указанного выше, мое завещание ему ста тысяч долларов ($100.000,00) должно

считаться аннулированным, и все мое состояние полностью и без всяких отчислений должны перейти в собственность моих законных наследников.

Я также выражаю настоящим требование, чтобы все мои справедливые долги были погашены и была выделена необходимая сумма на достойные похороны.

Все остальное мое состояние я завещаю разделить следующим образом: одна половина (112) переходит в собственность моей единственной дочери, Блайт, или, если ее кончина наступит до моей смерти, ее наследников. Вторая половина (½) переходит в собственность моей внучки Бониты, дочери Блайт, или, если кончина Бонни наступит до моей смерти, ее наследников.»

За исключением короткого параграфа, в котором младший вице-президент того банка, где было составлено и засвидетельствовано завещание, назначался ответственным душеприказчиком и исполнителем воли завещателя, в документе больше ничего не было.

Эллери вернул бумагу в зеленую шкатулку,

задвинул ящик бюро и украдкой выскользнул из дома.

* * *

Выйдя на поляну, служившую аэродромом, он заметил в небе маленький тупоносый самолет, который он видел в воскресную ночь в расположенном рядом ангаре. Самолет снижался, заходя на посадку. Пробежав по поляне, он остановился возле наемного самолета, доставившего в горы Эллери и Бонни. Доктор Джуниус спрыгнул на землю, похожий на престарелого кондора в шлеме с болтающимися по бокам наушниками.

Он приветливо помахал Бонни, ожидавшей у самолета, и поспешил навстречу приближавшемуся Эллери.

— Решили нанести нам визит, я вижу? — дружелюбно сказал доктор. — А мне пришлось слетать в Лос-Анджелес за кое-какими покупками. Что нового на голливудском фронте?

— Пока все спокойно, — Эллери сделал короткую паузу. — Мы только что имели честь беседовать с вашим достойным благодетелем.

— Поскольку ваша шкура цела, — улыбнулся доктор, — это было не так уж и страшно… Вы сказали: «благодетелем»? — добавил он совершенно

другим тоном.

— Ну да, — сказал Эллери. — А разве он таковым не является?

— Не понимаю, что вы имеете в виду. — Блестящие глаза доктора спрятались в свои желтые морщинистые глазные впадины.

— О, полноте, доктор!

— Нет, в самом деле не понимаю!

— Не говорите мне, будто вы понятия не имеете, что старый чудак отложил для вас кое-какую мелочь на черный, день!

Доктор Джуниус откинул голову назад и громко захохотал:

— Ах, вот вы о чем! — Смех его приобрел горький оттенок. — Конечно, Я знаю об этом. Зачем бы, по-вашему, я похоронил себя здесь, наверху?

— Я подумал, — сухо ответил Эллери, — что для такого решения должна быть веская причина.

— А разве я вам не говорил?

— М-м…

— Я не уверен, — продолжал доктор Джуниус, пожимая плечами, — что много выиграл в этой сделке. Сто тысяч — ничтожная сумма, просто смехотворная! Жить здесь со старым самодуром и выносить все его капризы и прихоти стоит не меньше миллиона, по самым скромным под-

счетам!

— Как ему в голову пришло заключить с вами такое странное соглашение, доктор?

— Когда мы познакомились, его обрабатывала пара врачей-шарлатанов, которые присосались к нему, как пиявки, и получали тысячные гонорары. Они убедили его в том, что у него рак желудка и жить ему осталось год или два от силы.

— Вы имеете в виду заведомо ложный диагноз?

— Вроде того. Думаю, они опасались, что рано или поздно священная корова перестанет давать молоко, и задумали получить от него значительно больше за короткий период своего «лечения», делая ставку на его ипохондрию. Так или иначе, кто-то порекомендовал ему меня; я провел обследование и обнаружил у него всего лишь язву. Я сказал ему об этом, и жулики потихоньку убрались.

— Но я все же не понимаю …

— Говорю вам, вы не знаете Толленда Стьюарта, — хмуро проговорил доктор. — Он подозревал их, но не мог выбросить из головы опасение, что у него действительно рак. Мои уверения в обратном и в том, что я сумею легко вылечить его язву — во всех других отношениях он был абсолютно

здоров — и подсказали ему оригинальную идею. Он вспомнил, как шарлатаны пугали его скорой смертью через год или два. Вот он и нанял меня, заявив, что ему понравилась моя честность, и если я сумею поддержать его жизнь в течение не менее десяти лет — то есть в пять раз дольше, чем обещали ему другие — то меня ожидает крупное вознаграждение.

— Китайская система. Врач получает жалование только пока его пациент находится в добром здравии.

— В добром здравии! — фыркнул доктор Джуниус. — Да старик здоров, как бык! Я за короткий срок вылечил его язву, и с тех пор, кроме легкого насморка, он ничем не болел!

— Но всевозможные лекарства, порошки и микстуры у его кровати…

— Подкрашенная водичка и успокаивающие пилюли в сахарной оболочке. Неприятная, но необходимая предосторожность. Я не пользовался нормальными лекарствами из моей небольшой аптечки вот уже в течение восьми лет. Я вынужден поддерживать в нем веру в его воображаемые болезни, иначе он в два счета вытурит меня из дома!

— И в таком случае вы не получите свои сто

тысяч, когда он умрет.

Доктор в отчаянии взмахнул руками:

— Когда он умрет! Насколько я могу судить, он доживет до девяноста! Все шансы за то, что он меня переживет, и я получу за долгие годы моих мытарств здесь две строчки в газетном некрологе!

— Но разве он не платит вам еще и годовое содержание?

— О, разумеется, и довольно приличное, — пожал плечами доктор. — Но, к сожалению, у меня от него ничего не остается. Если мне не удается время от времени улизнуть в Лос-Анджелес, я становлюсь просто помешанным А стоит мне только попасть туда, все мои денежки вылетают в трубу — то на рулетку, то на бега. А недавно я здорово проигрался на бирже…

— Не у Алессандро случайно? — неожиданно спросил Эллери.

Доктор прищурился на изрезанный скалистый горизонт.

— Вам приходилось желать в жизни чего-нибудь очень сильно?

— Довольно часто,

— Я рано понял, что из моей медицинской карьеры ничего не получится. Не тот характер. А

вот чего я больше всего желал, и чего мне всегда недоставало из-за отсутствия денег, так это свободного времени…

— Свободного времени? Для чего?

— Чтобы писать! У меня есть что сказать миру. Много чего сказать! — Он стукнул себя в грудь: — Все это заперто здесь и не выйдет отсюда, пока мой разум не освободится от финансовых проблем, и я не обрету свободное время и чувство уверенности в завтрашнем дне!

— Но здесь, наверху…

— Что здесь, наверху? — гневно перебил его Джуниус. — Уверенность? Время? Я здесь узник! Я с утра до вечера на ногах, угождая этому старому дураку, готовя ему еду, вытирая нос, бегая по его поручениям, убирая его дом… Нет, мистер Квин, я не могу писать здесь. Все, что я могу здесь делать, это носиться как угорелый на побегушках и страстно желать, чтобы он когда-нибудь сломал себе шею во время охоты на кроликов!

— По крайней мере, вы искренни, — заметил Эллери.

На лице доктора отразился внезапный испуг. Он торопливо пробормотал: — До свидания! — и побрел в сторону скрытого за деревьями дома.

— До свидания, — серьезно ответил Эллери и

поднялся в ожидавший его самолет.

Глава 16
Мистер Квин — предатель

В субботу утром Эллери сидел за столом в своей крохотной кухне, одетый в халат и пижаму, деля свое внимание между коричневыми ломтиками гренков, утренней газетой, сообщающей о развитии событий в деле Ройла-Стьюарт, сводившемся к нулю, и потрепанной книжкой в бумажной обложке, озаглавленной «Предсказание судьбы по картам». Зазвонил телефон.

— Квин! — голос в трубке звучал весьма нетерпеливо. — Что она сказала?

— Кто что сказал?

— Бонни. Вы все устроили, как я просил?

— Ах, Бонни! — Эллери мучительно пытался собраться с мыслями. — Видите ли, Тай, у меня для вас плохие новости.

— Что вы имеете в виду?

— Она не желает поверить ни одному моему слову. Она все еще убеждена, что именно ваш отец посылал ее матери те дурацкие письма.

— Да как она может! — взвыл Тай. — Это же бессмысленно! Вы рассказали ей о компании

почтовых пересылок и обо всем остальном?

— О, конечно! — солгал Эллери. — Но от женщин нельзя ожидать здравого смысла, Тай; человек с вашим опытом должен был бы знать об этом. Почему вы не хотите оставить Бонни, как абсолютно безнадежный номер?

Трубка молчала; Эллери почти видел воочию, как сжались зубы Тая и узкая мальчишеская челюсть упрямо выдвинулась вперед.

— Я не мог ошибаться, — с упорством отчаяния проговорил наконец Тай. — Она полностью выдала себя. Она меня любит. Я знаю, что любит!

— Глупости: она ведь актриса! Любая женщина таит в себе нечто от мима, но если это к тому же ее профессия…

— С каких это пор вы так много знаете о женщинах? Уверяю вас, она не притворялась!

— Послушайте, Тай, — с наигранным нетерпением сказал Эллери. — Я ужасно устал и плохо соображаю в такую рань. Вы меня спросили, я ответил.

— В свое время я целовал немало девушек, — пробормотал Тай, — чтобы не понять, когда с вами искренни, а когда нет.

— Так говорил Казанова[56], — вздохнул Эллери. — Я все еще продолжаю думать, что вам следует отправиться на каникулы. Садитесь-ка в самолет и слетайте на пару недель в Нью-Йорк. Прогулка по горячим точкам Бродвея быстро выветрит Бонни из вашей кровеносной системы!

— Не желаю выветривать ее ниоткуда! Черт побери, если дела обстоят так плохо, я сам попытаюсь их уладить! Собственно, мне с самого начала следовало бы так поступить!

— Погодите! — встревоженно воскликнул Эллери. — Не ищите неприятностей на свою голову, Тай!

— Я знаю, если я поговорю с ней, обниму ее снова…

— …то получите нож между лопаток, — вы этого хотите? Она опять начала получать письма.

— Опять? — недоверчиво переспросил Тай. — Но я думал, мы выгребли всю кучу из той пересыльной конторы?

— Она показала мне одно, которое пришло вчера. Адресованное ей.

— Ей?

— Да, и с пиковой семеркой внутри. «Враг».

---

[56] Примечания: 56

Намек на знаменитый философский трактат Фридриха Ницше «Так говорил Заратустра».

— Но если оно было отправлено в четверг вечером — а мы знаем, что оно не могло быть послано из конторы Луси, — то разве это не лучшее доказательство того, что отец здесь ни при чем?

— О, она знает, что ваш отец не мог послать его, — в отчаянии проговорил Эллери. — Дело обстоит значительно хуже. Она думает, что послали его вы.

— Я? — В голосе Тая звучала растерянность.

— Да, она убеждена, что затея с письмами, содержащими игральные карты, была задумана и осуществлялась семейством Ройлов. Предназначавшиеся Блайт посылались вашим отцом, а вот теперь это, очевидно, первое из новой серии, предназначенной Бонни, — вами.

— Но ведь… Послушайте, да ведь это безумие! Мною? Неужели она действительно думает, будто я…

— Говорю вам, что она не слушает доводов здравого смысла. Вам никогда не удастся оправдаться в ее глазах, Тай. Перестаньте зря тратить время.

— Но она не должна думать, будто я ее преследую! Я обязан найти способ, чтобы убедить ее…

— Разве вам не известно, что единственный, по-настоящему не поддающийся никакому воздействию материал во вселенной — это идея,

укоренившаяся в дамских мозгах? Ей хоть кол на голове теши, толку никакого! Не хочу, чтобы вы подумали, будто я специально меняю тему разговора, но у вас есть пишущая машинка?

— А? — не понял Тай.

— Я спрашиваю: есть ли у вас пишущая машинка?

— Да, есть. Но…

— А где она?

— В моей гардеробной в студии.

— Куда вы сейчас направляетесь?

— К Бонни.

— Тай, — Эллери поморщился от собственного вероломства, — не надо. Послушайтесь моего совета. Вам может… грозить опасность.

— Опасность? Что вы имеете в виду?

— Вы прекрасно понимаете английский язык.

— Эй, какого черта? — раздался в трубке резкий голос Тая. — Вы пытаетесь убедить меня в том, что Бонни… Вы либо шутите, либо сошли с ума!

— Сделайте мне одолжение. Не общайтесь с Бонни до тех пор, пока я не скажу вам, что это безопасно.

— Но я не понимаю, Квин!

— Вы должны мне обещать.

— Но…

— Я не могу сейчас объяснить. Так даете слово?

Тай долго молчал, наконец хмуро проговорил: — А, ладно! — и повесил трубку.

Эллери сделал то же, утирая вспотевший лоб. Пронесло! Сам зеленый новичок в лаборатории любовной алхимии, он только начал открывать для себя, какими могучими магнетическими свойствами обладает большое чувство. Черт бы побрал этого упрямою мальчишку! И в то же время, где-то в глубине души мистер Квин ощущал жгучий и тяжкий стыд. Из всех черных дел, которые он совершал ради достижения справедливости, это, несомненно, было самым черным!

Вздохнув, он побрел назад в кухню, чтобы продолжить изучение научного трактата о предсказании судеб и держать ответ перед Звездной Палатой[57] собственной совести за невольные прегрешения против истины и морали.

Зазвонил дверной звонок.

Эллери рассеянно повернулся, подошел к двери и отворил ее.

На пороге стояла Бонни.

---

[57] Примечания: 57

Звездная Палата (Star Chamber) — высшее судебное учреждение в Англии (1487–1641); заседало в зале с потолком, украшенном звездами.

* * *

— Бонни! Ну-ну… Заходите.

Бонни вся светилась оживлением и радостью. Она влетела в комнату, бросилась на диван и взглянула на него пляшущими от восторга глазами.

— Какой чудесный денек сегодня, правда? И какой чудесный на вас халат, мистер Квин! За мной всю дорогу следовал тот самый черный закрытый автомобиль — а я не обращала на него внимания, кто бы в нем ни сидел! — и случилась самая чудесная вещь в мире!

Эллери медленно закрыл входную дверь. Что опять ожидало его?

Тем не менее, он ухитрился изобразить приветливую улыбку:

— Во всем этом деле имеется, по крайней мере, одна привлекательная сторона: благодаря ему я ежедневно встречаюсь с одной из самых очаровательных девушек нашего времени!

— Самых счастливых! — рассмеялась Бонни. — А вы пытаетесь соблазнить меня такими старомодными приемчиками? О, я чувствую себя такой счастливой, что даже неприлично! — Она попрыгала на мягких подушках дивана. — А вы

не хотите спросить меня, в чем дело?

— Так в чем дело?

— Случилась чудесная вещь!

— Отлично, — без особого энтузиазма сказал Эллери. — И что же это за вещь?

Бонни открыла сумочку. Эллери наблюдал за ней. Черты ее лица носили на себе следы таких опустошительных переживаний, что ни ее нынешнее веселое настроение, ни искусство грима, преподанное лучшими импресарио, не могли их скрыть. Щеки ее ввалились, словно после тяжелой болезни, а глаза окружали фиолетовые тени. Казалось, она перенесла серьезный недуг, и врачи только что сообщили ей, что она будет жить и скоро пойдет на поправку.

Бонни достала из сумочки конверт и протянула его Эллери. Он взял его, нахмурясь; почему получение очередного угрожающего послания так необычно повлияло на ее настроение? Недоброе предчувствие холодком пробежало по его спине, когда он раскрыл конверт и извлек из него игральную карту. Это была четверка пик.

Он мрачно уставился на карту. Так вот оно что! Если он правильно помнил смысл расшифровки…

— Не надо идти за желтым листком! — ожив-

ленно сказала Бонни. — Я уже выучила все значения карт наизусть. Четверка пик означает: «Не связывайтесь с тем, в ком сомневаетесь» Какая прелесть, правда?

Эллери сел рядом с ней на диван, внимательно осматривая конверт.

— Вы недовольны? — удивилась Бонни. — Не представляю, почему!

— Возможно потому, — пробормотал Эллери, — что я не могу понять, в чем именно кроется прелесть этого письма?

Глаза Бонни широко раскрылись.

— Но здесь же сказано: «Не связывайтесь с тем, в ком сомневаетесь», — обрадованно заявила она. — Как же вы не понимаете? А я думала, что эту карту послал мне вчера Тай!

Бонни, Бонни! Эллери был вне себя от злости. Сначала Тай, теперь Бонни… Только самый последний негодяй в мире мог бы попытаться стереть блаженную улыбку с ее изможденного лица, первый проблеск истинного счастья, засиявший на нем после бесконечно длинной недели сомнений и страданий, печали и смерти.

И тем не менее, сделать это было необходимо. Жизненно важно было стереть счастливое выражение с ее лица. Несколько секунд Эллери

боролся с искушением рассказать ей всю правду. Это остановило бы Бонни, если он правильно оценивал ее характер. Но она ни за что не смогла бы сохранить секрет от Тая. А стоило Таю узнать…

Эллери взял себя в руки.

— Не вижу, чему вы так радуетесь, — сказал он, вкладывая в свои слова значительную долю иронии.

— Что вы хотите сказать? — насторожилась Бонни.

— Вы сказали, что подумали, будто Тай отправил вам вчера эту карту. Что же заставило вас изменить свое мнение?

— Как что? Да эта самая карта, которую вы держите в руках!

— Не могу уловить смысл ваших рассуждений, — холодно возразил Эллери.

Улыбка на ее лице погасла.

— Вы говорите, что не понимаете… — Она решительно встряхнула головой. — Да вы просто дразните меня! На свете есть только одна личность, в ком я могла бы усомниться, и в ком сомневалась. Это Тай!

— Ну и что?

— Неважно, кто послал мне эту карту; ее смысл ясен: она предупреждает меня, чтобы я ничего

общего не имела с Таем. Разве вы не видите? — воскликнула она, и щеки ее опять порозовели. — Разве вы не видите, что это полностью снимает подозрения с Тая, что он не мог послать мне такое предупреждение? Стал бы он предупреждать меня против себя самого, если бы стоял за всем этим заговором?

Бонни замолкла, торжествующе глядя на Эллери.

— При определенных обстоятельствах — да, стал бы.

Улыбка блеснула и исчезла окончательно. Бонни опустила глаза и принялась бесцельно сгибать и разгибать ремешок своей сумочки.

— Надеюсь, — тихо проговорила она, — вы понимаете, о чем вы говорите. Я… я не очень-то разбираюсь в подобного рода вещах. Мне просто кажется, что…

— Тай дьявольски умен, — безучастно произнес Эллери. — Он знает о том, что вы его подозреваете, и поэтому послал вам единственное послание, рассчитанное на то, чтобы рассеять ваши подозрения. Чего он, как я вижу, и достиг!

Эллери встал с дивана, не в состоянии больше видеть, как Бонни сгибает и разгибает ремешок своей сумочки. В то же время он заметил, что

она снова подняла глаза и со странной прямотой взглянула на него — печальным, вопрошающим взглядом, заставившим его ощутить себя последним преступником.

— Вы в самом деле верите этому? — спросила Бонни.

— Подождите, — отрывисто бросил Эллери. — Я докажу вам.

Он заперся в спальне и начал торопливо одеваться. Поскольку так было легче, он старался ни о чем не думать.

Бонни отвезла его на киностудию «Магна», и когда она ставила свой родстер в гараж, он спросил:

— Где находится гардеробная Тая?

— О! — вздохнула она и без лишних слов повела его к маленькой, усаженной деревьями улочке каменных домиков, Возле одного из них она остановилась и поднялась на крыльцо. На двери висела табличка с именем Тая Ройла. Дверь была незаперта. Они толкнули ее и вошли.

На столе рядом со стулом стояла стандартных размеров пишущая машинка. Бонни неподвижно замерла на пороге Эллери подошел к машинке, вынул из кармана чистый лист бумаги и торопливо напечатал несколько строчек. Затем он

вернулся с листком к Бонни и достал из кармана конверт, который она недавно получила.

— Очень просто, — ровным голосом произнес он. — Вот, Бонни, сравните образцы шрифтов. Заметили дефектные буквы «б», «д» и «т»? Вроде как бы стертые? — Он не сказал, что, как и «р» и «г» в портативной машинке Джека Ройла, дефектные литеры в машинке Тая были недавно — и явно! — подпилены. — И шрифт «элите», что редко встречается в стандартных, а не портативных пишущих машинках.

Бонни подошла и взглянула, но не на листок с текстом, а на сами рычаги машинки. Она нажала на клавишу «б» и осмотрела литеру, потом на «д», потом на «г».

— Теперь я вижу, — сказала она наконец.

— Здесь трудно усомниться. Оба адреса — на конверте, полученном сегодня, и на том, что пришел вчера, — напечатана на этой машинке.

— Как вы догадались? — спросила она, глядя на него все с тем же странным вопрошающим выражением.

— Мне показалось это весьма вероятным.

— Тогда здесь должна находиться и копия таблицы со значением карт. Без нее заниматься пересылкой карт невозможно.

— Умница! — Эллери покопался в ящике письменного стола. — А вот и она! Похоже, третий или четвертый отпечаток под копирку.

Он протянул ей листок для ознакомления, но она продолжала глядеть ему в лицо.

— Как вы собираетесь поступить? — голос Бонни был холоден и спокоен. — Передать Тая инспектору Глюке?

— Нет-нет, это было бы преждевременным! — поспешно сказал Эллери. — Нет настоящих улик для обвинения.

Она ничего не возразила.

— Бонни, не говорите никому о том, что мы обнаружили, ладно? И держитесь подальше от Тая. Вы слышите меня?

— Слышу, — сказала Бонни.

— Так далеко, как только сможете… — Бонни не отвечала. — Куда вы сейчас направляетесь? — Бонни открыла дверь. — Будьте осторожны! — Она бросила на него долгий пристальный взгляд, в самой глубине которого таился — что было совершенно непонятно — откровенный ужас.

Шаги ее все убыстрялись. Через полквартала она уже бежала бегом.

Эллери хмуро следил за ней. Когда она исчезла за углом, он открыл дверь и опустился на стул.

«Хотел бы я знать, — со вздохом подумал он, — какое наказание причитается за убийство любви...»

Глава 17
Danse amoureuse[58]

Мистер Квин сидел в прохладной гардеробной Тая и размышлял. Он сидел и размышлял довольно продолжительное время. По многим направлениям расследование шло удовлетворительно — да, вполне удовлетворительно! Но вот в главном оно было явно неудовлетворительным, причем в самом главном.

— Все та же старая история, — ворчал он про себя. — Найдешь орех, так нечем его расколоть! А может быть, сейчас надо просто выжидать? Думай, приятель, думай!

И мистер Квин думал. Прошел час, за ним второй. Мистер Квин продолжал думать. Но все было бесполезно.

Он поднялся на ноги и потянулся, чтобы расправить оцепеневшие мускулы. Все дело застыло, как фруктовое желе — гладкое и блестящее, оно лежало перед его умственным взором, удовлетворяя всем капризам его критического аппетита. Задача, которую он не мог разрешить, заключа-

---

[58] Примечания: 58
Любовный танец (*фр.*).

лась в том, как подцепить ого деликатное блюдо и не разрушить его, превратив в липкую, расползающуюся, аморфную массу.

Горячо надеясь на то, что его посетит, наконец, вдохновение, мистер Квин покинул бунгало и студию и вернулся на такси в отель. Из своего номера он позвонил портье и распорядился вывести из гаража его двухместный автомобиль. Пока он собирал всю коллекцию писем с игральными каргами и укладывал ее под крышкой футляра портативной пишущей машинки Джона Ройла, зазвонит телефон.

— Квин? — раздался в трубке голос инспектора Глюке. — Немедленно явитесь ко мне в офис! Немедленно, слышите?

— Слышу ли я? Когда вы так орете!

— Погодите, это еще только цветочки! Потрудитесь прибыть сюда со всей скоростью, на которую способны ваши шустрые ноги!

— М-м… — протянул Эллери. — Брать с собой пижаму и зубную щетку?

— Вас давно следовало бы посадить за решетку! Поторапливайтесь!

— Собственно говоря, я как раз собирался к вам. Глюке…

— Вы можете обвести вокруг пальца собствен-

ного отца! — ревел инспектор. — Даю вам полчаса. Ни минуты больше’

И он повесил трубку.

Эллери тяжело вздохнул, защелкнул крышку пишущей машинки, спустился вниз, сел в автомобиль и направился в центр Лос-Анджелеса.

* * *

— Итак? — спросил мистер Квин ровно полчаса спустя.

Инспектор Глюке сидел за письменным столом, раздувая крепкие щеки и ухитряясь выглядеть разъяренным и обиженным одновременно. Дышал он тяжело и сердито.

— Что это у вас? — прорычал он, указывая на пишущую машинку.

— Я первый задал вопрос, — скромно возразил Эллери.

— Садитесь и перестаньте острить! Видели сегодняшнюю газету Полы Пэрис?

— Нет.

— Вы что, не читаете по-английски? Или наши газеты недостаточно для вас шикарны? Ведь вы же литератор, в конце концов!

— Ха-ха, — сказал Эллери. — Это замечание, насколько я понял, должно было сразить меня

наповал. Ну, давайте, выкладывайте побыстрее!

Глюке швырнул Эллери газету. Эллери поймал ее, наморщив лоб, и принялся читать абзац в колонке Полы Пэрис, отмеченный красным карандашом.

— Что вы об этом скажете?

— Скажу, что ока великолепна! — мечтательно произнес Эллери. — О, миледи Пола! Женщина с головой на плечах. Глюке, скажите откровенно: вы когда-нибудь встречали женщину, до такой степени сочетающую в одном лице интеллект, красоту -и очарование?

Инспектор хлопнул ладонью по столу так, что все на нем подскочило и задрожало.

— Вы считаете себя чертовски умными — вы, и эта язва газетчица! Квин, я не скрываю, что вы довели меня до бешенства. До бешенства, понимаете? Когда я прочел эту статейку, у меня возникло желание тут же выписать ордер на ваш арест! Я не шучу!

— Ищете козла отпущения, да? — сочувственно спросил Эллери.

— Прибрать к рукам все эти письма! Держать их от меня в секрете целую неделю! Выдать себя за детектива из Главного управления!

— Быстро работаете, — одобрительно заметил

Эллери. — Ведь она, в сущности, упоминает здесь только о том, что Блайт Стьюарт получала анонимные письма, и что они посыпались через агентство почтовых пересылок. Отличная работа, Глюке!

— Нечего меня нахваливать! В городе одно единственное агентство заказных почтовых услуг, и я вытащил вашего знакомого Луси сюда, на ковер, всего лишь несколько минут тому назад. Он все рассказал мне о вас — я сразу вас узнал по его описанию. И вы оставили ему свое имя и номер телефона в гостинице. Какая самоуверенность! Но зато у меня не осталось сомнений в его искренности. Полагаю, остальные двое были Тай и Лу Бэском, как следует из описания Луси.

— Великолепно!

— Я произвел обыск в доме Стьюарт — никаких писем; поэтому я догадался, что они у вас. — Вид у инспектора был такой, словно он вот-вот заплачет. — Никогда бы не подумал, что вы способны сыграть со мной такую гнусную шутку! — Он вскочил на ноги и закричал: — Выкладывайте!

Эллери нахмурился:

— Стыдно признаться, но неизбежность, с которой любые секреты рано или поздно укладываются в газетную колонку Полы Пэрис, начинает

вгонять меня в дрожь. Откуда, черт побери, добывает она свою информацию?

— Наплевать мне, откуда! — заорал Глюке. — Я даже не звонил ей сегодня утром — все равно без толку! Послушайте, Квин, собираетесь ли вы отдать мне эти письма, или мне придется посадить вас в каталажку?

— Ах, письма! — Эллери небрежно лягнул футляр, стоявший у него между ног. — Вы найдете их здесь, вместе с картами и пишущей машинкой, на которой мерзавец печатал кодовую таблицу и письмо в международную компанию почтовых пересылок.

— Карты? Кодовая таблица? — остолбенело уставился на него Глюке. — Пишущая машинка? Чья пишущая машинка?

— Джека Ройла.

Инспектор свалился на стул и пощупал ладонью лоб

— Ладно, — сдавленным голосом проговорил он. — Давайте вашу историю. Я ведь возглавляю Отдел по расследованию убийств. Так что дайте мне только намек, короткую подсказку… Да не тяните же, выкладывайте! — заорал он вне себя.

Эллери, усмехаясь, выдал ему всю историю. Он приступил к подробному изложению, начав

с начала — с самого начала, когда он заполучил первые две карты от самой Блайт Стьюарт в доме Джека Ройла, — и закончив сообщением о новой серии писем, адресованных Бонни.

Инспектор сидел молча, уставясь на пишущую машинку. на желтую таблицу с расшифровкой значения карт, на сами карты, на конверты.

— И когда я обнаружил, что адреса на конвертах двух писем Бонни отпечатаны на машинке Тая, — пожал плечами Эллери, — все стало на свои места. Я как раз собирался ехать к вам, Глюке, с полным набором улик, когда вы мне позвонили.

Инспектор встал из-за стола и, ворча себе под нос, сделал круг по комнате.

Затем он вызвал секретаря:

— Отправьте этот хлам к Бронсону, пусть он проверит его и не забудет про отпечатки пальцев!

Когда служащий ушел, инспектор возобновил кружение по комнате. Наконец, утомившись, он опять сел за стол

— Сказать вам по правде, — признался он, — вся эта идиотская белиберда мало что означает для меня. Письмо, подписанное Смитом, конечно, фальшивка: просто хитрый способ замести следы. Единственный вывод, который я сделал из

этой чехарды с анонимными письмами и игральными картами, заключается в том, что кто-то задумал прикончить Блайт, и что потом некие обстоятельства заставили «Смита» включить в свои планы и Джека.

— Весьма существенный пункт, — заметил Эллери.

— Но почему Джек был убит? Зачем вообще посылались эти предупреждения? — Инспектор развел руками. — И что за идея начать все по новой с Бонни Стьюарт? Погодите! — Глаза его внезапно сузились. — Так вот почему вы заставили меня вести за ней наблюдение днем и ночью?

— Если вы помните, я просил вас следить за ней до того, как ей было послано первое предупреждение.

— Тогда почему…

— Считайте это предчувствием. Игральные карты, полученные Бонни, впоследствии подтвердили его справедливость.

— Значит, теперь выбор пал на нее, — пробормотал Глюке. — Ничего не понимаю!

— Вы видели ее сегодня?

— Я пытался найти ее, когда узнал об этих анонимных письмах, но ее не было дома, а мои люди мне еще не докладывали. Собственно говоря,

Ройла тоже нигде нет.

Холодный озноб пробежал по спине Эллери:

— Вы не смогли бы найти Тая?

— Нет. — На лице инспектора отразилось удивление. — Послушайте, не думаете же вы, что он стоит за этими письмами? Что он тот самый… — Глюке опять вскочил из-за стола. — Конечно! Вы сами сказали, что последние послания Бонни были отпечатаны на его машинке! — Он схватил телефонную трубку. — Миллер! Мигом слетайте в «Магну» и привезите оттуда пишущую машинку из гардеробной Тая Ройла. Осторожно с ней — помните об отпечатках!

Он повесил трубку, довольно потирая руки:

— Конечно, придется действовать аккуратно. Доказав, что Тай Ройл посылал карты, мы еще не докажем, что он совершил двойное убийство, но все равно, дело сдвинулось с мертвой точки. Мотивов достаточно…

— Вы считаете, что Тай убил также и собственного отца?

Глюке смущенно пожал плечами.

— Ну, я ведь сказал, что придется действовать аккуратно. Надо выяснить множество вопросов. Держите язык за зубами, Квин, пока я запущу машину в действие!

— О, разумеется! — сухо бросил Эллери.

Инспектор довольно усмехнулся и торопливо выбежал из кабинета. Эллери задумчиво курил сигарету. Вернувшийся инспектор сиял от переполнявшей его энергии.

— Мы найдем его в два счета! Установим за ним круглосуточную стежку, так, чтобы он ничего не заподозрил. Прочешем весь его дом частым гребнем. Может быть, подвернется что-нибудь, связанное с морфием или этаминалом натрия, — проверим все его перемещения и поездки за несколько недель, посещение аптек, приобретение лекарств и так далее. В качестве старта это неплохо.

— Разумеется, вы понимаете, что Тай не мог быть тем замаскированным летчиком, — указал Эллери.

— Конечно нет, но он мог нанять кого-нибудь для отвода глаз. Прекрасная отговорка: нападение, угроза револьвером, кляп во рту, связанные руки и нош. Да еще девица в качестве свидетеля!

Эллери тяжело вздохнул:

— Жаль мне гасить ваш энтузиазм, Глюке, но вы ошибаетесь от начала к до конца.

— Я? Ошибаюсь? Как так? — удивился Глюке.

— Тай никогда не посылал этих писем, точно

так же, как и Джек никогда не посылал писем Блайт.

Инспектор в растерянности прикусил большой палец:

— Откуда вы взяли? — Он выглядел крайне разочарованным.

— Вы можете осмотреть, — медленно проговорил Эллери, — литеры «р» и «г» на этой машинке.

Глюке, нахмурясь, последовал его совету.

— Подпилены!

— Совершенно верно. И когда вы обследуете машинку Там, то обнаружите, что литеры «б», «д» и «т» подпилены подобным же образом. Умышленная порча литер преследует только одну цель — помочь определить и обнаружить машинку по образцам шрифта. Так кому надо было, чтобы поскорее нашли машинку Джека Ройла, на которой была напечатана таблица значения карт для расшифровки анонимных писем? Джеку Ройлу? Вряд ли, если он сам их посылал. То же касается Тая и его пишущей машинки.

— Понятно, — раздраженно отмахнулся Глюке. — Специально подстроено, клянусь Богом!

— Таким образом, мы можем быть уверены в нескольких вещах Во-первых, Джек Ройл не

посылал Блайт Стьюарт угрожающие предупреждения в виде игральных карт. Во-вторых Тай Ройл не посылал игральных карт Бонни Стьюарт. И в третьих — согласно теории вероятности — одинаковый метод порчи обеих машинок путем подпиливания литер свидетельствует о том, что это делал один человек, а следовательно, он же и посылал обе серии писем — и Блайт, и Бонни.

— Но он же подставил двоих!

— Посмотрите, что мы имеем. Оригинальный план заключается в убийстве Блайт и в обвинении Джека, для чего придумана процедура посылки в общем-то несерьезных, но запоминающихся своей необычностью предупреждений, с помощью которых был проложен след к пишущей машинке Джека Ройла.

— Однако Джек тоже был убит!

— Да, но нам также известно, что убийца изменил свой первоначальный замысел. В силу тех или иных причин он вынужден был убить Джека и отказаться от идеи обвинить его в преступлении, поскольку тот сам оказался его жертвой.

— Но карты ведь продолжали приходить!

— Потому что убийца запустил механизм их отправки и не захотел рисковать, пытаясь его остановить. А теперь подумайте, Глюке. О чем

свидетельствуют факты? Планы убийцы изменились. Джек мертв. Затем карты начинают приходить к Бонни. Если бы осуществился первоначальный замысел, то естественно было бы предположить, что подозрение по-прежнему падало бы на Джека. Но поскольку Джека кет в живых, кош-то надо обвинить в пересылке Бонни анонимных угроз. Кош же? Что ж, теперь мы знаем — для этой цели был выбран Тай. Так что все сводится к одному.

— Продолжайте, — настойчиво потребовал инспектор.

— Некто использует вражду между Ройлами и Стьюартами в качестве мотива, лежащего в основе преступления. Он навязывает вам готовые факты и решения. Отсюда следует сделать вывод, что вражда мотивом быть не может.

— А пилот?

Эллери задумался.

— Нашли какие-нибудь следы пшюта?

— Проклятый призрак прост исчез. Мы продолжаем поиски. Я сам уже начинаю терять надежду… — Он настороженно посмотрел на своего собеседника: — Вам известно, что мы сняли подозрения с Алессандро?

— Сняли подозрения? — Брови Эллери удивлен-

но полезли вверх.

— Сто десять тысяч, которые Джек ему задолжал, действительно были уплачены. Факт абсолютно достоверный.

— А вы разве сомневались?

Инспектор подозрительно взглянул на Эллери:

— Так вы знали!

— Честно, признаться, знал. А у вас откуда такие сведения?

— Проверили банковские счета. Обнаружили, что Джек утром в четверг получил в банке по чеку сто десять тысяч долларов.

— Но только не в своем банке, конечно: там ему чек на такую солидную сумму не оплатили бы так быстро. В банке Толлена Стьюарта?

— Откуда вы знаете? — взорвался Глюке.

— Догадался. Я знаю, что чек был выписан стариком Стьюартом тринадцатого числа. Знаю, потому что сам вчера спрашивал старою ворчуна об этом.

— А как получилось, что Стьюарт выложил Джеку такую кучу монет? Ведь Джек для него ничего не значил. Или я ошибаюсь?

— Пожалуй, нет. Это дело рук Блайт. Она потащила Джека в ту среду с собой к отцу, выпросила у него денег — для Джека, не для себя. Старик

сказал, что дал ей денег, чтобы избавиться от них обоих.

— Звучит достаточно неправдоподобно, чтобы оказаться правдой. Даже если бы и не это было главной причиной, подпись под чеком настоящая. Мы знаем, что старый скряга выписал чек на эту сумму.

— Что-нибудь еще выяснилось?

— Ничего. Наша версия насчет подружек Джека провалились; у каждой из них твердое алиби. А относительно яда — никаких следов.

Эллери задумчиво барабанил пальцами по подлокотнику кресла. Глюке поморщился:

— Но вот по поводу этой ловушки для Тая. Если она действительно направлена против него, то посылать Бонни такую карту, которую она получила в последний раз, было сверхъестественной глупостью! Во всяком случае, мы имеем дело с чертовски странным типом.

— Со странным типом, подмешивающим морфий в коктейль людям и посылающим им дурацкие письма. Удивительно, правда?

— Может быть, — с надеждой произнес инспектор, — нам что-нибудь сумеет прояснить история с гаданием? Я знаю, что Блайт была слегка помешана на подобного рода штучках, как и

большинство здешних чокнутых дамочек!

— Ни один уважающий себя гадальщик и предсказатель не потерпит того чудовищного винегрета, рецепт которого заключен в желтой таблице карточных символов.

— Как вы сказали?

— Я слегка порылся в материалах по оккультным наукам. То немногое, что я прочел, убедило меня, что ни один профессиональный предсказатель судьбы или даже тот, кто хоть мало-мальски смыслит в гадании, не мог посылать эти карты.

— Вы хотите сказать, что значение каждой карты в таблице попросту взяты с потолка?

— О, значение карт достаточно достоверные. Единственная вольность, которую позволил себе отравитель и которую мне удалось обнаружить, относится к девятке треф: в одной из систем ворожбы она означает «предупреждение». Наш приятель Эгберт немного подправил смысл, переделав его в «последнее предупреждение». В остальном значения карт совпадает с теми, что находятся в любой литературе по данному вопросу. Суть дела в другом: значения карт в желтой таблице представляют собой невероятную мешанину из нескольких различных систем — таковых много, к вашему сведению. Некото-

рые взяты из системы с пятьюдесятью двумя картами, некоторые с тридцатью двумя, одно из так называемой системы «двадцать одно», и так далее. Также не принято в расчет различное значение открытых и перевернутых карт; нет ссылок на специфические методы гадания, такие как заклинание, предсказание, старое английское, романское, колдовское, цыганское, или на специфическую раскладку, как например: Ряды из девяти, Любовный ряд, Счастливая Подкова. Пирамида, Колесо Судьбы. К тому же, разорвать карту пополам, чтобы перевернуть с ног на голову ее значение — совершеннейшее новшество нашего друга Эгберта, о чем я не смог нигде найти никаких указаний. Кроме того…

— Ради Бога, хватит с меня ваших фокусов-покусов! — взмолился инспектор, хватаясь за голову.

— Надеюсь, — сказал Эллери, — я ясно выразил свою точку зрения?

— Вся ваша дьявольская тарабарщина, — простонал инспектор, — перемешалась у меня в мозгах в одну сплошную головную боль!

— La vie[59], — философски заметил Эллери и вышел из кабинета.

---

[59] Примечания: 59
Такова жизнь (*фр.*).

* * *

Он отправился прямо на Голливудские холмы, как верный голубь в голубятню. Один лишь взгляд на белый каркас дома успокоил его мятущийся дух и набросил покрывало на его взъерошенные мысли.

Пола помогла ему охладить свой пыл, выдержав целых двадцать минут в приемной, и успешно нейтрализовав благотворное воздействие, оказанное на него ее домом.

— Как вы можете так со мной обращаться? — с упреком сказал ей Эллери, когда секретарша впустила его в комнату Полы. Он буквально пожирал ее глазами. Она была одета во что-то гибкое и облегающее и выглядела бесподобно. Поразительно, но всякий раз, когда Эллери встречался с Полой, он открывал в ней все новые неотразимые черты. Вот, например, ее левое веко с крохотным прелестным родимым пятнышком на нем. Просто восхитительно! Оно привлекало внимание к ее глазам, подчеркивая их характерные особенности. Он схватил ее за руку.

— Как я с вами обращаюсь? — смущенно спросила Пола.

— Заставляете меня ждать. Пола, вы такая оча-

ровательная, что я готов вас съесть!

— Каннибал! — засмеялась она, пожимая ему руку. — Чего же вы могли ожидать, являясь к даме без предупреждения?

— А какая разница?

— Разница? Вы действительно такой глупый, или притворяетесь? Разве вы не знаете, что женщина только и ждет предлога, чтобы поменять платье?

— Ах, вот вы о чем! Ради меня вам не стоит прихорашиваться.

— Я вовсе не прихорашиваюсь для вас! Это самая старая из моих тряпок…

— Древняя поговорка! И вы пользуетесь губной помадой. Я не люблю губную помаду!

— Мистер Квин! Бьюсь об заклад, вы еще носите длинное нижнее белье!

— Женские губы бесконечно более привлекательны в своем естественном виде. — В качестве доказательства он потянулся к ней своими губами.

— Ладно, все остается, как есть, — торопливо сказала Пола, отстраняясь. — О, вы меня выводите из себя! Я всякий раз напоминаю себе, что должна обращаться с вами холодно и неприступно, как королева, а вам всегда удается заставить меня

почувствовать себя глупой маленькой девочкой во время первого свидания! Садитесь, негодник, и говорите сейчас же, зачем вы пришли.

— Увидеть вас, — быстро сказал Эллери.

— Обойдемся без подобных штучек! У вас никогда в жизни не было открытых, честных, незаинтересованных помыслов. В чем они заключаются на сей раз?

— Э-э… в вашей колонке сегодня промелькнула маленькая заметка. Я имею в виду те самые письма…

— Так я и знала! Ах вы, негодяй!

— Вы даже не представляете, насколько правы.

— Вы просто невежливы! Могли бы хоть разок солгать мне. Заставили бы меня поверить, что пришли только с целью повидаться со мной.

— Но ведь так оно и есть! — воскликнул Эллери, расплываясь в улыбке. — Я воспользовался историей с письмами в качестве предлога.

— Вам для всего нужен предлог! — неодобрительно заметила она.

— Пола, говорил ли я вам, как вы прекрасны? Вы женщина, о которой я мечтал еще в те дни, когда влюблялся в кинозвезд на экране. Первоклассное дополнение к моей одинокой душе. Мне

кажется…

— Вам кажется?.. — выдохнула она.

Эллери запустил пальцы за воротник рубашки.

— Мне кажется, здесь немного жарко…

— О!

— Да-да, жарко. Где у вас сигареты? Ага! Именно мой сорт. Вы просто неоценимы!

Он нервно закурил сигарету.

— Вы хотели мне что-то сказать?

— Я хотел что-то сказать? Ах, да! О статье в вашей колонке относительно писем Блайт.

— О! — разочарованно протянула она снова.

— Где вы откопали этот клад?

Пола удрученно вздохнула:

— Никаких особых секретов здесь нет. Приятель приятеля вашего приятеля мистера Луси сообщил моему информатору о вашем посещении международной компании почтовых пересылок. И таким образом это дошло до меня, как доходит почти все, что случается в этом городе. Я сложила вместе два и два…

— И получила три!

— О нет, вполне нормальную четверку. Описание было очень уж точным: худой и голодный субъект с хищным блеском в глазах — невозмож-

но ошибиться! Кроме того, вы оставили свое имя. — Она с любопытством посмотрела на него. — В чем там, собственно, дело?

Эллери рассказал ей все. Пола слушала очень внимательно, не перебивая. Когда он закончил, она потянулась за сигаретой. Эллери поднес ей спичку, и Пола взглядом поблагодарила его. Затем она нахмурилась, глядя перед собой невидящими глазами.

— Конечно, это была попытка устроить западню для Джека. Однако зачем вы просили меня продолжать расписывать в моей колонке вражду между Таем и Бонни?

— А вы не знаете?

— Если Бонни грозит опасность, то мне кажется, Тай, будучи невиновным… — Пола замолкла и подозрительно взглянула на него: — Эй, послушайте, Эллери Квин, вы что-то от меня скрываете!

— Нет-нет! — поспешно возразил он.

— Вы только что сами сказали мне, что сделали все, кроме, пожалуй, прямого похищения, чтобы держать эту пару врозь друг от друга. Почему?

— Н-ну, считайте это моим капризом. Во всяком случае, если мне будет позволено самому оценить свои действия, то думаю, что сумел добиться отличных результатов!

— Ах, вот как? Что ж, не знаю, зачем вам это понадобилось, но только я не уверена в эффективности ваших действий, мистер.

— Да?

— Именно эту часть их вы провели из рук вон плохо.

Эллери с некоторым раздражением посмотрел на нее.

— Вы так считаете? Скажите же, о многомудрая Минерва[60], как бы вы это сделали?

В прекрасных глазах Полы появилась скрытая насмешка.

— Насколько все типично! — пробормотала она. — Какой потрясающий сарказм, порожденный потрясающим эгоизмом! Сам Великий Человек снизошел до мнения простого любителя! Да еще и женщины к тому же! О, Эллери, иногда мне кажется, что вы либо умнейший человек в мире, либо самый глупый из всех!

Щеки Эллери приобрели интенсивную пунцовую окраску.

— Так нечестно, — сердито заявил он — Я признаю, что во многом вел себя как осел по отношению к вам. но что касается ситуации с

---

[60] Примечания: 60
Богиня мудрости в римской мифологии.

Бонни и Таем…

— То вы были еще большим ослом, мой милый!

— Черт побери! — воскликнул Эллери, вскакивая на ноги. — Где? Как? Вы самая невыносимая женщина из всех, кого мне доводилось встречать!

— Во-первых, мистер Квин, — улыбнулась Пола, — не кричите на меня.

— Извините! Но…

— Во-вторых, вам следовало бы посоветоваться со мной, довериться мне…

— Вам? — с горечью возразил Эллери. — Когда вы так легко можете раскрыть путаницу с похищением самолета?

— Это совсем другое. Здесь речь идет о профессиональной этике.

— Вот ваша женская логика! Совсем другое, говорите вы. Так позвольте мне заметить, Пола, что и здесь, в принципе, то же самое. Кроме того, с какой стати я должен доверяться вам? Какое основание у меня верить… — Он резко оборвал фразу на полуслове.

— Вот за это, — промолвила Пола со странным блеском в глазах, — вы будете наказаны. Нет, пожалуй, я все-таки поделюсь с вами своей муд-

ростью. Может быть, это несколько уменьшит ваше самомнение. Вы наломали дров в отношениях между Таем и Бонни, потому что не знаете женщин.

— Какое это имеет отношение?

— Ну, во всяком случае, Бонни в значительной степени женщина, а из того, что вы рассказали мне о природе ваших лживых измышлений и о реакции Бонни на них… Мистер Квин, вас ожидает самый большой сюрприз в вашей жизни. И очень скоро, как мне кажется.

— А мне кажется, — ядовито заметил Эллери, — что вы просто несете чушь.

— О, как мы рассердились! Улыбнитесь, дорогой! Ну же! У вас такой вид, будто вы готовы съесть меня целиком и вовсе не из амурных побуждений!

— Пола, — процедил Эллери сквозь зубы, — моему терпению есть границы. Вас следует проучить. Даже крыса, загнанная в угол, защищает себя!

— Какая изящная метафора!

— Пола, — громогласно заявил Эллери. — Я бросаю вам вызов!

— Боже, как официально! — засмеялась Пола. — Стоит задеть мужское тщеславие, и оно вознесется до небес! Так в чем же состоит ваш вызов?

Мистер Квин снова занял место на стуле, холодно улыбаясь:

— В том, чтобы вы сказали мне, кто убил Джека Ройла и Блайт Стьюарт! — Взгляд его стал напряженным.

Пола удивленно подняла брови:

— А вы не знаете? Вы, который знает все!

— Я спросил вас. Вы уже определили это?

— О, какая скука, — наморщила она свой маленький нос. — Если бы я захотела, то, конечно, могла бы догадаться.

— Догадаться! — пренебрежительно усмехнулся Эллери. — Разумеется, вопреки всякому здравому рассудку. В этом весь смысл. Женщина не рассуждает. Она догадывается!

— А вы, великий мудрый мужчина, вы дошли до этого просто благодаря геркулесовым потугам своего ума, да?

— Так кто же это? — настаивал Эллери.

— Скажите вы первым!

— Боже великий, Пола, вы ведете себя как ребенок!

— А почему я должна вам верить? — возразила Пола. — Вы просто скажете, что давно уже догадывались. Только не будете употреблять слово «догадывался». Скажете: «дошел путем логиче-

ского обоснования», или что-нибудь такое же заумное,

— Но во имя Всевышнего! — раздраженно воскликнул Эллери. — Я в подобных делах не основываюсь на догадках. Я пользуюсь научным подходом!

— Ничего не поделаешь! — Опять усмешка. — Вы напишите свое имя — то, до которого вы дошли научным методом, — а я напишу свое. Потом мы обменяемся записками.

— Очень хорошо, — простонал Эллери. — Вы ни во что не ставите мой интеллект. Это ребячество, но вас следует проучить, о чем я уже упоминал!

Пола засмеялась, достала два листка писчей бумаги, вручила ему карандаш, после чего повернулась к нему спиной и быстро написала что-то на своем листке. Эллери немного поколебался, затем тоже размашисто написал имя. Когда она обернулась, в глазах у него промелькнула мысль.

— Погодите, — сказал Эллери. — Предлагаю усовершенствование. Достаньте два конверта.

Она удивилась, но повиновалась.

— Вложите свой листок в один конверт, а я вложу свой в другой.

— Но зачем?

— Делайте, как я сказал!

Пола пожала печами и заклеила свой конверт с листком бумаги внутри. Эллери поступил так же. Затем он спрятал ее конверт в бумажник и передал ей свой.

— Не открывать, — мрачно заявил он, — пока нашего друга не вытащат за ушко на солнышко.

Она опять засмеялась:

— В таком случае боюсь, что он никогда не будет открыт.

— Почему?

— Потому что, — ответила Пола, — преступник никогда не будет пойман.

— Неужели? — усомнился Эллери.

— О, я это знаю! — заявила Пола.

Долгое время оба молча глядели друг на друга. Насмешка в ее глазах стала еще заметнее.

— И почему вы так уверены? — спросил наконец Эллери.

— Отсутствие доказательств — даже малейших улик, которые можно было бы предъявить суду. Если, конечно, вы ничего от меня не утаиваете.

— Но когда я захлопну ловушку за нашим другом Эгбертом, — спросил Эллери, сверкнув глазами, — вы признаете, что были неправы?

— Что ж, в таком случае мне ничего другого не

останется, — сказала Пола. — Только у вас ничего не выйдет.

— Хотите пари?

— Почему бы нет? Если вы убедите меня в том, — она посмотрела на него сквозь длинные полуопущенные ресницы, — что у вас на данный момент нет никаких других доказательств.

— У меня их нет.

— Тогда я не могу проиграть — конечно, если наш субъект полностью не свихнется и не признается во всем без каких-либо на то причин!

— Я сильно подозреваю, — сказал Эллери, — что он ничего подобного не сделает. Так на что спорим?

— На что угодно.

— На что угодно?

Пола прикрыла глаза ресницами.

— Ну… это слишком обширное понятие. На что угодно в пределах разумного.

— А будет ли в пределах разумного, — спросил Эллери, — заставить проигравшего пригласить победителя в клуб «Подкова»?

Знакомый испуганный блеск в ее глазах почта заставил его раскаяться. Но не до конца. К тому же, он исчез довольно скоро.

— Ага, кишка тонка! — насмешливо произнес

Эллери. — Если мне будет позволено применить столь вульгарный термин по отношению к дамской анатомии. Я так и знал, что вы откажетесь!

— Я… не говорила, что отказываюсь!

— Значит, пари?

Ока тихо рассмеялась.

— Все равно, у вас нет никаких шансов на выигрыш!

— Либо мы заключаем пари, либо нет!

— Но в каждом пари есть двойной риск, или это не пари. Что получу я, если вы проиграете?

— Возможно, мою…

Нечто новое блеснуло в глазах Полы, но это был не испуг.

— Что вашу? — быстро спросила она.

— Э-з…

— Что вы хотели сказать?

— Знаете, Пола, — проговорил Эллери, тщательно отводя глаза, — я действительно должен поблагодарить вас за то, что вы помогли мне раскрыть это дело.

— Но вы не договорили…

— Вы единственная, кто подсказал мне жизненно важную улику, — его тон стал сухим и бесстрастным. — Даже две жизненно важных улики.

— Эллери Квин, я сейчас душу из вас вытрясу! Кому сейчас до этого дело?

— Следовательно, — все так же сухо продолжал Эллери, — я буду благодарен вам за эти две подсказки всю мою жизнь.

— Всю вашу жизнь? — нежно проговорила Пола. — Я правильно поняла? Всю… вашу жизнь?

Она медленно подошла к нему и встала рядом так близко, что его ноздри наполнились нежным ароматом ее духов. Голова у Эллери пошла кругом и он попятился назад, точно пес, почуявший опасность.

— Всю вашу жизнь? — прошептала Пола — О, Эллери!..

Один из телефонов на ее столе внезапно зазвонил.

— Проклятье! — воскликнула Пола, топнув ногой; затем она подбежала к столу.

Мистер Квин вытер вспотевшие щеки носовым платком.

— Да? — нетерпеливо проговорила Пола в телефонную трубку. Больше она ничего не сказала. Пока Пола слушала, лицо ее утратило все живые краски и стало бледным и неподвижным, словно маска из папье-маше. Она повесила трубку, сохраняя все то же странное молчание.

— Пола, что случилось?

Она опустилась в кресло-качалку.

— Я знала, что ваш метод ошибочен, и была уверена, что Бонни насквозь видит всю вашу прозрачную мужскую тактику. Но я никогда не думала…

— Бонни? — Эллери оцепенел. — Что с ней?

— Мой дорогой мистер Всезнайка, приготовьтесь к потрясению, — слабо улыбнулась Пола. — Вы пытались заставить Бонни и Тая вцепиться друг другу в глотку. Для чего? Вы должны рассказать мне.

— Для того, чтобы… некая личность увидела, поверила и удовлетворилась увиденным. — Эллери прикусил губу. — Пола, ради всех святых, не пугайте меня! Кто это был, и что он сказал?

— Это был мой друг, снабжающий меня информацией. Боюсь, ваша некая личность, если ее не разбил общий паралич с утратой зрения и слуха, в течение нескольких минут узнает ужасную новость.

— Какую ужасную новость? — хрипло спросил Эллери.

— Час назад Бонни Стьюарт, повиснув на шее Тая Ройла, словно боясь, что тот улетит от нее прочь, дала интервью газетным репортерам

— созвала их всех в свой дом в Глендейле, — в котором сделала определенное сообщение.

— Сообщение? — внезапно ослабевшим голосом переспросил Эллери. — Какое сообщение?

— О том, что завтра, двадцать четвертого, в воскресенье, она, Бонни Стьюарт, намерена стать миссис Тайлер Ройл.

— Боже мой! — простонал Эллери, бросившись к двери.

Глава 18
Ученики чародея

Эллери, в спешке оцарапав крыло своего автомобиля, торопливо припарковал его у дома Бонни в Глендейле и заметил трех явных детективов, беседовавших со знакомой долговязой фигурой, только что появившейся из полицейского автомобиля.

— Глюке! Что-нибудь… случилось?

— А вас каким ветром сюда занесло?

— Я буквально две минуты тому назад услышал новость. Она еще жива? Никто на нее не нападал?

— Нападал? Жива? О ком вы?

— О Бонни Стьюарт.

— Конечно, жива! — проворчал инспектор. — Послушайте, что с вами такое? Я сам недавно получил известие…

— Слава Богу! — Эллери промокнул вспотевший затылок. — Глюке, вы должны выставить кордон вокруг дома. Столько людей, сколько сможете наскрести!

— Кордон! Но у меня здесь три человека…

— Мало. Надо, чтобы это место было надежно окружено и охранялось так, чтобы мышь не проскочила! Но незаметно, слышите? Ваши люди должны оставаться вне поля зрения. Уберите с тротуара своих остолопов!

— Хорошо, но…

— Никаких «но»! — Эллери бегом бросился к воротам.

Инспектор Глюке вернулся к полицейской машине, кратко о чем-то распорядился и тоже побежал к воротам. Полицейский автомобиль сорвался с места и исчез за углом; трое детективов поспешно удалились.

Глюке, запыхавшись, догнал Эллери:

— Что все это значит?

— Где-то что-то не в порядке. Надо же было выкинуть такой идиотский номер!

Робкая полногрудая Клотильда впустила их, сверкая черными глазами от переполнявших ее романтических чувств:

— О, мсье, но их сейчас нельзя беспокоить…

— О, мадемуазель, но именно сейчас их можно и даже нужно беспокоить! — грубовато отрезал Эллери. — Тай! Бонни!

Приглушенный шум доносился из ближайшей комнаты, и они с инспектором поспешили по

направлению к его источнику. Ворвавшись в гостиную, они обнаружили юного мистера Ройла и его невесту, порядком растрепанных, освобождавшихся из объятий друг друга. Губы мистера Ройла казались окровавленными, однако это была всего лишь помада Бонни.

— Вот вы где! — воскликнул Эллери. — Что за дурацкая идея?

— Ах, это вы! — мрачно произнес мистер Ройл, снимая руки девушки со своих плеч.

— Все напортили! — сокрушался Эллери, возмущенно сверкая на них глазами. — Неужели вы и двух дней подряд не можете обойтись друг без друга? А если не можете, то держите хотя бы языки за зубами! Неужели так необходимо было растрезвонить на весь белый свет о своих амурных делах?

Мистер Ройл многозначительно поднялся с дивана.

— Тай, посмотри на свой рот, — воскликнула Бонни. — А, это вы, инспектор! Инспектор Глюке, я требую…

— Погоди, — остановил ее Тай тем лее мрачным голосом. — Мне кажется, я знаю, что нужно делать!

— Ну да, конечно, знаете! — с горечью произнес

Эллери. — Вот что получается, когда имеешь дело с двумя пустоголовыми юнцами, которые…

У его подбородка взорвалась бомба. Тысячи мелких разноцветных звездочек — пурпурных, синих, пляшущих, как сумасшедшие, — заполнили его поле зрения, мир медленно поплыл перед его глазами, и лишь спустя долгое, долгое время он понял, что лежит на полу, моргая на люстру и удивляясь, когда успела начаться война. Потолок тоже был бестелесный, вздымаясь и опадая, словно натянутый парус в бурю.

Затем Эллери услышал, как Тай подул на свои ушибленные суставы, и откуда-то издалека донесся его возбужденный голос:

— Вот ваш преступник, инспектор!

— Не будьте ослом, — произнес отдаленный голос инспектора. — Ладно, Квин, хватит валяться! Вы испачкаете свои шикарные брюки!

— Где я?.. — пробормотал мистер Квин.

— Он пришел в себя! — взвизгнула Бонни. — Стукни его еще раз, Тай! Подлый негодяй!

Прищурясь для лучшей видимости, мистер Квин различил перед собой колеблющееся изображение двух стройных лодыжек, развевающуюся юбку наподобие миниатюрного паруса и маленького притоптывающего аллигатора.

Нет, то была всего лишь туфля из крокодиловой кожи.

— Я знала, что здесь что-то не так! Когда он привел меня в гардеробную Тая… о, это было так своевременно! Пишущая машинка, и его мудрые «выводы». Тай никогда не послал бы мне предупреждение против самого себя, если бы он был тем самым… Потом я своими глазами увидела, как подпилены литеры «б», и «д», и «т», и поняла, что Тай никогда не стал бы этого делать, если бы он действительно посылал те самые письма… — Бонни сделала паузу, чтобы перевести дыхание. — Видите? Он постоянно лгал! Поэтому я пошла к Таю и…

Пока это продолжалось, мистер Квин лежал на полу, изучая потолок над головой. Почему он так колеблется и шатается? Ах, вот оно что! Он понял. Это землетрясение! Калифорния проявляет свой характер!

— Да, — проворчал Тай. — Мы сравнили пакости, которые говорил нам этот тип с глаза на глаз! Надо было давно так поступить! Он фактически пытался заставить каждого из нас поверить, что другой — убийца!

— Да, он говорил мне…

— Проклятый убийца говорил мне…

Конца этому не было видно. Кто-то на кого-то жаловался, кого-то обвинял, но мистер Квин, хоть убей, не понимал, кого и в чем. Он застонал, пытаясь подняться.

— Давайте, поднимайтесь! — абсолютно бесчувственным голосом сказал Глюке. — Всего лишь небольшая затрещина, не более того! Не сказал бы, что вы ее не заслужили, вы, одинокий волк! — Гнусный субъект даже захихикал, помогая мистеру Квину принять сидячую позицию. — Как самочувствие? Надеюсь, ужасное?

— У меня сломана челюсть, — промямлил мистер Квин, ощупывая вышеназванный орган. — О-о, моя голова! — Он с трудом поднялся на ноги.

— Пытался убедить Бонни, что это я посылал те проклятые письма! — прорычал Тай, снова сжимая кулаки

— Зачем бы он порол такую чушь, — торжествующе воскликнула Бонни, снова смыкая объятия на шее своего героя, — если бы сам их не посылал? Ответьте, если сможете!

— У меня была причина, — коротко возразил Эллери. — Где здесь зеркало?

Он побрел к большому трюмо в холле и придирчиво осмотрел свою физиономию. Когда

Эллери занимался весьма осторожным исследованием повреждения, сосредоточенного в быстро растущей припухлости на конце челюсти, приобретавшей цвета гелиотропа, прозвенел дверной звонок, и Клотильда торопливо пробежала мимо него, впуская в прихожую двух мужчин. Все еще затуманенному взору Эллери один из вновь прибывших показался угрюмым и медлительным, зато другой — проворным и возбужденным. Он протер глаза и прислонился к стене, чтобы справиться с головокружением.

— Впустите их, — пробормотал он. — Глюке, разве я не говорил вам…

Очевидно инспектору пришла в голову та же мысль, поскольку он выбежал в дверь, чтобы поговорить со своими людьми.

Угрюмый и медлительный не спеша проследовал мимо Эллери, не подавая вида, что узнал его, и вошел в гостиную; проворный и возбужденный проделал то же самое значительно быстрее. Мистер Квин, довольный тем, что челюсть его находится на своем месте, поплелся ко входу в гостиную и зажмурил глаза.

Медлительный стоял посреди комнаты, глядя на Бонни. Он просто стоял и смотрел. Лицо его было красно, словно на нем застыл некий непро-

ходящий румянец.

— Это Бутч, — жалобно проговорила Бонни.

— О, послушай, Бутч, — начал довольно вызывающим тоном Тай. — Мы собирались сообщить тебе, позвонить или заглянуть…

— К дьяволу все это! — заорал проворный. — Мне наплевать, как вы, два постельных клопа, намерены строить свою личную жизнь, но будь я проклят, если понимаю, почему вы так гнусно обходитесь со своей родной студией!

— Отвяжись! — коротко бросил Тай. — Бутч, мы действительно должны тебе…

— Отвяжись? — единственный глаз Сэма Викса метал молнии. — Он сказал — отвяжись! Послушай, красавчик, у тебя нет личной жизни, понимаешь? Ты всего лишь частная собственность, как этот дом, например. Ты принадлежишь студии «Магна», понятно? Если «Магна» скажет: «Прыгай!..»

— О, убирайся вон, Сэм, — сказала Бонни. Она шагнула к Чудо-мальчику, который стоял на том же месте, где остановился, войдя в комнату, и все еще глядел на нее с неизбывной и жуткой печалью, как человек смотрит на крышку гроба, опускающегося над его ребенком, матерью или любимой.

— Бутч, дорогой. — Бонни смущенно перебирала пальцами ткань юбки. — Мы оба были так взбудоражены… Мне кажется, ты всегда понимал, какие чувства ж испытывала по отношению к тебе? Я ведь никогда не говорила, что действительно люблю тебя — не правда ли, Бутч? О, я знаю, что я поступила с тобой бессовестно, а ты всегда и во всем был сушим ангелом. Но сегодня случалось нечто… Тай — единственный, кого я по-настоящему любила, Бутч, и я намерена выйти за него замуж как можно скорее.

Жак Бутчер сиял шляпу, огляделся, снова надел шляпу, после чего сел на стул. Он не закинул ногу на ногу, а сидел скованно, словно кукла чревовещателя, и когда он начал говорить, на лице его двигались только губы.

— Я сожалею, что вынужден вмешаться в такую минуту, — сказал Бутч и замолк; потом заговорил снова: —Я бы не пришел совсем, если бы меня не попросил Луис Селвин. Луис, как бы это сказать помягче — немного расстроен. И особенно из-за тебя, Тай.

— О, Бутч… — начала Бонни.

— Из-за меня? — переспросил Тай.

Бутч прочистил горло, словно оно было забито ватой.

Будь оно все проклято, сам я не стал бы… Но я обязан поговорить с тобой не как Жак Бутчер, а как вице-президент «Магны», Тай. Я только что вернулся после долгого разговора с Селвином. Как президент «Маты» он считает своим долгом предупредить тебя: оставь всякие помыслы о женитьбе!

Тай растерянно заморгал:

— Не хочешь ли ты сказать, что он собирается удержать меня с помощью того смешного пункта о безбрачии в моем контракте?

— Пункт о безбрачии? — встрепенулась Бонни. — Тай! Что за пункт о безбрачии?

— О, Селвин в прошлый раз заставил меня подписать пункт, в котором я обязуюсь не вступать в брак в течение всею юридического действия контракта, — с отвращением сказал Тай.

— Конечно, а как же иначе? — сказал Викс. — Герой-любовник! Ты что думаешь, студия намерена создавать вокруг тебя ореол национального дамского сердцееда, чтобы ты потом все испортил, позволив подцепить себя на крючок?

— Я ничего об этом не знала, Тай, — удрученно проговорила Бонни. — Ты мне ничего не говорил.

— Не волнуйся, дорогая! В любом случае, это

ничего не меняет. Луис К.Селвин не будет указывать мне, как строить мою личную жизнь!

— Селвин попросил меня подчеркнуть, — безразличным тоном холодно проговорил Бутчер, — что ты нарушишь свой контракт, если женишься на Бонни.

— К черту Селвина! В Голливуде много других студий!

— Все голливудские студии уважают контракты друг друга, особенно если они касаются звезд, — сухо подчеркнул Бутчер. Если ты нарушишь контракт с «Магной», тебе конец, Тай.

— Пусть тогда мне конец! — сердито махнул рукой Тай.

— Но, Тай, — воскликнула Бонни, — так нельзя! Мы можем подождать. Может быть, при подписании следующего контракта…

— Не хочу ждать! Я и так достаточно долго ждал! Если Селвину это не нравится, он может отправляться к дьяволу!

— Нет, Тай!

— Никаких возражений! — Тай отвернулся с упрямым и решительным видом.

— Что ж, хорошо, — тем же сухим тоном проговорил Бутчер. — Луис предполагал, что ты заартачишься. Он может свернуть тебя в бара-

ний рог, Тай, но считает тебя слишком ценной собственностью студии. Поэтому он готов пойти на компромисс.

— Ах вот как, в самом деле?

— Но он предупреждает, что его предложение окончательно. Либо ты соглашаешься, либо нет.

— Какое предложение? — отрывисто спросил Тай.

— Если ты настаиваешь на браке с Бонни, он готов закрыть глаза на твое обязательство в контракте. Но только на определенных условиях. Во-первых, ты должен поручить «Магне» организацию и оформление вашей свадьбы. Во-вторых, после свадебной церемонии вы с Бонни должны участвовать в биографическом фильме о Джеке и Блайт, играя роли ваших родителей.

— Минуточку, минуточку, — перебил его Тай. — Означает ли затея со свадьбой опять шумное и публичное представление?

— Это уж как «Маша» найдет нужным.

— А фильм — значит, и сцена убийства тоже? — спросила Бонни, готовая упасть в обморок при одной лишь мысли об этом.

— Сценарное решение целиком зависит от меня, — сказал Бутчер. — Вашего мнения никто не станет спрашивать.

— Как это — не станет? — закричал Тай. — Как это не станет, если мы выскажем его прямо сейчас: нет!

Бутчер встал со стула.

— Очень сожалею. Пойду, скажу Селвину.

— Нет, погоди, Бутч! — воскликнула Бонни. Она подбежала к Таю и потрясла его за плечи. — Тай, прошу тебя! Нельзя же так бросать все, чего ты достиг в жизни! Если ты такой упрямый, то я… не выйду за тебя замуж!

— Позволить им делать из нас паяцев в том балагане, который они собираются устроить вместо нашей свадьбы? — прорычал Тай. — Заставить нас вывести отца и Блайт на экране в Бог знает каком виде? Не выйдет!

— Тай. ты должен! Мне все это нравится не больше, чем тебе, и ты это знаешь. Я сыта всем по горло! Но мы обязаны думать о будущем, милый. Ни у кого из нас ничего нет. Мы не можем выбросить прочь единственное, что имеем. И ничего страшного не произойдет. Свадьба долго не продлится, а потом мы куда-нибудь уедем вдвоем…

Тай уперся взглядом в ковер. Он поднял голову и резко спросил у Бутчера:

— Если мы согласимся, дадут ли нам возможность отдохнуть? Отпуск? Медовый месяц без

духового оркестра?

— Э, нет! — быстро вмешался Викс. — Мы отлично можем использовать и медовый месяц. Мы можем…

— Прошу тебя, Сэм. — поморщился Бутчер. Викс умолк. — Да, я могу вам пообещать, Тай. Свадьба — наша, медовый месяц — ваш. Мы понимаем, что вы оба расстроены и не сможете сразу же приступить к работе с полной отдачей. Поэтому вам разрешается продлить медовый месяц настолько, насколько вы сочтете нужным.

— И в полном уединении?

— В полнейшем.

Тай нерешительно взглянул на Бонни, и Бонни умоляюще взглянула на Тая. Наконец, Тай уступил.

— Ладно, — буркнул он. — Я согласен.

— Пересмотренный контракт будет вам вручен завтра утром, — сказал Чудо-мальчик. — Сэм отвечает за все детали организации свадьбы… — Он повернулся на каблуках и молча направился к выходу, но в дверях снова обернулся: — Я выскажу свои поздравления… завтра, — проговорил он и вышел за дверь.

— Отлично! — живо сказал Сэм Викс. — А теперь слушайте. Хотите затянуть узелок завтра?

— Да, — вздохнул Тай. — Я готов на все. Только убирайся отсюда поскорее!

— Я уже все прикинул по дороге сюда. Вот основные отправные моменты. Мы используем свадьбу Джека и Блайт в качестве модели, понимаете?

— Вы что… — начала было Бонни, но спохватившись, кивнула.

— Только мы ее разовьем, расширим, ясно? Раскрутим на полную катушку. Свадьба состоится не на взлетном поле. Мы ее устроим…

— Ты собираешься повторить представление с самолетом? — ахнул Тай.

— Ну конечно! Только доктор Эрминиус окрутит вас не снаружи, а внутри самолета. Соображаете? Обручение состоится над аэродромом. В небесах! Микрофоны для каждого в самолете. Трансляция по радиотелефону через усилитель аэропорта для тысячи зрителей на взлетном поле, пока самолет будет кружить у них над головами. Если оформить все как следует, то на волне истории с Джеком и Блайт это будет величайшей сенсацией, которую наш город — да и любой другой — когда-либо видел!

— Боже мой! — рявкнул Тай, вставая. — Если ты думаешь…

— Давай-ка, Сэм, уходи отсюда, — торопливо проговорила Бонни, подталкивая агента по рекламе к выходу. — Все будет в порядке. Я обещаю. А теперь уходи!

— Конечно! — широко улыбнулся Викс, сверкая единственным глазом. — У меня еще много дел! Ладно, увидимся! — И он выскочил за дверь.

— Слушай меня, Тай Ройл! — гневно сказала Бонни. — Мне все это отвратительно! Но нас поймали в ловушку, загнали в тупик, и мы должны это сделать! И чтобы я больше ни слова от тебя не слышала! Все решено и подписано, понял? Мы сыграем любую роль, какую они от нас потребуют!

Эллери отделился от поддерживавшей его дверной притолоки и сухо произнес:

— Теперь, когда мудрые властители умов сказали свое слово, можно мне высказать свое?

Инспектор Глюке вошел следом за ним.

— Не знаю, — сказал он, нахмурясь. — Не уверен, что мне нравится эта затея. Как вы думаете, Квин?

— Наплевать мне, кто что думает, — сказал Тай, подходя к буфету. — Не будете ли вы добры, ребята, убраться отсюда и оставить нас вдвоем с Бонни?

— Я думаю, мрачно промолвил Эллери, — что найду себе приличную глубокую нору, заползу в нее и закроюсь в ней изнутри. Не хочу ждать, пока грянет взрыв.

— Взрыв? Вы о чем? — спросил Тай, опрокидывая рюмку. — Вечно вы со своими загадками!

— Неужели вы так и не поняли, что натворили? — воскликнул Эллери. — Объявить о вашей свадьбе было уже достаточно плохо, но теперь еще и это! Избави меня, Боже, от голливудских героев и героинь!

— Ничего не понимаю, — нахмурилась Бонни. — Что такого мы натворили? Мы всего лишь решили пожениться. Это наше право, и никому до этого нет дела! — Губы ее задрожали. — О, Тай! — всхлипнула она. А все казалось таким прекрасным!

— Вы очень скоро узнаете, кому до этого есть дело, — отрезал Эллери.

— О чем вы все толкуете? — потребовал объяснений Глюке.

— Вы словно ученик чародея, с той лишь разницей, что вас двое[61]. Чародей отлучился, а

---

[61] Примечания: 61

Намек на балладу И. В. Гёте «Ученик чародея». Ученик в отсутствие волшебника превращает помело в слугу и приказывает ему носить воду, которая заливает дом.

вы принялись забавляться вещами, в которых ничего не смыслите — опасными вещами! В результате беда, и немаленькая!

— Какая еще беда? — проворчал Тай.

— Вы совершили худшее из всего, что могли совершить. Вы, в сущности, только что согласились сделать то, что является для вас абсолютно фатальным.

— Вы когда-нибудь доберетесь до сути?

— Я-то доберусь до сути! О да, доберусь! А до вас когда-нибудь доходило, что вы повторяете старый шаблон?

— Шаблон? — ошеломленно повторила Бонни.

— Шаблон, который вы копируете с вашей матери и отца Тая. О Господи, да ведь это так очевидно, что просто кричит! — Эллери в волнении забегал взад и вперед по комнате, сердито ворча себе под нос. Затем он взмахнул руками: — Я не собираюсь вдаваться сейчас в кропотливый и скрупулезный анализ. Я просто намерен открыть вам глаза на основные факты. Что случилось с Джеком и Блайт, когда они поженились? Что произошло с ними, а? Всего лишь через час после обручения?

В глазах инспектора Глюке зажглись искорки понимания, Тай и Бонни с испугом глядели на

Эллери.

— Ага. теперь вам понятно! Они оба были убиты, вот что с ними произошло. А что потом? Бонни получает предупреждения, завершающиеся тем, которое столь многословно советует ей не иметь ничего общего с Таем. Что это означает? Это означает: руки прочь — брось — не касайся! А что делаете вы, два идиота? Вы немедленно решаете пожениться — причем с таким шумом и громом, что всему миру в течение ближайших часов станет известно не только о самом факте, но даже о мельчайших подробностях!

— Вы думаете… — начала Бонни, облизывая губы. Она бросилась к Таю и спрятала лицо у него на груди. — О, Тай!..

— Я думаю, — напряженно проговорил Эллери, — что шаблон повторяется. Я думаю, что если завтра состоится обручение, произойдет то же, что произошло с Джеком и Блайт. Я думаю, что вы сейчас подписали свой смертный приговор — вот что я думаю!

Часть четвертая

Глава 19
Четверка червей

Легкий румянец вернулся на лицо Тая — или это был результат выпитого виски. Как бы там ни было, он сказал:

— Я не верю этому. Вы пытаетесь напугать нас несуществующим призраком.

— Вы не хотите, чтобы мы поженились? — ошеломленно проговорила Бонни. — Вы имеете в виду, что мама… тоже? Значит… значит…

— Глупости! — презрительно усмехнулся Тай. — Мне надоело выслушивать вас, Квин. Все, что вы сделали, это запутали меня вконец!

— Несчастный глупец! — воскликнул Эллери. — Вы и понятия не имеете, что я сделал ради вас! Как люди могут быть так слепы?

— Это обо мне, — сказал инспектор. — Я не просто слеп, я огорошен и ошеломлен. Квин, попытайтесь изъясняться вразумительно, ладно? Дайте мне факты, а не всякие заковыристые фантазии!

— Факты? — проворчал Эллери. — Очень хорошо, сейчас вы получите…

Прозвенел звонок в прихожей. Бонни устало окликнула: — Клотильда, посмотри, кто там! — но Эллери и инспектор, сталкиваясь друг с другом в проходе, сами поспешили ко входной двери. По дороге они чуть не сшибли француженку с ног. Тай и Бонни недоуменно смотрели им вслед, словно на пару сумасшедших.

Эллери рывком распахнул дверь. На плетеном половичке у входа с надписью «Добро пожаловать!» стояла негодующая тучная дама без шляпы, но в каракулевой шубе поверх цветастого домашнего платья, безуспешно пытаясь стряхнуть с себя цепкие руки одного из детективов Глюке.

— Отстаньте от меня! — возмущенно пыхтела дама. — Это надо же! А я ведь хотела всего лишь…

— Впускать или выгнать? — спросил детектив у своего начальника.

Глюке беспомощно оглянулся на Эллери.

— Думаю, мы можем пригласить даму войти, — сказал тот, устремив на женщину взгляд неподвижных глаз. — Да, мадам?

— Конечно, — фыркнула мадам, — если с вами обходятся так не по-соседски…

— Что там? — спросила Бонни, появляясь из-за их спин. — Кто это?

— О, мисс Стьюарт, — мгновенно расплылась в улыбке тучная дама, протиснувшись между Эллери и инспектором и тяжеловесно подпрыгивая перед Бонни в странной позе, отдаленно смахивающей на реверанс. — Вы так похожи на себя, когда вы на экране! Я всегда говорила мужу, что вы самая миленькая…

— Да-да, благодарю вас, — поспешно проговорила Бонни. — Я сейчас немного занята…

— Что вы хотели, мадам? — строго спросил инспектор Глюке. Эллери по ему одному лишь известной причине неотрывно следил за руками толстой дамы.

— Надеюсь, вы не сочтете меня бесцеремонной, мисс Стьюарт, но только что случилась странная история. Я миссис Струк — вы знаете, большой желтый дом за углом? Ну так вот, пять минут тому назад у моей двери прозвенел звонок, и моя вторая горничная — как всегда, с опозданием! — открыла дверь, однако там уже никого не было, и только конверт лежал на половике у входа, но адресованный не мне, а вам, мисс Стьюарт, и мистеру Ройлу. И я подумала про себя: «Что за нелепая ошибка?». Потому что ваш адрес достаточно ясен, а названия наших улиц абсолютно разные…

— Да-да, конверт, — нетерпеливо перебил ее Эллери, протягивая руку. — Можно мне его взять?

— Прошу прощения! — сказала миссис Струк с негодующим выражением во взоре. — Письмо адресовано мисс Стьюарт, а не вам, кем бы вы ни были, и вы не мистер Ройл, уж это-то я знаю! Как бы то ни было, мисс Стьюарт, — обернулась она к Бонни, опять расплываясь в улыбке, — вот оно, и я уверяю вас, что торопилась сюда, как могла, хоть это и не очень быстро у меня получается, — она застенчиво хихикнула, — так как мой доктор находит, что я немного поправилась за последнее время. А как вам удается сохранить фигуру? Я всегда говорила, что вы…

— Благодарю вас, миссис Струк, — сказала Бонни. — Вы позволите?

Тучная дама с сожалением достала конверт из кармана пальто и вручила его Бонни.

— Можно мне поздравить вас по случаю вашего обручения с мистером Ройлом? Я только что услыхала сообщение по радио. Несомненно, это приятнейший момент в жизни двух юных, прекрасных сердец…

— Благодарю вас, — пробормотала Бонни. Она с ужасом смотрела на конверт в своей руке.

— Кстати, — спросил Эллери, — вы или ваша

горничная заметили того, кто звонил в ваш дверной звонок?

— Нет, что вы! Когда Мерси подошла к двери, там уже никого не было.

— Хм-м… Большое спасибо, миссис Струк. — Эллери вежливо затворил дверь перед лицом тучной дамы. Она негодующе фыркнула и промаршировала вниз по ступенькам в сопровождении детектива, который довел ее до ворот и наблюдал за ней, пока она не завернула за угол, после чего сам ретировался в укрытие.

— Благодарю вас… — в четвертый раз проговорила Бонни, обращаясь к закрытой двери.

Эллери взял конверт из ее безвольных пальцев и с озабоченным лицом вернулся в гостиную. Инспектор Глюке осторожно поддержал Бонни под руку.

— В чем там опять дело? — спросил Тай.

Эллери вскрыл слишком знакомый конверт, адресованный карандашными печатными буквами «Мисс Бонни Стьюарт и мистеру Тайлеру Ройлу» — без марки, без штампа или других надписей, кроме адреса Бонни, и достал оттуда две игральные карты с синей, оборотной стороной.

— Четверка червей? — еле слышно проговорила Бонни.

Тай схватил обе карты:

— Четверка червей? И пиковый туз!

Он подошел к Бонни и, повинуясь внезапному порыву, прижал ее к своей груди.

— Сегодня утром я говорил вам, Глюке, что мы имеем дело с игривым субъектом, — заметил Эллери. Он посмотрел на карты, зажатые в кулаке Тая. — Может быть, вы теперь послушаете меня.

— Пиковый туз, — пробормотал инспектор, словно не мог поверить очевидному свидетельству своих собственных глаз.

— Что это значит? — жалобно спросила Бонни.

— Это значит, — сказал Эллери. — что интервью, которое вы дали сегодня газетам, принесло свои плоды. Я полагаю, экстренные выпуски были за час распроданы на улицах, и вы слышали, как эта ужасная женщина упомянула про радио. Наш друг Эгберт так торопился доставить вам это послание, что отказался от услуг обычной почты, которая вручила бы вам карты в понедельник, и даже от срочной доставки, которая сделала бы то же самое завтра днем.

— Но что они означают?

— В переводе на обычный язык? — Эллери пожал плечами. — Обе карты вместе говорят: «Бонни Стьюарт и Тайлер Ройл, разорвите свою

помолвку, или приготовьтесь к смерти».

Инспектор издал горлом хриплый нечленораздельный звук и нервно огляделся.

Бонни побледнела еще сильнее, чем Тай, сжимавший ее Руку.

— Значит, это правда, — прошептала она. — Все действительно складывается по установленному шаблону. Тай, что нам делать?

— Причина, — заметил мистер Квин, — по которой Эгберт так торопился отправить это послание, заключается в том, что в понедельник, очевидно, будет уже слишком поздно. Даже завтра может быть слишком поздно. Надеюсь, вам понятна подоплека его поспешны действий?

Тай, сгорбившись, опустился на диван. Он устало произнес:

— Я отлично все понял. Все верно: мы не должны жениться, а если посмеем, то это означает конец для нас. Так что я думаю, мы должны удовлетворить всех — Бутча, студию, Эгберта Л.Смита — и отказаться от наших планов на свадьбу…

— О, Тай! — простонала Бонни.

— К чему обманывать себя, дорогая? — нахмурился Тай. — Если бы дело касалось только меня, я бы послал Эгберта ко всем чертям. Но я здесь не один, ты замешана тоже. Я не могу рисковать

тобой. Я не могу жениться на тебе и сделать тебя беззащитной мишенью для убийц.

— О, какой же ты глупый! — сердито топнула ногой Бонни. — Все ведь совсем не так, разве ты не видишь? Я получала угрожающие письма еще до того, как мы объявили о помолвке. И эти письма были адресованы мне, мне одной! Только сейчас они стали угрожать тебе, уже после того, как стало известно о нашем намерении пожениться!

— Трижды ура женскому уму! — сказал Эллери. — Боюсь, Бонни здесь права. Это истинная правда. Я не хотел упоминать об этом прежде, но умалчивать дольше уже нельзя. Все мои попытки разлучить вас предпринимались исключительно ради вас, Тай, а не ради Бонни. Только связь с Бонни подвергала вашу жизнь смертельной опасности. А жизнь Бонни, с вами или без вас, находилась под угрозой с момента смерти ее матери.

— А я еще врезал вам по челюсти! — извиняющимся тонем смущенно проговорил Тай.

— Женитесь на Бонни, и вы погибли. Не женитесь на Бонни, и вы в безопасности. А вот она все равно под угрозой, женитесь вы на ней, или нет. Тут есть над чем поразмыслить.

— Что в лоб, что по лбу, — криво усмехнулся

Тай. — Я уже оставил попытки отыскать здравый смысл во всей этой дурацкой головоломке. Если то, что вы говорите, правда, мы поженимся. Я не намерен оставлять ее в одиночестве, лицом к лицу с опасностью. Пусть этот подлый сукин сын попытается убить меня — пусть только попробует!

— Нет, Тай, — печально проговорила Бонни. — Я не могу тебе позволить так поступить. Просто не могу! Зачем тебе ставить под угрозу свою жизнь? Я тоже не претендую на то, что понимаю здесь хоть малую толику, но как я могу позволить тебе разделить опасность, которая, по всей видимости, направлена против меня одной?

— Ты, — сказал Тай, — завтра выходишь за меня замуж, и никаких возражений!

— О, Тай! — прошептала Бонни, бросаясь к нему в объятия. — Я надеялась, что ты именно так и скажешь! Я очень боюсь…

Инспектор Глюке в расстроенных чувствах мерил шагами комнату.

— Знать бы только, кто это! — ворчал он про себя. — Если бы мы знали, то могли бы хоть что-то предпринять.

— О, но ведь мы знаем! — сказал Эллери и недоуменно поднял глаза в ответ на удивленные

возгласы присутствующих. — Ах да, я совсем забыл, что вы не в курсе… Я-то, конечно, знаю, и можете мне поверить, что ничего тут поделать нельзя…

— «Конечно», говорит он! — возмущенно взревел инспектор, Он набросился на Эллери и встряхнул его за плечи: — Кто же это?

— Вот именно, — присоединился Тай. — Кто это?

— Отпустите меня, Глюке! Просто зная, кто убийца, проблемы не решить, — Эллери принялся безостановочно расхаживать по комнате.

— Почему нет?

— Потому что отсутствуют элементарные улики для возбуждения уголовного дела. Большое жюри вернет его на доследование, если дело вообще дойдет до суда. Обвинение рухнет из-за отсутствия доказательств, и вы упустите шанс повесить преступление на шею тому, кто его совершил!.

— Ради Бога, люди, о чем вы толкуете? — воскликнул Тай. — Не можем же мы сидеть сложа руки и ждать, когда убийца нападет! Надо же что-то сделать, чтобы подрезать ему копти!

— Дайте подумать! — раздраженно отозвался Эллери. — Вы слишком шумите!

Он шагал из угла в угол, заложив руки за спину и низко склонив голову. Тишину нарушал лишь звук его шагов.

— Послушайте, — прервал его раздумья инспектор. — Полицейский несет ответственность за охрану человеческой жизни в не меньшей степени, чем за расследование обстоятельств смерти. Вы утверждаете, Квин, что знаете, кто стоит за всей этой затеей. Очень хорошо. Давайте пойдем к нашему хитрому отправителю игральных карт и скажем ему, что мы знаем все, предупредим, что за ним до самой смерти днем и ночью будет следить бригада детективов. На его месте самый глупый из дураков тут же, не задумываясь, отказался бы от своих планов!

— Я думал о подобном варианте, — возразил Эллери. — Но у него есть один существенный недостаток. В этом случае Эгберт никогда не будет повешен за убийство Джека и Блайт; а если в целом мире и найдется парнишка, кого бы я не прочь увидеть вздернутым на виселицу, то это Эгберт.

— Если такой вариант означает безопасность Бонни, — сказал Тай, — то черт с ним! Пусть убирается на все четыре стороны! Глюке прав.

— А почему бы нам… — начала Бонни и за-

молкла, — Я придумала! Почему бы нам с Таем не пожениться прямо сейчас, сию минуту, а потом исчезнуть? Отправиться куда-нибудь на край света, где нас никто не смог бы найти. Никто! Мы были бы в безопасности.

— Ив течение всей своей долгой жизни оглядывались чрез плечо всякий раз, как только услыхали бы шаги за спиной? — возразил Эллери. Но тут он неожиданно замер на месте, уставившись на Бонни. — Конечно же! В этом вся суть. Исчезнуть! Точно!.. Заставить его поторопиться. Ему придется тогда... — Голос его стал неразборчивым, и он беспорядочно забегал по комнате, точно муравей, неслышно шевеля губами.

— Придется что? — спросил инспектор.

— Попытаться убить их, конечно! — бросил на ходу Эллери. — Да, разумеется! Давайте-ка все обдумаем хорошенько. Если мы выкинем такой фортель...

— Попытаться убить нас? — повторила Бонни, растерянно моргая.

Эллери прекратил свою беготню.

— Да, — отрывисто сказал он. — Именно так мы и поступим. Мы вынудим нашего противника сделать решительный ход —• попытаться убить вас. Если побудительные причины окажутся

достаточно серьезными — а я думаю, что мы сможем это организовать, — то он должен будет поторопиться… покончить с вами, Бонни! — Глаза Эллери сияли от возбуждения. — Согласны ли вы пойти на риск подвергнуться открытому покушению на вашу жизнь, если благодаря этому мы получим реальный шанс поймать убийцу вашей матеря на месте преступления?

— Вы хотите сказать, — медленно проговорила Бонни, — что если это удастся, я буду свободна? Тай и я — мы оба будем свободны?

— Свободны, как ветер!

— О, разумеется, я готова ради этого на все!

— Не так быстро, — остановил ее Тай. — В чем заключается ваш план?

— В том, чтобы осуществить объявленную свадебную церемонию, использовав ее как ловушку для убийцы.

— С Бонни в качестве приманки? Глупости!

— Да говорю же вам, что жизнь Бонни находи гея в опасности в любом случае, — кипятился Эллери. — Будь она даже окружена вооруженной охраной денно и нощно, неужели вы хотите, чтобы она провела весь остаток своей жизни под дамокловым мечом? Уверяю вас, Тай: на сея раз вопрос стоит так — либо Эгберт, либо Бонни.

Поверьте моему слову. Убийца зашел слишком далеко, чтобы остановиться теперь. Его замыслы делают смерть Бонни неизбежной.

— Вы заставляете меня принимать чертовски непростое решение… — пробормотал Тай.

— Выслушайте меня, Тай! Уверяю вас, это самый безопасный путь из всех. Разве вы не понимаете, что приготовив ему ловушку, мы вынуждаем его к активным действиям? Мы заставляем его предпринять покушение на жизнь Бонни, но под нашим контролем и под нашим наблюдением. Короче говоря, мы незаметно заманиваем его в капкан, зная, что он намерен делать, и будучи готовы к этому. Предприняв такой решительный шаг, мы сведем всякую опасность до минимума. Неужели непонятно?

— А откуда вы знаете, — осведомился инспектор, — что он нападет?

— Ему ничего другого не остается. Он не может ждать слишком долго; я в этом уверен — неважно, почему. Если мы объявим завтра, что после свадебной церемонии Тай и Бонни отбывают в неизвестном направлении на неопределенное время, ему придется совершить покушение. Эгберт не может допустить, чтобы Бонни, живая, исчезла; он либо попытается убить ее завтра,

либо будет вынужден оставить весь свой преступный замысел.

— А почему бы ему действительно не бросить свои гнусные попытки?

— Потому что, — мрачно ответил Эллери, — он уже убил двух человек, преследуя известную ему цель. Потому что мы предоставим ему еще один удобный случай, которого он не сможет упустить. Потому что это отчаянный хладнокровный убийца, и его мотив составляет для него главный смысл жизни.

— Мотив? Какой мотив? Я думал, он просто сумасшедший!

— Да, что за мотив? — удивленно спросила Бонни. — Зачем кому бы то ни было убивать меня?

— Очевидно, кому-то это нужно, как указывает последнее послание. Но не будем отвлекаться. Главное в другом: готовы ли вы вступить в игру?

Бонни склонила голову на плечо Тая. Тай вопросительно взглянул на нее сверху вниз, и она слабо улыбнулась ему в ответ.

— Ладно, Квин, — сказал Тай. — Начинайте!

— Хорошо! В таком случае мы все четверо должны ясно представить себе всю процедуру. И вы тоже, Глюке. У вас будет ответственная задача. Мы оставим без изменений планы Сэма Викса

относительно свадебной церемонии; более того, мы ими воспользуемся. Рекламная шумиха в студии окажется для нас очень кстати, поскольку все будет выглядеть вполне естественно, что нам как раз больше всего и нужно — естественно развитие событий, не вызывающее возможных подозрений со стороны Эгберта — будем и дальше называть его так. Мы можем рассчитывать, что Сэм растрезвонит обо всем до небес еще сегодня вечером; с этой минуты и до завтрашнего дня будет много шума. Мы дадим ясно понять, что вы оба намерены совершить брачную церемонию в самолете; мы также подчеркнем — это крайне важно! — что вы отправляетесь в неизвестном направлении на неопределенный срок. Что никто, даже студия, не знает, куда вы уезжаете и когда вернетесь. Что вам все до чертиков надоело, и вы хотите некоторое время побыть наедине, забыв о Голливуде и его заботах. Неплохо, если бы вы сообщили об этом прессе… как можно убедительнее.

— Учитывая мое настроение, — усмехнулся Тай, — можете не сомневаться, что у меня получится!

— Как же должен будет поступить Эгберт? Ему надо убить Бонни — а после обручения и вас тоже, Тай, — прежде чем вы ускользнете из его

лап. Каким образом он постарается это сделать? Отравленная пища и питье отпадают; он сообразит, что смерть Джека и Блайт еще слишком свежа в вашей памяти, и вы вряд ли станете дегустировать непроверенные подарки в виде напитков и деликатесов. Значит, ему придется прибегнуть к более прямым способам. Наиболее прямой способ — револьвер.

— Но… — начал было инспектор, нахмурясь.

— Дайте мне закончить! Стрелять на аэродроме бессмысленно; даже если он и сумеет произвести два прицельных выстрела из толпы, ему не удастся оттуда выбраться. Поэтому, — резко заключил Эллери, — он должен будет следовать единственно логичным путем. Чтобы быть уверенным в успешном двойном убийстве и в благополучном исходе задуманного, ему придется проникнуть в самолет вместе с вами!

— Да… понимаю, — тихо проговорила Бонни. Губы ее плотно сжались.

— Я тоже понял, — пробормотал Глюке.

— Более того, коль скоро мы знаем, что Эгберт будет стремиться попасть в самолет, нам известно, как он попытается это сделать. Войти в самолет, не вызвав подозрений, он может только в качестве летчика.

— Так же, как в случае с Джеком и Блайт! — воскликнул инспектор.

— Значит, если мы уверены, что он воспользуется благополучными обстоятельствами, — а в этом у нас не может быть сомнений, — то нам остается лишь создать для него подобные обстоятельства. Поэтому мы пригласим профессионального летчика, что является частью объявленной нами программы. Надо будет позаботиться, чтобы пилот не находился под особо пристальным наблюдением, дать возможность Эгберту завести его в темный уголок, оглушить его — не думаю, чтобы летчику грозила серьезная опасность, хоть и следует принять определенные меры, чтобы свести ее к минимуму, — и позволить занять пилотское место в кабине самолета.

— А зачем вообще нужен пилот? Я сам вожу самолет. Не будет ли это подозрительным? — спросил Тай.

— Нет, так как пилот должен высадить вас где-нибудь у пристани или у железной дороги. Ведь даже он не будет знать, куда вы направляетесь, до самого взлета с аэродрома. Поэтому, конечно, пилот нужен, чтобы пригнать самолет обратно после того, как он вас высадит. Тут все в порядке. Во всяком случае, дружище Эгберт заберется в

самолет и взлетит, будучи уверенным, что не оставил следов и сможет без помех совершить задуманное преступление в воздухе.

— Минуточку, — остановил его Глюке. — Мне нравится ваш план, но он означает, что придется подвергнуть опасности жизни этих двух юнцов, оставив их в самолете с опасным преступником, вдвоем, не считая дурака-священника, который, пожалуй, сможет только испортить дело!

— Этот священник не испортит.

— Эрминиус — старая баба!

— Но это будет не Эрминиус. Это будет лишь некто, похожий на Эрминиуса, — спокойно возразил Эллери.

— Кто же?

— Ваш покорный слуга. У Эрминиуса шикарная пара черных бакенбард, так что загримироваться под него будет несложно. Кроме того, Эгберт вряд ли станет обращать внимание на священника. Я могу это обещать. Он будет слишком озабочен тем, чтобы поднять с земли самолет, не вызвав подозрений. К тому же, Тай и я будем вооружены и не преминем пустить в ход оружие при малейшем признаке опасности.

— Опасности… — повторила Бонни, облизывая губы и пытаясь сохранить присутствие духа.

— Мы с ним справимся, но мы должны дать ему возможность показать зубки, чтобы было что предъявить ему на суде.

— Черт побери! — запротестовал инспектор. — Но вы же должны понимать, что даже поймав злодея на месте преступления, вы не сможете пришить ему убийство Джека и Блайт?

— Мне кажется, это уже не так существенно. Я думаю, наш приятель, будучи схваченным за руку, рассыплется, как соломенное чучело, и признается во всем. Если каш трюк сработает, то обнаружив себя в ловушке в тот самый момент, когда у него уже не останется сомнений в успешном осуществлении своего замысла, он растеряется и попадет впросак. Во всяком случае, это наш единственный шанс поймать его вообще.

Возникла небольшая неловкая пауза, после которой Глюке заявил:

— Похоже на бред, но может сработать. Что скажете, вы оба?

— Я скажу «да», — быстро ответила Бонни, словно испугавшись, как бы не сказать «нет» в случае малейшего колебания. — А ты что скажешь, милый?

— Я люблю тебя, курносая. — Тай поцеловал ее и совершенно другим тоном заявил Эллери: — Но

если что-нибудь случится, Квин, то клянусь, что задушу вас своими собственными руками. Даже если это будет последним делом в моей жизни!

— Таким оно, наверное, и будет, — пробормотал Эллери. — Потому что план Эгберта, без сомнения, состоит в том, чтобы с помощью своего револьвера устроить в самолете вторую бойню в день Святого Валентина[62], а потом выпрыгнуть с парашютом, позволив самолету разбиться где-нибудь в пустыне.

[62] Примечания: 62

Имеется в виду массовое убийство в Чикаго гангстерами Аль Капоне членов соперничавшей с ними банды 14 февраля 1929 г.

Глава 20
Воздушный замок

Время, до сих пор незаметно проплывавшее мимо, внезапно приобрело чудовищные вес и скорость. Эллери непрестанно с тревогой поглядывал на наручные часы, обсуждая малейшие детали своего плана, вновь и вновь инструктируя Тая и Бонни относительно их роли.

— Помните, Тай, вам придется взять на себя всю подготовку; Глюке и я не должны в это соваться. Более того, вплоть до завтрашнего дня мы будем держаться как можно дальше от вас. Есть у вас пистолет?

— Нет.

— Глюке, дайте ему свой. — Инспектор повиновался, вручив свой автоматический пистолет Таю, который со знанием дела осмотрел его и сунул в карман пиджака. — А теперь. что вы сообщите газетчикам?

— Бонни получила предупреждение с требованием разорвать нашу помолвку, но мы оба считаем, что это дело рук какого-то психопата, и решили обручиться немедленно. Я покажу им

карты.

— Правильно. Никому ни слова о наших истинных планах. Через полчаса позвоните Эрминусу. и пригласите его провести свадебную церемонию. Бонни?

Бонни выглянула из объятий Тая.

— Как вы себя чувствуете?

— Отлично, — ответила Бонни.

— Славная девочка! А теперь приступайте к тому делу, за которое Бутч платит вам гонорары. Вы счастливы, хотя радость, естественно, сочетается с печалью. Вы выходите замуж за Тая, потому что любите его, и вы чувствуете, что Блайт и Джек тоже счастливы где-то там. на небесах, и благословляют вас. Вражде конец, и больше она никогда не возобновится. Ясно?

— Д-да, — тихим дрожащим голосом проговорила Бонни.

— Клянусь, я чувствую себя настоящим режиссером! — усмехнулся Эллери с уверенностью, которой вовсе не ощущал. и протянул руку Таю. — Удачи вам! Завтра к этому времени весь кошмар будет уже позади.

— Не беспокойтесь за нас, Квин, — сказал Тай, с серьезным видом пожимая ему руку. — Мы справимся! Только проберитесь в самолет!

— Оставайтесь здесь, — отрывисто распорядился Глюке. — Пошлите за вашим гардеробом, Тай. Не выходите из дома. Он сейчас окружен, но я пришлю сюда еще пару человек на всякий случай, чтобы вести скрытое наблюдение. Не делайте никаких глупостей, как. те герои, которых вы играете в фильмах! При малейшей угрозе кричите, как черти в аду!

— А вот эту часть я возьму на себя, — с легкой гримаской заявила Бонни; затем она попыталась улыбнуться. Все пожали друг другу руки, и Эллери с инспектором выскользнули из дома через черный ход.

* * *

Следующие двенадцать часов были сумасшедшими внешне и еще более сумасшедшими подспудно. Необходимость руководить всем из-под полы становилась сущим наказанием. Эллери постоянно отвечал на телефонные звонки, сидя у себя в номере гостиницы и давая осторожные инструкции и наставления. Ему оставалось только надеяться. что Тай и Бонни проведут свою часть спектакля удовлетворительно.

Первый ощутимый результат прогремел по радио вечером того же дня. К концу весьма

дорогостоящей субботней программы радиокомментатор прервал передачу, чтобы сообщить подробно о предстоящей сенсации. Очевидно, Сэм Викс принялся за дело со своей обычной неиссякаемой энергией. В течение двух часов четыре крупнейшие радиостанции на Тихоокеанском побережье передавали сообщения о воскресном бракосочетании в самолете Тайлера Ройла и Бонни Стьюарт. Знаменитая женщина-комментатор, запыхавшись, ворвалась в эфир, чтобы сообщить трепещущей от любопытства публике интимнейшие детали плана, якобы переданные ей из уст самих влюбленных. Интервью, сообщила радиодама, прошло в очень-очень милой обстановке. Некто, осуждающе заявила она, проявил дурной вкус, предостерегая Бонни против замужества. Но это, по ее мнению, было явным и грубым lèse majesté[63]. Дама надеялась, что каждый друг и доброжелатель этой пары бедных, страдающих, несчастных детей в пределах достижимого расстояния до аэропорта Гриффит-Парк будет находиться рядом с ними в воскресенье, чтобы продемонстрировать Таю и Бонни, как относится мир к их будущему союзу!

---

[63] Примечания: 63
Оскорбление величества, святотатство (*фр.*).

Газеты разразились сенсацией в субботнем вечернем выпуске, изгнав для этой цели с первых полос заготовки о японо-китайской войне.

И так далее, и тому подобное, до самой глубокой ночи.

Эллери в два часа ночи тайно встретился с инспектором в полицейском управлении, чтобы обсудить ход развития событий. До сих пор все шло безупречно. Ничего не подозревавшего доктора Эрминиуса должным образом пригласили провести уникальную церемонию. Доктор Эрминиус, казалось был весьма доволен ниспосланной ему Небесами возможностью соединить две невинные юные души в святой союз на фоне чистой небесной лазури, хотя и молил пылко Господа, чтобы не случилось повторения ужасного финала первой свадьбы Ройла и Стьюарт, в которой он принимал участия.

Пилот также был приглашен; он, сам того не зная, был выбран скорее за свой характер, чем за мастерство в управлении самолетом. Все знали о его повышенной чувствительности к огнестрельному оружию.

В своем кабинете Глюке подготовил несколько фотографий священника для Эллери, который явился с коробкой грима, похищенной из гри-

мерной «Магны»; оба они провели несколько вдохновенных часов, гримируя Эллери и сравнивая результат с фотографиями доктора Эрминиуса. В конце концов они пришли к соглашению, что широкое просторное пальто с бобровым воротником, в которое доктор Эрминиус кутался в прохладную погоду, окажет им неоценимую помощь, и расстались, договорившись о встрече на следующее утро.

Эллери возвратился в Голливуд, урвал три часа неспокойного сна и в восемь утра встретился с инспектором и двумя детективами у входа в солидный особняк доктора Эрминиуса в Инглвуде. Они вошли в дом, и когда вышли оттуда, их было меньше на два детектива и больше на одно пальто с бобровым воротником. Изнутри вслед за ними неслись протестующие вопли почтенного священнослужителя.

Несколько телефонных звонков, финальная проверка… Эллери скрестил пальцы на руках.

— Кажется, все, — вздохнул он. — Что ж, пока, Глюке. Увидимся либо в Трое, либо в аду!

* * *

В воскресный полдень места для стоянок автомобилей вокруг аэропорта Гриффит-Парк были

почти заполнены. В час дня здесь уже было столпотворение, порядок в котором, потея и ругаясь, тщетно пыталась навести сотня полицейских. В час пятнадцать было перекрыто движение между Лос-Фелис и бульварами Гриффит-Парка, и все автомобили заворачивались обратно; в час тридцать казалось, будто каждый владелец автомобильного транспорта штата Калифорния счел своим долгом присутствовать при свадебной церемонии Тая и Бонни.

Красный с золотом самолет Тая стоял посреди свободного пространства, значительно более широкого, чем неделю назад. Но шумная толпа наседала, натягивая канаты оцепления, угрожая их разорвать, и полиция, крича и толкаясь, изо всех сил сдерживала ее натиск. Когда синий лимузин доктора Эрминиуса под охраной мотоциклетного эскорта подкатил к взлетному полю и почтенный пастырь вышел из него в полном комплекте — с лоснящимися черными бакенбардами, закутанный до ушей в просторное пальто с бобровым воротником — как выяснилось, доктор был немного простужен, — восторженные приветственные крики потрясли небеса. А когда появились Тай и Бонни, бледные, но улыбающиеся, оглушительные вопли вспугнули стаю

голубей, вспорхнувшую в небесную синь в поисках спасения.

Камеры заработали в полную силу, репортеры сорвали голоса, надрываясь от крика, и Тай, Бонни и доктор Эрминиус были запечатлены на бесчисленных фотографиях во всевозможных ракурсах и позах, совместимых с моральными принципами семейных газет.

Тем временем нанятый летчик, очень аккуратный и подтянутый в своей пилотской униформе, получил загадочную записку и отошел к пустовавшему ангару, в котором всего лишь неделю назад были захвачены Тай и Бонни. Он вошел в ангар и огляделся по сторонам.

— Кто меня звал? — окликнул он.

Ему ответило эхо; впрочем, ответ тут же материализовался, и челюсть у летчика отвисла, когда полная бесформенная фигура в широком комбинезоне, огромных защитных очках и авиаторском шлеме вышла из-за покрытого брезентом самолета и направила револьвер прямо ему в грудь.

— А-ах! — выдохнул пилот, поднимая руки вверх.

Револьвер сделал недвусмысленный повелительный жест, и летчик на заплетающихся ногах шагнул вперед. Рукоятка револьвера описала в

воздухе короткую изящную дугу, и пилот рухнул на пол, утратив всякий интерес к происходящему.

А сквозь дыру в брезенте, под которым он задыхался уже битых два часа, инспектор Глюке с пистолетом наготове наблюдал, как свалился пилот, как закутанная фигура наклонилась над упавшим и оттащила его в угол. Инспектор и пальцем не шевельнул; удар был не опасен, а любое вмешательство могло бы нарушить все планы.

Из-за своей неудобной позиции инспектор Глюке мог видеть только неподвижное тело, лежавшее на бетонном полу, и пару рук, принявшихся раздевать пилота, освобождая его от верхней одежды. Инспектор сразу обратил внимание на разный покрой обоих пилотских костюмов; разумеется, Эгберт должен был переодеться в униформу своей жертвы, а также надеть ее шлем и защитные очки, чтобы избежать разоблачения.

Все было закончено за две минуты. Глюке видел, как нападающий швырнул на бесчувственного нилота свой комбинезон, шлем и очки; затем так же быстро исчезла и одежда летчика.

Потом нападавший снова появился в поле

зрения инспектора, переодетый уже в униформу летчика; очки и шлем на голове делали его совершенно неузнаваемым. Он склонился над неподвижной фигурой и аккуратно связал пилота, вставив ему в рот надежный кляп, Инспектор продолжал наблюдать, не шевелясь.

Нападавший втолкнул связанную жертву под тот же брезент, за которым скрывался инспектор, сунул револьвер в карман и с какой-то мрачной решимостью вышел из ангара.

Глюке приступил к действию не мешкая. Он выкарабкался из-под покрывавшего самолет брезента, подал предупредительный сигнал, и три переодетых в штатское детектива появились из металлических шкафчиков для одежды. Оставив бесчувственного пилота на их попечение, инспектор выскользнул из ангара через боковой проход и поспешно обогнул строение, смешавшись с публикой на взлетном поле. Беспечной походкой он направился к шумной, жестикулирующей толпе, окружившей золотисто-красный самолет.

* * *

«Пилот» деловито загружал сваленный в беспорядке багаж в самолет. Никто нс обращал на него

ли малейшего внимания. Наконец, он забрался,в кабину, и спустя мгновение пропеллер повернулся и под вспыхнувший монотонный рокот мотора завертелся, превратившись в сплошной сверкающий диск. Пилот выглянул из окна, нетерпеливо помахав рукой.

Преподобный доктор Эрминиус выглядел несколько обескураженным. Но уловив в толпе взгляд инспектора Глюке, кивнувшего ему, он облегченно вздохнул.

— Все в порядке, — шепнул он на ухо Таю.

— Что? — закричал тот, пытаясь перекрыть шум мотора.

Доктор Эрминиус бросил на него многозначительный взгляд. Бонни уловила его тоже и на секунду закрыла глаза; затем она улыбнулась, замахала руками, и Тай, выглядевший довольно мрачно, подхватил ее стройную фигурку на руки и понес в самолет под одобрительные возгласы толпы. Преподобный доктор Эрминиус последовал за ними более степенно. Пилот вышел из кабины, тщательно запер дверь и опять вернулся на свое место; полиция и служащие аэропорта очистили взлетную полосу; наконец, был подан сигнал, разрешающий взлет, и золотисто-красный самолет медленно покатил по полю, набирая

скорость… вот его хвост приподнялся над бетонной дорожкой, крылья поймали встречный воздушный поток. Затем он оторвался от земли и взмыл в синеву, унося с собой своих пассажиров навстречу их судьбе.

* * *

Впоследствии, вспоминая пережитое, им казалось, что все произошло очень быстро. Но в те минуты время словно остановилось, сменившись бесконечностью, во время которой тысячи людей внизу становились все меньше и меньше по мере того, как самолет кружил над летным полем, набирая высоту, и наконец превратились в движущиеся точки; ангары и административные здания выглядели игрушками, а сам аэродром неожиданно принял облик серого пятна, кишащего бесчисленными муравьями.

Бонни продолжала смотреть в окно, пока Тай прикреплял к ее голове наушник переговорного устройства; второй наушник он взял себе, а еще один вручил доктору Эрминиусу. Бонни пыталась выглядеть веселой, с глупым выражением на лице махая собравшейся внизу толпе, избегая смотреть в сторону пилотской кабины, в которой за приборами управления спокойно восседала

фигура летчика.

Тай крепко обнимал Бонни, прижимая ее к себе; правая рука его стискивала в кармане рукоять автоматического пистолета. И он не сводил глаз с затылка пилота в кожаном летном шлеме.

Что касается преподобного доктора Эрминиуса, то сей достойный джентльмен лучезарно улыбался земле и небу и перебирал в руках Слово Божие, готовясь, по всей видимости, к свадебкой церемонии, дабы скрепить узами брака предстоящий союз двух юных неопытных душ.

Тем временем самолет, достигнув высоты в восемь тысяч футов, незаметно начал склоняться в сторону пустыни, расположенной на северо-востоке.

— Мне кажется, — торжественно провозгласил доктор Эрминиус, и толпа муравьев, оставшихся внизу, замерла при звуках этого голоса, усиленного динамиком аэропорта, — что пришло время соединить вас, дети мои, в несказанном блаженстве супружества!

— Да, доктор, — слабым голосом проговорила Бонни — Я готова... — Она с трудом проглотила застрявший в горле ком, и этот звук сухим громом разнесся над аэродромом. Она поднялась и встала рядом с Таем, ухватившись за его плечо. Тай

тоже поднялся, закрывая ее собой и не вынимая правой руки из кармана.

— Господин пшют, сэр! — окликнул доктор Эрмикиус, перекрывая гул мотора.

Пилот вопросительно обернулся через плечо, сверкнув защитными очками, закрывавшими половину его лица.

— Не могли бы вы на минуточку оставить управление самолетом?

— Да, доктор, — ответил за него Тай, — Видите ли, это мой самолет. Он оборудован автопилотом системы Сперри,

— В таком случае не согласитесь ли вы присоединиться к нам, мистер пилот, чтобы принять участие в нашей церемонии как свидетель? Нам здесь будет удобнее, чем толпиться в пилотской кабине, не правда ли?

Пилот согласно кивнул, и все увидели, как он, обернувшись к ним спиной, что-то переключает на приборной панели пульта управления. Это заняло у него целую минуту, во время которой ни один из них не произнес ни слова.

Наконец, пилот поднялся со своего кресла, повернулся, согнулся и вышел в салон самолета; его грузное тело двигалось ловко и уверенно; парашютный ранец у него на спине делал его

похожим на уродливого горбуна. Преподобный доктор Эрминиус держал раскрытую Библию наготове, улыбаясь Таю и Бонни. Правая рука Тая все еще находилась в кармане; Бонни стояла рядом с ним и чуточку позади, укрытая его телом и массивной фигурой добродушного священника.

— Итак, начнем! — сказал доктор Эрминиус. — Однако, во имя Неба, мы, кажется, покидаем пределы аэродрома! Разве не предполагалось, что мы…

Рука пилота резким движением нырнула в карман и появилась оттуда с короткоствольным пистолетом; он быстро направил его прямо в сердце Бонни; указательный палец его напряженно застыл на спусковом крючке.

В то же мгновение из правого кармана Тая вырвался язык пламени, и такая же огненная струя вылетела, словно чудом, из страниц священной книги в руках переставшего улыбаться священника; пилот закашлялся и согнулся пополам, выронив пистолет из руки в перчатке, внезапно покрывшейся кровью.

Бонни закричала и отпрянула назад; Тай и доктор Эрминиус метнулись к шатающейся фигуре пилота. Тот неожиданно выпрямился и здоровой рукой нанес Таю сильный удар в челюсть,

отшвырнувший его на Бонни. Доктор Эрминиус зарычал и навалился на сыплющего проклятиями убийцу. Оба упали на пол салона самолета, тузя друг друга кулаками.

Тай, восстановив равновесие, снова бросился в схватку.

Однако пилот каким-то странным образом — никто так и не смог понять, каким именно, — ухитрился стряхнуть с себя обоих. Некоторое время все трое барахтались на полу, но затем пилот вскочил на ноги; во время борьбы шлем и защитные очки были сорваны с его пылавшего яростью лица.

— Вам никогда меня не повесить! — закричал он и, прежде чем кто-либо из мужчин сумел подняться с пола, бросился к двери, рывком распахнул ее и выпрыгнул прямо в бескрайнее небо.

Тело его ударилось о гладкую металлическую обшивку крыла и рухнуло вниз, навстречу далекой безлюдной каменистой земле.

Оставшиеся на борту в ужасе следили за его падением.

Кувыркающаяся фигура, неистово размахивая руками, становилась все меньше и меньше.

Однако спасительный купол парашюта так и

не вспыхнул над ней, и тело превратилось в крохотное, все уменьшающееся пятнышко, которое вдруг перестало уменьшаться и едва заметной точкой застыло на сморщенной поверхности земли.

Глава 21
Экскурсия во времени

Аэродром представлял собой кипящий котел, когда они приземлились. Полиция вовсю работала своими дубинками. Репортеры с камерами и репортеры с блокнотами вступали с ней в открытую борьбу, чтобы прорваться через кордон.

Эллери с одной отклеившейся бакенбардой склонился над Бонни, успокаивая ее. Он заметил инспектора Глюке, энергично жестикулировавшего посреди небольшой армии детективов у пустого ангара, и удовлетворенно улыбнулся от сознания только что пережитой смертельной опасности.

— Все в порядке, Бонни, — сказал он девушке. — Все уже прошло. Вам больше нечего беспокоиться. Все в порядке. Поплачьте немного, и вам станет легче.

— Погоди минутку! — проворчал Тай, сидя за штурвалом. — Дай мне остановить эту чертову летающую телегу!

— Я жду, — всхлипывала Бонни. — О, Тай, я жду! — и она вновь и вновь вздрагивала при вос-

поминании о маленькой человеческой фигурке, переворачивающейся в воздухе, точно мертвая букашка.

Инспектор торопливо завел их в ангар, подальше от глаз любопытной толпы. Он был оживлен, краснолиц, разговорчив, и непрестанно улыбался, пожимая руки Таю, Эллери и Бонни, выслушивая подробности, отдавая приказания и уверяя, что все произошло точно, как в кино. Снаружи полицейскому самолету удалось отыскать свободную площадку для взлета; от направился на северо-восток с траурной миссией обнаружить и собрать останки того, кто искал спасения, а обрел смерть.

Тай обхватил Бонни, словно боясь ее потерять, и принялся проталкиваться сквозь толпу детективов к выходу из ангара.

— Эй, вы куда? — схватил его за руку Эллери.

— Отвезу Бонни домой. Не видите разве, что бедная крошка готова вот-вот упасть в обморок? Послушайте, ребята, помогите нам выбраться из аэропорта!

— Ты ведь не захочешь покинуть меня сейчас, Бонни? — усмехнулся Эллери, потрепав ее по подбородку. — Ну же, выше голову! Не вешай нос, и давай совершим еще одну воздушную прогулку!

— Еще одну? — закричал Тай. — Куда же, во имя Бога? Мало вам воздушных прогулок для одного дня?

— Мне мало, — сказал Эллери. Он начал срывать с себя фальшивые бакенбарды, вопросительно поглядывая на инспектора. Тот довольно хмуро кивнул, и, прежде чем Тай успел раскрыть рот для возражения, его и Бонни поспешно провели на взлетное поле между рядов полицейских прямо в большой транспортный самолет, стоявший на бетонной дорожке с работающим мотором.

— Эй, имейте же совесть! — раздались возмущенные голоса репортеров. — Глюке! Дайте нам шанс! Глюке!

— Тай!

— Бонни!

Однако инспектор оставался непреклонным, последовав за Таем и Бонни в самолет, где их уже ожидали несколько знакомых фигур с побледневшими лицами, сбившихся в тесную группку.

Они уставились на Тая и Бонни, а Тай и Бонни в недоумении уставились на них; Глюке подождал, пока Эллери займет место в салоне самолета, и негромко сказал несколько слов пилоту.

После этого они все стали смотреть на уносящееся назад запруженное толпой взлетное

поле, когда самолет, набрав разбег, оторвался от бетонной полосы и взмыл в воздух, взяв курс на юго-восток.

* * *

Вскоре они уже садились на маленьком аэродроме возле горного поместья Толленда Стьюарта. Как только они приземлились, еще один самолет, сопровождавший их от самого Лос-Анджелеса, опустился на посадочную полосу вслед за ними.

Эллери, теперь уже со своим собственным лицом, спрыгнул на землю еще до того, как самолет остановился. Он помахал рукой второму самолету и бросился бежать к ангару, перед которым высилась тощая фигура доктора Джуниуса. Рот у доктора был широко раскрыт, а глаза выпучены в недоумении и замешательстве.

Из второго самолета высыпала толпа полицейских и быстро рассеялась в лесу вокруг дома.

— Что это? — заикаясь, пробормотал доктор Джуниус, глядя на неожиданных посетителей, выходящих из первого самолета. — Мистер Ройл? Мисс Стьюарт? Что случилось?

— Все в свое время, доктор, — отрывисто сказал Эллери, беря его за руку. Он крикнул остальным: — Пошли к дому? — и зашагал вместе с врачом

по тропинке через рощу.

— Но…

— Ну-ну, немного терпения!

Приблизившись к дому, Эллери спросил:

— А где же старый пожиратель огня? Мы не можем обойтись без него!

— Мистер Стьюарт? Он в своей комнате, простуженный и поэтому страшно злой. Он уверен, что подхватил грипп! Погодите, я предупрежу его… — Доктор Джуниус вырвался из цепких пальцев Эллери и бегом бросился вверх по лестнице, ведущей в жилые помещения. Эллери с усмешкой наблюдал за ним.

— Наверх, — обратился он к остальным. — Старый джентльмен для разнообразия решил сказаться больным.

Поднявшись на второй этаж, они обнаружили доктора Джуниуса, уговаривающего и успокаивающего старика, который сидел на кровати, опершись на две огромные подушки, закутанный чуть ли не до бровей в шерстяное индейское одеяло, сердито сверкая глазами на незваных гостей.

— Кажется, я сказал вам, — начал старик свою гневную тираду, но тут он заметил Бонни: — А. так ты снова явилась! — прохрипел он.

— Вот именно, — сказал Эллери, — и, как види-

те, с многочисленным сопровождением. Надеюсь, мистер Стьюарт, на сей раз вы не будете таким негостеприимным, как в прошлое наше посещение. Видите ли. я должен рассказать небольшую историю, и было бы жаль, если бы ее не выслушали.

— Историю? — с кислой миной переспросил старик.

— Историю о головоломных трюках в небесах Калифорнии. Мы только что поймали убийцу Джона Ройла и вашей дочери Блайт.

— Что? — ошеломленно ахнул доктор Джуниус.

Старик раскрыл беззубый рот, снова закрыл его, и опять раскрыл, молча переводя взгляд с Эллери на Глюке и обратно, Рот его так и остался открытым.

— Да, — сказал Эллери, глядя на тлеющий кончик сигареты. — Худшее уже позади, джентльмены. Очень опасный негодяй покончил свои земные счеты. Впрочем, я не совсем прав, говоря «поймали». Он мертв, если только не изобрел способ остаться в живых, выпрыгнув с самолета на высоте восьми тысяч футов с парашютом, который не раскрылся.

— Мертв… Да-да, понимаю… — растерянно

моргал доктор Джуниус. — Кто же он? Я не могу себе представить... — Его выпученные глаза, глядевшие из желто-фиолетовых орбит, медленно обегали присутствующих в комнате.

— По-моему, самым разумным будет, если мы рассмотрим всю эту печальную историю по порядку, — сказал Эллери, выдыхая клуб табачного дыма. — Итак, начну с начала. В двойном убийстве Джона Ройла и Блайт Стьюарт имелись два звена, которые указывали на нашего ныне покойного приятеля, как на единственного вероятного виновника преступления: мотив и возможности его осуществления.

Именно в связи с мотивом преступления случай был наиболее любопытным. В своем роде даже уникальным. Давайте поглядим, с чем нам пришлось иметь дело.

Ни у Блайт, ни у Джека не было за душой ни ломаного гроша, ради которого стоило бы их убивать: таким образом, убийство из-за денег исключалось. Поскольку романтические причины, как, например, ревнивые обожатели с обеих сторон, также отсутствовали — Блайт вела высокоморальный образ жизни, а все приятельницы Джека, как установил Глюке, имели безупречное алиби, — то единственно возможный эмоцио-

нальный мотив мог исходить лишь из вражды между Ройлами и Стьюартами. Однако мне удалось, как знают некоторые из вас, отклонить вражду в качестве мотива преступления.

Если вражда исключалась, то ни Джек Ройл, ни Тай Ройл не могли быть заподозрены в преступлении, поскольку кроме вражды никаких других мотивов у них не было.

Но если так, — пожал плечами Эллери, — то мы сталкиваемся с загадочной ситуацией. Никто не извлекает никакой выгоды из двойного убийства, ни моральной, ни материальной. Другими словами, двойное убийство совершено на первый взгляд без всяких видимых причин.

Получается явный абсурд. Единственный вид преступлений, который можно отнести к беспричинным, есть преступление в состоянии аффекта, совершенное под влиянием сиюминутного импульса, — да и то, строго говоря, за подобным преступлением обычно всегда таятся глубоко скрытые мотивы, даже если сам мотив проявляется только во внезапном эмоциональном взрыве. Однако убийство Джека и Блайт не подпадает и под эту категорию. Это было явно преднамеренное, заранее обдуманное преступление — угрожающие письма, керамика

с термосами, фальшивый след для обвинения Джека и Тая, яд и так далее.

Почему, в таком случае, Блайт Стьюарт, против кого первоначально и исключительно замышлялось преступление, была приговорена к смерти? Нет сомнения, что в столь тщательно спланированных действиях должен быть скрытый мотив. Но какой?

Бот тут-то и возник один из самых необычных вопросов в моей практике. Возможно ли существование такого мотива убийства, чтобы его нельзя было обнаружить самыми тщательными методами логического и следственного анализа? Он существует — мы это знаем — но мы не видим его, не в состоянии уловить даже его тени; он таится в области сплошного мрака.

Но может быть, — медленно продолжал Эллери, — мы не в состоянии увидеть мотив по самой простой из всех очевидных причин? Мы не видим его потому, что он не существует… пока.

Он умолк, и инспектор Глюке заговорил с раздражением:

— Вы утверждали, что существовал мотив, что Блайт Стьюарт была убита именно в связи с этим мотивом, что нам надо только его обнаружить, и все преступление будет раскрыто. А теперь вы

заявляете, что мы не можем обнаружить этот мотив, поскольку его еще нет! Но если его нет, то как мог убийца планировать свое преступление? И за каким дьяволом он вообще планировал его? Вы соображаете, о чем говорите?

— Наша занимательная дискуссия, — усмехнулся Эллери, — свидетельствует об ограниченных возможностях человеческой речи. Глюке, все так просто, что граничит с абсурдом. Суть дела во времени — я употребил слова «пока», если вы помните.

— Во времени? — удивленно повторила Бонни.

— Именно — в том невидимом «нечто», которое становится видимым на ваших ручных часах. Основа «Волшебной горы» и математических исчислений Альберта Эйнштейна. Время… Сколько времени? Есть ли у вас свободное время? Я прекрасно провожу время!

Он рассмеялся.

— Вот посмотрите. Как бы великие умы ни определяли время, человечество для практических целей разделяло его на три категории: прошлое, настоящее и будущее. Все живущее на Земле руководствуется одной, двумя или всеми тремя из этих категорий. Деловой человек выплачивает сумму денег в банк, потому что он

брал у него кредит в прошлом; разумеется, его текущая головная боль непосредственно связана с прошедшими событиями. Я курю эту сигарету потому, что имею желание удовлетворить свою потребность в никотине в настоящем. Но разве будущее не столь же важно в нашей жизни? Человек копит на черный день — наш способ воспринимать будущее как реальность. Женщина покупает бифштекс утром, так как знает, что ее муж придет вечером голодный. «Магна» планирует фильм о футболе в мае, поскольку известно, что в октябре люди будут болеть за свои любимые футбольные команды. Будущее, будущее, будущее; им продиктовано девяносто процентов всей нашей деятельности.

В свою очередь, — резко подчеркнул он, — меня поразило, что преступление — убийство — связано со временем так же неразрывно, как и прочие человеческие поступки. Муж убивает жену сегодня, потому что она была ему неверна вчера: преступление, обусловленное прошлым. Или тот же муж может убить жену, застав ее за актом супружеской измены — что означает уже настоящее время. Но не может ли муж также убить жену, подслушав о ее намерении изменить ему завтра?

Итак, — подытожил Эллери, — не найдя в прошлом события, которое могло бы повлечь за собой убийство Блайт Стьюарт, не найдя в настоящем подобного же события, совпадающего по времени с преступлением, я внезапно с поразительной ясностью понял, что Блайт Стьюарт могла быть убита из-за события, которому предназначено состояться в будущем!

— Вы хотите сказать… — неуверенным голосом проговорил инспектор Глюке. Он не закончил, но после этого уже не спускал глаз с одного из присутствовавших в комнате. Во взгляде его светилось то ли смутное любопытство, то ли неясное подозрение.

— Но какое событие, — продолжал Эллери, — должно было произойти в будущем, чтобы послужить серьезным мотивом для убийства Блайт Стьюарт? Из всех фактов, создававших личность Блайт Стьюарт — женщина, актриса, член общественной формации, которую мы называем «семьей», — только один фактор стоял особняком. Когда-нибудь отец Блайт Стьюарт покинет нашу земную юдоль. И когда отец Блайт Стьюарт умрет, она унаследует огромное состояние. Она еще не была наследницей, но ей было предназначено ею стать.

Старик в постели поглубже зарылся в свои одеяла и подушки, с горечью глядя на Бонни.

— Но это значит… — побледнев, сказала Бонни. — В случае маминой смерти, я бы унаследовала…

— Квин, вы с ума сошли? — возмущенно перебил ее Тай.

— Вовсе нет; ваши руки чисты, Бонни. Ибо разве после гибели вашей матери не стало очевидно, что и вы тоже приготовлены к смерти? Все эти угрожающие письма? Пиковый туз?

— Нет, — продолжал Эллери, — вы были единственной, кто получил бы прямую выгоду в результате смерти вашей матери — с точки зрения наследства, разумеется. Но существовала также единственная личность, которая выиграла бы от смерти вас обеих — вашей матери и вас, — единственная личность, стоящая следующей на очереди после того, как вы, обе женщины, умрете.

Вот каким образом я пришел к выводу, что за всем этим дьявольским замыслом должен скрываться единственный из родственников Толленда Стьюарта, который останется в живых после смерти вас и вашей матери. Вот каким образом я пришел к выводу, что убийцей был

Лу Бэском.

Глава 22
Начало конца

Наступило короткое молчание, во время которого слышно было только тяжелое астматическое дыхание старика в постели,

Наконец, он пробормотал:

— Лу? Мой кузен Лу Бэском?

Доктор Джуниус продолжал растерянно моргать, не говоря ни слова.

— Да, мистер Стьюарт, — сказал Эллери, — ваш кузен Лу Бэском, задумавший и весьма успешно продвинувшийся на пути к осуществлению блестящей перестановки обычной процедуры убийства ради получения наследства. Странный тип, этот Лу. Вечно в долгах, без копейки денег, слишком непостоянный, чтобы остепениться и направить свои несомненные таланты на будничные и полезные дела, он планирует убийство как более легкий путь к обогащению. Конечно же, путь оказался трудным, но такого человека, как Лу, в этом убедить никак невозможно.

Лу был не сентиментален и, естественно, немного не в своем уме. Все убийцы в чем-то

ненормальные. Но сдвиг в его психике не помешал ему сообразить, что у человека значительно больше шансов избежать подозрения в убийстве, если ему удастся скрыть мотив преступления. Обычно при убийстве ради наследства первым убивают владельца состояния, чтобы начать за ним охоту. Затем устраняются наследник или наследники, пока состояние, легально переходя от одного к другому, не попадет наконец к последнему из оставшихся в живых, становясь его собственностью. Существует множество подобных дел. Но беда в том, как убедились многие убийцы на своем печальном опыте, что в подобном методе чересчур явственно прослеживается мотив.

Для Лу это было слишком очевидно. Если ваша дочь Блайт будет убита в то время, как ее отец Толленд Стьюарт останется в живых, то для полиции истинный мотив ее убийства останется безнадежной и неразрешимой загадкой. Конечно, первоначально Лу рассчитывал, что фальшивый след, ведущий к Джеку Ройлу, тут же натолкнет полицию на мысль о их непримиримой вражде, как о возможном мотиве. Но даже после того, как ему пришлось убить Джека Ройла и разрушить с таким трудом созданный им же ложный след,

он все равно оставался в полной безопасности: Толленд

Стьюарт продолжал оставаться в живых. Затем Лу планировал убить Бонни, и вновь ее смерть казалась бы логическим результатом вражды между Ройлами и Стьюартами. Вся глупая детская затея с игральными картами преследовала лишь одну цель: проложить след к Таю Ройлу. И все это время Толленд Стьюарт будет жить, не подозревая, что именно его смерть, а не смерть дочери и внучки, была последней и окончательной целью убийцы.

— О, дедушка! — воскликнула Бонни, подходя к старику и садясь рядом с ним на кровать. Тот испуганно откинулся на подушки, совершенно измученный.

— Значит, он задумал убить меня? — пробормотал он.

— Вряд ли, мистер Стьюарт, Я думаю — я знаю — что он решил позволить Природе следовать своим путем. Вы старый человек… Впрочем, мы к этому еще вернемся.

Теперь относительно второго звена: возможности осуществления преступления. Каким образом Лу Бэском совершил убийство в аэропорту? Эта проблема заставила меня немного поразмыс-

лить.

— А ведь верно, — вмешался Алая Кларк, до сих пор молча стоявший между Сэмом Виксом и задумчивым, хмурым Жаком Бутчером. — Лу был с тобой и со мной в то воскресенье, когда подставной пилот угнал самолет. Так что Лу просто не мог быть тем пилотом. Ничего не понимаю!

— Верно, Алан; он не мог быть угонщиком самолета. И я понял, что если мне удастся доказать непричастность угонщика к запланированному убийству, то я смогу методом простого исключения вычислить того, кто отравил Джека и Блайт.

Итак, кто же был угонщиком? О нем мне было известно, как вы только что заметили, лишь одно: кем бы они был, это не Лу.

— А почем вы знали, — спросил инспектор Глюке, — что это не его сообщник? Я бы сразу так подумал!

— Не мог он быть сообщником Бэскома, инспектор. Пола Пэрис снабдила меня необходимой информацией — первой из двух улик, которые я получил благодаря ей.

— Опять эта дамочка Пэрис! Вы хотите сказать, что она тоже в этом замешана?

— Господи, нет! Но Пола сообщила о похищении самолета до того, как похищение состоялось.

Некто позвонил ей из аэропорта — она вам этого не говорила, но мне сказала. Кто мог знать о похищении самолета и позвонить Поле до того, как оно совершилось? Только тот, кто задумал или был вовлечен в это похищение. Однако «некто», позвонивший Поле, вовсе не делал секрета из того, кто он такой, — она призналась в этом мне, хоть из этических соображений и не назвала имени.

— Назойливая, вечно путающаяся под ногами всезнайка! — зарычал Глюке. — Ну, теперь-то я ей шейку сверну! Сокрытие важной улики!

— О нет, ничего вы ей не сделаете, — сказал Эллери. — Прежде чем мы закончим, вы еще будете благодарить ее, Глюке; если бы не она, это дело никогда не было бы раскрыто.

Итак, если бы угонщик самолета был связан с убийством, как сообщник Лу, то стал бы он выдавать себя газетчице, особенно перед тем, как должно было совершиться преступление? Ерунда, И если бы он гам был преступником — он, а не Лу, — то стал бы он выдавать себя Поле, ни с того ни с сего вручая ей свою судьбу? Совершенно невероятно. И в самом деле: его телефонный звонок к ней, откровенное стремление к тому, чтобы она его узнала, указывает со всей очевидностью,

что он и понятая не имел о готовящемся убийстве, что он не был отравителем или пособником отравителя, и даже, если на то пошло, настоящим угонщиком самолета и похитителем людей.

— Чем дальше, тем хуже, — пробормотал Глюке, — Повторите-ка еще раз!

— Мы к этому вернемся, — усмехнулся Эллери. — Давайте продвинемся дальше по линии Лу Бэскома. Я пришел к выводу, что угонщик самолета ни с какой стороны не был причастен к убийству. А это означает, что он не сыпал отраву в термосы с коктейлями.

Но если не он, то кто же? В самом деле, кто? Напитки были абсолютно безопасные, когда все пропустили по стаканчику перед отлетом — факт совершенно очевидный, поскольку никто из приложившихся к рюмке не пострадал, а пили многие. Поэтому морфий с этаминалом натрия должен был попасть в термосы после того, как разлили по последней.

Но когда именно? В самолете этого случиться не,могло, поскольку мы исключили Джека, Блайт и угонщика из числа возможных убийц, а только они входили в самолет между заключительным «посошком на дорожку» и отлетом. Значит, термосы были отравлены до того, как корзинка

с гаши попала в самолет, но после окончания дегустации их содержимого. Но я сам сидел на корзинке с термосами после того, как их закрыли, и вставал с нее только раз, чтобы передать ее из рук в руки угонщику, когда он укладывал багаж в самолет.

Таким образом, вы видите, — продолжал Эллери, — что путем простого исключения я приблизился к единственно возможному отрезку времени и единственно возможному исполнителю. Термосы могли быть отравлены только в момент между последним распитием и той минутой, когда я сел на корзинку. Кто предложил выпить по последней? Лу Бэском. Кто разливал напитки? Лу Бэском. Кто сразу после этого уложил термосы в корзинку? Лу Бэском. Поэтому только Лу Бэском и мог подбросить яд в термосы, скорее всего тоща, когда заворачивал на них крышки.

Инспектор сердито проворчал что-то про себя.

— Итак, оба звена — мотив и возможность совершения преступления — указывают на Лу, как на единственно реальное действующее лицо, имевшее повод и способное осуществить задуманное. Но какие у меня были доказательства. которые могли бы удовлетворить суд? Абсолютно никаких. Я установил истину путем чисто

теоретических размышлений и логических выводов, не имея никаких вещественных или хотя бы юридически обоснованных улик наподобие свидетельских показаний или документальных подтверждений. Вот почему Лу надо было заманить в ловушку. поймать на месте преступления, заставить выдать себя, и в результате всего этого обезвредить. Что и случилось сегодня.

— Но кто же, черт побери, тот загадочный угонщик самолета? — спросил Бутч.

— Если вы помните, я сказал, что он, в сущности, вовсе и не был настоящим угонщиком. Если бы он действительно серьезно намеревался силой похитить Джека и Блайт, держать их взаперти с требованием выкупа или чего-нибудь подобного, стал бы он сообщать об этом в первую очередь газетчице? Конечно нет. Поэтому для меня было ясно с самого начала, что похищение было не настоящим. Призрак, за которым мы охотились, разыграл фальшивое похищение!

— Фальшивое? — закричал Глюке. — Хорошенькое дельце! После того, как мы все глаза высмотрели, разыскивая его?

— Ну, конечно, инспектор. Ибо кто же станет разыгрывать похищение и информировать о нем заранее известную газетную обозревательницу?

Только тот, кто заинтересован в газетной публикации, в рекламе. А кто мог быть заинтересован в газетной шумихе вокруг Джека Ройда и Блайт Стьюарт? — Эллери усмехнулся. — Ладно, чего уж там, Сэм; давайте, выкладывайте! Все равно вам деваться некуда!

Викс побледнел и с трудом проглотил комок, застрявший у него в глотке. Его единственный глаз дико бегал по сторонам в поисках выхода.

— Вы? •— ахнул инспектор. — Ах вы, тупоголовый одноглазый бабуин, вы…

— Спокойно, — прервал его Эллери. — Можно ли вытравить инстинкты у хищного ястреба или у закоренелого рекламного агента? Ведь это был звездный шанс всей вашей жизни, не правда ли, Сэм?

— Да, — с трудом проговорил Викс.

— Свадьба двух всемирно известных людей, гигантский всплеск всенародного интереса к проводам в аэропорту… ну, а если вдобавок этих двух еще и похитят, то фильм, который Бутч собирается снимать в киностудии «Магна», получит миллионную рекламу!

— Миллион страданий я получил от всего этого! — простонал Викс. — Я хотел сделать сюрприз, даже Бутчу не сказал. Я решил открыться Джеку

и Блайт, когда мы улетим на безопасное расстояние, а потом спрятаться где-нибудь на несколько дней. Они ведь все равно мечтали об уединении и покое… О, жалкий идиот! Когда я обернулся и увидел, что они мертвы, у меня все внутренности перевернулись. Я понял, что попал в худшую из передряг. Если я сдамся полиции и расскажу правду, мне никто не поверит; особенно такие как Глюке, с одноцилиндровым мозгом. Я уже видел себя обвиняемым в двойном убийстве и совершающим прогулку в эфире с петлей на шее. Что мне оставалось делать? Я посадил самолет в первом удобном месте и сбежал.

— Вы, — ядовито процедил инспектор Глюке, — у меня попляшете за ваши фокусы! Я вам покажу рекламу!

— Успокойтесь, инспектор, — проворчал Жак Бутчер. — К чему заставлять студию терпеть убытки? Конечно, Сэм совершил глупость, но его ни под каким видом нельзя обвинить в случившемся; если бы не убийство, то ничего страшного бы не произошло. Конечно, он получит по заслугам в газетах; уж те-то разделают его по первое число! А вы наконец нашли беглого пилота, и можете прекратить поиски.

— Вы не только нашли беглого пилота, —

вкрадчиво произнес Эллери, — но если будете пай-мальчиком, Глюке, то я, возможно, подкину вам кое-что еще.

— Неужели весь этот кошмар еще не кончился? — в отчаянье воскликнул инспектор, воздев руки к небесам.

— Итак, что заставило Лу изменить свои планы? — спросил Эллери. — Что заставило его убить не только Блайт, но и Джека Ройла? Что произошло между началом его угроз с помощью игральных карт и днем убийства?

Произошло только одно очень важное событие — Блайт зарыла топор войны, отказалась от многолетней вражды с Джеком, фактически объявила о своем намерении выйти за него замуж и выполнила обещание.

Но каким образом замужество Блайт могло вынудить Лу пойти на убийство не только ее, но и ее мужа? Посмотрим, что лежало в основе его замысла: завладеть всем состоянием Стьюартов. Кто этому препятствовал? Блайт и Бонни. Но когда Блайт вышла замуж за Джека Ройла, он тоже стал помехой. Потому что согласно условиям завещания Толленда Стьюарта половина состояния переходила во владение Блайт Стьюарт, а в случае ее смерти — ее наследникам. Но теперь ее

наследниками являлись не только ее дочь Бонни, но и ее муж Джек. Лу не мог допустить, чтобы Джек унаследовал половину состояния Блайт,* что неизбежно произошло бы, останься он в живых. Только смерь Джека до того, как состояние перейдет наследникам, решала проблему и оставляла Бонни единственной наследницей.

Итак, Лу убил Джека. Теперь он должен убить Бонни. Но что произошло перед тем, как он подыскал подходящий случай, чтобы осуществить свой замысел? История повторилась. Бонни объявила о своем намерении выйти замуж за Тая. Теперь уже Тай становится помехой на пути у Лу Бэскома, ибо если Бонни выйдет замуж за Тая, а Лу убьет одну Бонни, то все состояние старого Толленда согласно его завещанию переходит к ее наследникам — или к Таю, ее супругу!

Поэтому Лу всячески старался воспрепятствовать их браку, так как если бы ему угрозами и запугиванием удалось заставить Бонни отказаться от намерения выйти замуж за Тая, ему пришлось бы убить только одну Бонни; в противном случае он вынужден был бы убить их обоих, что, как вы сами понимаете, намного сложнее.

— Все это очень хорошо, — пробормотал Глюке, — но вот чего я никак не пойму: каким образом

Бэском рассчитывал держать под контролем завещание мистера Стьюарта? Как он мог быть уверен, что мистер Стьюарт, узнав о гибели дочери, не напишет новое завещание, по которому Лу не достанется ни цента, задумай он хоть сотню убийств?

— А! — сказал Эллери. — Очень важный вопрос, Глюке. Обсуждая его и связанную с ним тактику поведения мистера Бэскома, я вынужден вновь сослаться на моего бесценного друга, мисс Полу Пэрис. Не женщина, а сокровище! В первую же нашу встречу она нарисовала интересный словесный портрет Толленда Стьюарта. Она рассказала мне о его ипохондрии, о его брошюрах, яростно обличающих вред различных стимуляторов, включая кофе и чай; о том, как он пьет холодную воду из чайной ложечки, поскольку боится, что иначе вода может повредить его" желудку — простудит его, я полагаю; о его резких выступлениях против белого хлеба…

— Но я не понимаю, что общего может иметь…

— Все это истинная правда, — неожиданно вмешался доктор Джулиус, откашлявшись. — Но я тоже не вижу, насколько уместно сейчас…

— Мне кажется, доктор, — сказал Эллери, — что вас ожидает неприятное потрясение. Вашей вере

в человечество грозит суровое испытание. Можете ли вы себе представить Толленда Стьюарта, противоречащего собственным принципам?

Лицо доктора Джулиуса стало похожим на желтое тесто:

— Ну, в определенном смысле, возможно…

— Естественно, это вас смущает. Вы удивлены тому, что Толленд Стьюарт может поступать вопреки своей ипохондрии?

— Нет, почему же, такое случается. То есть, я не знаю, что вы имеете в виду, но…

— Ладно, доктор, — твердо сказал Эллери. — Сейчас я вам объясню. В пятницу после полудня мисс Стьюарт и я, как вы помните, явились сюда, чтобы навестить ее дедушку. Вы отсутствовали — отправились за покупками, если я не ошибаюсь? И очень жаль. Потому что когда мм пришли к мистеру Толленду Стьюарту, лежащему в этой комнате, — да, в этой самой кровати, — то чем он был занят? Человек, испытывающий панический ужас перед белым хлебом, ел сэндвич из мяса с белым хлебом! Человек, который прихлебывает холодную воду из чайной ложечки, потому что боится простудить желудок, человек, который избегает всяких возбуждающих средств, считая их смертельным ядом, этот человек большими

глотками поглощал: невероятнее количество ледяного чая!

Старик в постели захныкал, а доктор Джулиус весь как-то сморщился, словно увядшее на корню растение. Что касается остальных, то они в недоумении следили за происходящим, не зная, что и подумать. Только инспектор Глюке, казалось, был начеку; он подал сигнал одному из своих людей. Детектив подошел к кровати и жестом предложил Бонни удалиться. Тай подскочил, схватил Бонни за руку и стащил ее с постели.

Старик с живостью отчаяния отшвырнул в сторону индейское покрывало и потянулся за ружьем, стоявшим у его изголовья. Но Эллери оказался более проворным.

— Э, нет, — сказал он, вручая ружье инспектору. — Еще не время, сэр!

— Ничего не понимаю, — воскликнула Бонни; взгляд ее растерянно перебегал с Эллери на старика и обратно. — Какая-то бессмыслица! Вы говорите так, словно… словно этот человек — не мой дедушка!

— Так оно и есть, — ответил Эллери. — У меня имеются все основания подозревать, что перед нами человек, якобы покончивший жизнь самоубийством, — старый, отчаявшийся и больной

человек, известный в голливудской общине статистов под именем Артура Уильяма Парка, актера.

* * *

Если инспектор Глюке и ожидал каких-либо откровений, то не таких ошеломляющих; он оторопело уставился на съежившегося на кровати старика, спрятавшего лицо за сморщенными руками.

— Этот сэндвич и ледяной чай, — продолжал Эллери, — навели меня на мысль о возможности подмены Толленда Стьюарта. Я начал сопоставлять мелкие детали друг с другом; детали, которые озадачили меня или ускользали прежде от моего внимания, но которые стали складываться в единое целое после того, как у меня возникли подозрения.

Прежде всего, подмена была вовсе не трудным делом; в данном случае совершить ее было проще простого. Сложность замены одного человека другим заключается в том, что двойники встречаются крайне редко, и даже самый искусный грим при длительном контакте с самозванцем не может ввести в заблуждение людей, хорошо знающих того, кто подвергся подмене.

Однако, — пожал плечами Эллери, — кто хорошо знал Толленда Стьюарта? Его родная дочь посетила его всего два или три раза за последние десять лет; но даже если допустить, что Блайт сумела бы распознать подмену, она была мертва. Бонни? Едва ли; она не встречалась с дедом с тех пор, как носила детские переднички. Доктор Джуниус? Пожалуй, он единственный, кто виделся с Толлендом Стьюартом ежедневно, изо дня в день, на протяжении десяти лет… нет-нет, доктор, уверяю вас, это бесполезно. Дом окружен, а за дверью дежурит полицейский.

Доктор Джуниус прекратил попытки незаметно приблизиться к двери и застыл, нервно облизывая губы.

— Потом был инцидент в воскресенье, когда мы прилетели сюда после обнаружения мертвых Джека и Блайт в самолете Тая на плато. Мне показалось тогда, что я расслышал шум мотора сквозь грохот грома. Я вышел под дождь и хоть не увидел самолета, но зато увидел человека, лежащего сейчас в постели, притаившегося снаружи у стены дома с пилотским шлемом на голове. В то время это только удивило меня, но когда я заподозрил подмену, то понял, что объяснение здесь весьма простое; этот человек был только что доставлен

в усадьбу Стьюартов самолетом, мотор которого я слышал. И, несомненно, пилотируемым Лу Бэскомом, улетевшим с плато до нас на армейском транспортнике. Лу имел навыки летчика, что мне было известно, поскольку он сам вызвался пилотировать свадебный самолет, когда обсуждался план организации торжественной церемонии обручения Джека и Блайт; более того, он даже предлагал использовать для этой цели свою собственную машину. Так что Лу, должно быть, вернулся в аэропорт с военным транспортником, захватил Парка в его жилище, высадил его здесь, в поместье Толленда Стьюарта, и спокойно вернулся в Лос-Анджелес. Вы ведь, Парк, не так ли?

Старик в постели открыл лицо. Доктор Джуниус попытался что-то крикнуть, однако закрыл рот, так и не издав ни звука.

— Вы ведь не Толленд Стьюарт?

Старик не шевельнулся и не ответил, Лицо его совершенно изменилось; резкие черты еще более обострились, но утратили былую раздражительность и злобу; теперь он выглядел просто больным и старым, точно замшелый валун, человеком, до смерти усталым и измученным.

— Есть возможность установить это с предельной точностью, — сказал Эллери со странной

жалостью в голосе. — В ящике письменного стола в кабинете внизу находится завещание Толленда Стьюарта, подписанное им самим. Не могли бы вы, мистер Парк, подписаться именем Толленда Стьюарта с целью сравнения?

— Не надо! — в отчаянии воскликнул доктор Джуниус, но старик покачал головой: — Бесполезно, Джуниус. Все раскрыто…

Он откинулся на подушки, закрыв глаза.

— Были еще и другие подозрительные мелочи, — продолжал Эллери. — Например, поведение доктора Джуниуса в то воскресенье. Он устроил грандиозный обман. Он знал, что Толленда Стьюарта нет наверху. Он ожидал Парка; наше неожиданное появление должно было привести его в бешенство. Когда мы в конце концов поднялись наверх и обнаружили Парка, доктор так удивился, что едва не потерял сознание. Он не слышал шум мотора самолета. И мог ли он ожидать, чтобы человек, ни разу не бывавший в доме, сумел проникнуть в него, на ощупь в потемках отыскать комнату Стьюарта, торопливо переодеться в его ночную пижаму и забраться в постель старика? О, все это было выполнено мастерски! Мистер Парк первоклассный актер; он досконально изучил свою роль и сопутству-

ющие ей обстоятельства. После воскресенья, само собой разумеется, он получил дальнейшие инструкции.

— Выходит, доктор был сообщником Бэскома? — ошарашенно опросил инспектор.

— Конечно. Как и мистер Парк, хотя последний, как мне кажется, виновен меньше остальных двух.

Заподозрив подмену Толленда Стьюарта, я задался вопросом: для чего это понадобилось? Ответ мог быть только один. Весь план Лу Бэскома основывался на том, чтобы старик Стьюарт оставался в живых посте смерти Блайт и Бонни; если Толленда Стьюарта подменили, то это могло означать только то, что Толленд Стьюарт мертв. Когда же он умер? Я знал, что за четыре дня до смерти Джека он был еще жив…

— А откуда вы могли знать это?

— Потому что в тот день, когда Блайт и Джек посетили его здесь, его дочь видела отца и могла заподозрить подмену. Но главное, он выписал ей чек на сто десять тысяч долларов, который она передала Джеку. Принял бы банк Стьюарта этот чек, если бы на нем стояла фальшивая подпись? Вот почему я не сомневался, что за четыре дня до убийства Стьюарт все еще находился среди

живых.

Вероятнее всего, он умер между тем днем и следующим воскресеньем. Наверное, в субботнюю ночь, то есть в ночь накануне убийства, потому что Лу пришлось спешно переправлять сюда Парка при весьма критических и рискованных обстоятельствах, чего он не стал бы делать в воскресенье, если бы мог это совершить раньше. В моем понимании все обстояло примерно так: в субботу ночью доктор Джулиус позвонил Лу Бэскому и сообщил о внезапной смерти Толленда Стьюарта. Лу вспомнил о Парке, приказал доктору зарыть тело своего благодетеля как можно глубже, а сам вплотную занялся разработкой варианта подмены покойника Стьюарта самозванцем Парком. Парк оставил предсмертную записку, инсценировав самоубийство, и исчез, чтобы на следующий день появиться здесь в роли сумасбродного старика, деда Бонни.

— Невероятно! — проговорил Жак Бутчер, переводя взгляд с Джуниуса на Парка. — Но почему? Как могли Парк и Джуниус надеяться выйти невредимыми из всей этой авантюры?

— Парк? Мне кажется, я догадываюсь. Парк, как мне стало известно давно от самого Лу, умирает от рака. У него нет ни цента за душой, а его жена

и калека-сын где-то на востоке всецело от него зависят. Он знает, что долго не протянет, а для своей семьи готов на все — такой уж это человек! — лишь бы заработать достаточно денег для их безбедного существования.

Доктор Джуниус? У меня есть некоторые преимущества перед всеми вами: я читал завещание Толленда Стьюарта. В нем он оговаривает выплату доктору ста тысяч долларов, если доктор сумеет продлить ему жизнь до семидесятилетнего возраста. Из текста завещания и даты его написания — оно было составлено, когда старику стукнуло шестьдесят, ровно девать с половиной лет тому назад, — можно судить, что Стьюарт в возрасте шестидесяти девяти с половиной лет. Доктор Джуниус провел почти десять лет своей жизни в сущем аду, чтобы заслужить эти сто тысяч. Он не остановился бы и перед парочкой тривиальных убийств ради достижения этих денег. Но доктор не стал бы рисковать своей шеей, если бы не был уверен, что Стьюарт не доживет до семидесяти. Все это убедило меня, что будучи далеко не здоровым человеком, Стьюарт на самом деле был смертельно болен, и что Джуниус скрывал истину, уверяя всех, будто его пациент всего лишь ипохондрик. Я убежден, что Стьюарт,

скончавшийся скоропостижно, умер от своей старой болезни, а не насильственной смертью или от несчастного случая, поскольку Лу в отношении старика всячески старался избегать случайностей или насилия.

— В вас есть что-то от дьявола! — злобно прошипел доктор Джуниус.

— Мне кажется, эта метафора лучше подходит к вам, — возразил Эллери. — И, конечно, это вы снабдили Лу Бэскома морфием и этаминалом натрия в соответствующей дозе — пустячное дело для медика!

— Я согласился на предложение Бэскома, — тем же злобным шепотом сказал Джуниус, — так как знал, что Стьюарт не выживет. Когда он нанял меня девять с половиной лет тому назад, у него была тяжелая язвенная болезнь. Я упорно лечил его, но у него развился рак, что довольно часто случается. Я чувствовал себя… обманутым; я знал, что он вряд ли доживет до семидесяти. Когда Бэском; связался со мной, я согласился участвовать в его замысле. Бэском тоже знал, что старик умирает. В определенном смысле наши… интересы совпадали; мне нужно было, чтобы Стьюарт дотянул до семидесяти, а Бэскому нужно было, чтобы он оставался в живых, пока Блайт и Бонни

не… — Он замолк и облизал языком пересохшие губы. — Бэском заранее договорился с Парком на случай, если старик умрет преждевременно, что и случилось. У Парка было много времени, чтобы выучить свою коронную роль…

— Скотина! — презрительно бросила Бонни.

Доктор Джуниус больше ничего не сказал; он молча отвернулся к стене. Старик в постели, казалось, уснул.

— А поскольку у Парка тоже рак, — подытожил Эллери, — он тоже долго не проживет, не так ли? Все складывается превосходно! Когда он умрет, никто не заподозрит, что это не Стьюарт; даже вскрытие подтвердит, что он умер от рака, как и следовало ожидать. А к тому времени у него отрастут настоящие волосы вместо парика и гуммозы на лице, как сейчас. О, это был весьма остроумный план! — Он помолчал и заметил: — Меня от него немного тошнит. Вы хорошо спите по ночам, доктор Джуниус?

* * *

Спустя некоторое время Глюке настойчиво вернулся к тревожившему его вопросу:

— Но Бэском ведь не знал, когда умрет старик Стьюарт? Вы так и не ответили мне, каким обра-

зом он намеревался держать его под контролем, пока он был жив? Как он мог быть уверен, что старик не составит новое завещание?

— Очень просто. Существовало старое завещание, ныне действующее. Лу оставалось только проследить — очевидно, с помощью Джуниуса — чтобы старик не имел доступа к собственному завещанию. В таком случае, если бы он даже и составил новое завещание, они всегда могли бы его уничтожить, оставив прежнее в силе.

Когда Стьюарт преждевременно скончался, стало даже проще. Вопрос о новом завещании отпадал сам собой. Парк, играя роль Стьюарта, не мог его составить, даже если бы и захотел. Старое завещание как было, так и остается действующим.

Кстати, я был уверен, что Лу обязательно попадется сегодня в ловушку. С умирающим от рака Парком, чьи дни, а возможно и часы были сочтены, Лу не мог позволить Бонни и Таю исчезнуть на неопределенное время. Если бы Парк умер во время их медового месяца, протекающего неизвестно где, весь замысел Лу потерпел бы провал. Ведь он был основан на том, чтобы скрыть истинные мотивы преступления, для чего Бонни должна была умереть прежде, чем умрет ее дед.

Если бы Лу убил Бонни — и Тая тоже, поскольку ему ничего другого бы не оставалось, — после смерти Парка, выступающего в роли Стьюарта, его мотивы были бы яснее ясного и выдали бы его с головой. Поэтому я был уверен, что он пойдет на любой риск, чтобы расправиться с Бонни и Таем прежде, чем они исчезнут надолго в неизвестном направлении, и пока Парк еще жив.

Эллери вздохнул и закурил новую сигарету. Никто не произнес ни слова, пока инспектор Глюке с неожиданной тревогой в глазах не окликнул:

— Парк! Эй, вы там — Парк!

Но старик в постели ничего не ответил, — он даже не шевельнулся и ни единым жестом не дал понять, что слышит.

Эллери и Глюке одновременно бросились к кровати. Затем они выпрямились, даже не прикоснувшись к старику, потому что в его безвольно лежащей сморщенной руке заметили маленький пустой флакончик; старик был мертв.

А доктор Джуниус отвернулся от стены и съежился в кресле, хныкая, как ребенок.

Глава 23
Конец начала

Когда Эллери воскресным вечером повернул ключ в своем номере и вошел, захлопнув за собой дверь, швырнув в сторону шляпу и пальто и погрузившись в самое глубокое кресло, он чувствовал себя совершенно опустошенным. Все кости его болели, и голова тоже. Так приятно было просто сидеть здесь, в тихой спокойной гостиной, и не думать ни о чем.

Он всегда чувствовал себя так после завершения трудного дела — усталым, вялым, полностью утратившим жизненную энергию.

Инспектор Глюке снова рассыпался в грубоватых восхвалениях; были приглашения, благодарности, теплый поцелуй Бонни и молчаливое крепкое рукопожатие Тая. Но он сбежал от всего этого, чтобы побыть одному.

Эллери медленно закрыл глаза.

Чтобы побыть одному?

Это было не совсем так. Черт побери, опять он анализирует! Но на сей раз его мысли концентрировались вокруг более приятного предмета,

чем убийства. Каковы его чувства к Поле Пэрис? Жалеет ли он ее из-за ее странного душевного расстройства, потому что она сидит взаперти в своих уединенных комнатах и лишает мир возможности наслаждаться общением с нею? Жалеет? Нет, только не это. Если быть откровенным, ему даже нравится, когда он бывает у нее, чувствовать, что они одни, что весь мир отгорожен от них. Почему так происходит?

Эллери застонал; голова уже не просто болела, она раскалывалась на части. Он занимается пустыми рассуждениями, как мальчишка! Надо же изводить себя таким образом! К чему эти мысли? Что в них хорошего? По-настоящему счастливые люди не держат мысли в своих головах. Поэтому-то они и счастливы!

Он со вздохом поднялся с кресла и снял пиджак; во время этих манипуляций у него из кармана выпал бумажник. Эллери нагнулся за ним и вспомнил о конверте, который лежал в бумажнике. Странно, что он совсем забыл о нем в суматохе последних двадцати четырех часов!

Эллери достал конверт из бумажника, с удовольствием ощупывал его гладкую поверхность. Отличное качество! Качество — вот что самое главное! А Пола представляла собой особую,

уникальную коллекцию человеческих качеств, нежных, милых, застенчивых, безмолвно взывающих к лучшим проявлениям души!

Он усмехнулся и разорвал конверт. Догадалась ли она в самом деле, кто убил Джека Ройла и Блайт Стьюарт?

На бумаге четким и разборчивым почерком Полы Пэрис было написано:

«Милый дурачок! Неужели вы не знаете, что женщина способна интуицией постичь то, что требует от мужчины зигфридовских[64] усилий его интеллекта? Конечно, это Лу Бэском. Пола.»

«Черт побери ее непостижимую проницательность!» — сердито подумал он. Не следовало бы ей быть так насмешливо-язвительной! Он схватился за телефон.

— Пола? Это Эллери. Я только что прочел вашу записку…

— Мистер Квин! — проворковала в трубку Пола. — Герой вернулся с войны. Я полагаю, мне следует передать вам поздравления, причитающиеся победителю?

— О, пустяки! Нам просто повезло, что все так

---

[64] Примечания: 64

Зигфрид — герой древнегерманских легенд и преданий, на основе которых написана знаменитая оперная тетралогия Рихарда Вагнера «Кольцо Нибелунгов».

удачно сложилось. Однако Пола, по поводу вашей записки…

— Мне едва ли нужно сейчас открывать ваш конверт.

— Но я открыл ваш, и должен сказать, что вы совершенно точно попали в цель, я в абсолютном мраке. Каким образом…

— Вы бы могли также. — прозвучал в трубке мелодичный голос Полы, — поздравить и меня!

— Ну да, конечно! Поздравляю. Но не в этом дело. Догадки! Вот в чем суть. Куда они могут завести? Да никуда!

— Неужели вы столь непоследовательны? — засмеялась Пола. — Ответ у вас в руках. К тому же это не просто результат предположений и догадок. За ними были и определенные веские основания, о Всезнающий!

— Основания? А, перестаньте!

— Я и вправду не понимала, зачем Лу делал это — его мотивы, побуждения и тому подобное; убийство Джека совсем не вписывалось в общую картину… вам придется все это растолковать мне…

— Но вы только это сказали, — простонал Эллери, — что у вас были веские основания!

— Женские основания! — Пола на секунду за-

молкла. — Но неужели мы должны обсуждать этот вопрос по телефону?

— Вы только скажите мне!

— Да, сэр. Видите ли, я хорошо знала, что собой представлял Лу Бэском, и сразу обратила внимание па то, что характер Лу абсолютно точно совпадает с характером преступления.

— Как это?

— Ну, Лу был человеком идеи, верно? Он блестяще придумывал, но осуществлял совершенно бездарно — это было характерно не только для него, но и для его действий.

— И что из того?

— Но ведь все преступление, если посмотреть на него с моей точки зрения как раз таковым и являлось — блестяще задуманным и бездарно выполненным!

— Вы хотите сказать, — пробормотал Эллери, — что подобного рода чепуха и есть ваши основания?

— О, но ведь это правда! Вы хоть раз посмотрели на все события со стороны? — вкрадчиво проговорила Пола. — Идея с игральными картами была великолепно задумана: необычная, загадочная, фантастическая — истинная идея Лу Бзскома! — но как она была выполнена? В этом

весь Лу! Затем хитрая ловушка для Джека, такая же впоследствии для Тая… ловушки, которые вообще не сработали! А эта неуклюжая затея с подпиливанием литер на пишущих машинках? Чистая бездарность!

— О Боже! — простонал Эллери.

— И еще целая дюжина явных указаний. Корзинка с термосами, например. Предположим, ее бы не доставили вовремя? Предположим, ее в сутолоке забыли бы на летном поле? Или предположим, что Джек и Блайт были бы настолько увлечены друг другом, что не стали бы пить коктейли, даже если бы и захватили их с собой в самолет? Или предположим, один из них выпил, а другой нет? Все страшно неопределенно, рискованно, Эллери, так плохо продумано. А вот Жак Бутчер, будь он преступником, ни за что бы…

— Ладно, ладно, — прервал ее Эллери. — Вы меня убедили — то есть, совсем наоборот. Вы увидели блестящую идею с фантастической подоплекой и бездарным исполнением, а поскольку и сам Лу был таким, то вы решили, что это он и есть. Порекомендую-ка я этот метод Глюке: он будет в восторге! А теперь, мисс Пэрис, как насчет расплаты за пари?

— За пари… — обескураженно проговорила

Пола.

— Вы сказали, что я никогда не поймаю преступника. Так вот: я его поймал, следовательно, я выиграл, и вы должны пригласить меня в клуб «Подкова»!

— О! — сказала Пола и надолго замолкла. Он явственно ощущал ее панический страх, передававшийся по проводам. — Но… но пари заключалось не в этом, — заявила она наконец с отчаянием в голосе. — Мы поспорили, что вы разоблачите его перед законом, передадите его в руки правосудия. Вы этого не сделали. Он улизнул от вас — совершил самоубийство, пытаясь бежать, но его парашют не раскрылся…

— Э нет, не выкручивайтесь! — твердо возразил Эллери. — Не пытайтесь уклониться от расплаты, мисс Пэрис. Вы проиграли, и должны рассчитаться за проигрыш!

— Но Эллери, — взмолилась она, — я не могу! Я… я уже много лет не ступала за порог моего дома. Вы не представляете, насколько сама мысль об этом заставляет меня дрожать от ужаса и…

— Бы приглашаете меня в клуб сегодня вечером.

— Мне кажется… я уверена, что упаду в обморок, или со мной случится нечто подобное. Я

понимаю, все это звучит достаточно глупо для нормального человека, — воскликнула она, — но как люди не могут понять? Они бы поняли, если бы у меня была корь или ветрянка. А это тоже болезнь, только не органическая. Это болезнь толпы…

— Одевайтесь, иначе вы не успеете!

— А мне нечего надеть, — торжествующе заявила она. — То есть, нет вечерних туалетов. У меня никогда не было случая надевать их. Даже… даже накидки нет…

— Я уже переодеваюсь. Буду у вас в восемь тридцать.

— Эллери, не надо!

— В восемь тридцать!

— Пожалуйста! О, пожалуйста, Эллери…

— В восемь тридцать, — непреклонно повторил мистер Квин и повесил трубку.

* * *

Ровно в половине девятого мистер Квин появился перед парадным входом в очаровательный белый дом на Холмах, и хорошенькая девушка отворила ему дверь. Мистер Квин с некоторым трепетом заметил, что глаза юной леди сияют, а щеки розовы от возбуждения. Девушка бы-

ла одной из очаровательных фей-секретарш мисс Полы; она с ревностной придирчивостью окинула взглядом его затянутую во фрак стройную фигуру, точно строгая мать, встречающая впервые явившегося с визитом ухажера своей любимой дочери.

«Что за ерунда! — возмутился про себя мистер Квин. — Ну-ка, с дороги, красавица!»

Но красавица восторженным шепотом произнесла:

— О, мистер Квин, это просто чудесно! Вы думаете, она решится?

— Конечно, решится, — небрежно ответил мистер Квин. — Вся болтовня о толпофобии — сплошной вздор! Ерунда! Где она?

— Она и смеется, и плачет — о, она просто прелестна! Погодите, когда увидите ее! Это самое невероятное чудо из всех, когда-либо происходивших с ней! Я надеюсь, ничего не…

— Ладно, ладно, — ворчливо оборвал ее Эллери. — Хватит болтать, милая! Дайте-ка мне самому взглянуть на эту прелесть!

Тем не менее, к двери Полы он приблизился с замирающим сердцем. Что с ним происходит? Вся эта суета и нервотрепка из-за такой мелочи, как посещение ночного клуба?

Он постучался, и озабоченная секретарша испарилась, а мелодичный голос Полы робко произнес из-за двери:

— Входите… входите, пожалуйста!

Мистер Квин поправил свой черный галстук, откашлялся и вошел.

Пола стояла, высокая и напрягшаяся, на фоне закрытой стеклянной двери в противоположной стене, молча глядя на него. Руки ее в браслетах и красных перчатках до локтей были прижаты к груди. На ней была надета, переливаясь и сверкая в тех местах, на которые падал свет — ткань или чистое золото? Длинная накидка из белого пушистого меха была схвачена у подбородка великолепной маркизетовой[65] брошью. Прическа напоминала придворного пажа елизаветинской эпохи. Одним словом — совершенство с головы до ног!

— Святые угодники! — пробормотал Эллери.

Она стояла бледная, с побелевшими губами.

— Как я… как я выгляжу?

— Вы выглядите, — благоговейно произнес мистер Квин, — как один из ангелов. Вы выглядите, — сказал мистер Квин, — как популярное пред-

---

[65] Примечания: 65

Марказит — лучистый колчедан из класса сульфидов, представляет собой латунно-желтые прозрачные кристаллы.

ставление о Клеопатре, хотя у Клеопатры был горбатый нос и вероятно темная кожа, а ваши нос и кожа… Вы выглядите, — сказал мистер Квин, — как одно их тех божественных созданий с Альдебарана или откуда-то там еще, которых любил описывать Герберт Дж. Уэллс[66]. Вы выглядите отлично!

— Не говорите глупостей! — слегка сердито сказала Пола. — Я имею в виду одежду.

— Одежду? Одежду! Кстати, мне помнится, вы сказали, что у вас нет никаких вечерних туалетов. Лгунья!

— Не было и нет, поэтому я и спрашиваю, — возразила она. — Мне пришлось одолжить накидку у Бесс, платье у Лилиан, а туфли у соседки через несколько домов отсюда, у которой такой же размер обуви, как у меня. Я чувствую себя настоящей коммунисткой! Правда, Эллери, вы уверены, что так сойдет?

Эллери решительным шагом пересек комнату. Пола съежилась, прижавшись к стеклянной двери.

— Эллери… Что вы собираетесь…

— Позвольте предложить самой прелестной

---

[66] Примечания: 66

Уэллс Герберт Джордж (1866–1946) — английский писатель-фантаст.

даме из всех известных мне, — с пылкой галантностью произнес мистер Квин, — вот это!

И он протянул ей небольшую целлофановую коробку, в которой лежал очаровательный букет из белых камелий.

— Ах! — воскликнула Пола и добавила мягче: — Как это любезно! — Внезапно напряжение оставило ее; она стала естественнее, раскованнее и непосредственнее, когда быстрыми ловкими движениями приколола букет к своему корсажу.

А мистер Квин, проведя языком по пересохшим губам, сказал:

— Пола…

— Да?

— Пола… — снова сказал мистер Квин.

— Да? — нахмурившись, взглянула она на него.

— Пола, вы позволите… Можно мне… А, черт возьми, единственный способ сделать это — просто взять и сделать!

Он схватил ее и прижал к своей накрахмаленной сорочке так тесно, как только позволила сорочка, и неуклюже поцеловал ее в губы.

Пола неподвижно лежала в его объятиях, закрыв глаза и учащенно дыша. Затем, не открывая глаз, она проговорила:

— Поцелуйте меня еще…

Спустя некоторое время мистер Квин хрипло пробормотал:

— Я подумал… давайте никуда не пойдем, а скажем, будто мы ушли. Давайте… ну, останемся здесь!

— Да, — прошептала она. — О, да!

Но у Эллери дута была из стали. Он твердо отбросил прочь искушение:

— Нет, мы уйдем отсюда! В этом весь смысл вашего лечения!

— О, я не могу! Я хочу сказать… мне кажется, я не смогу…

Мистер Квин взял ее за руку и провел через всю комнату к запертой двери.

— Откройте дверь, — сказал он.

— Но я… я сейчас в таком беспорядке!

— Вы прекрасны. Откройте дверь!

— Вы и вправду этого хотите?.. Открыть ее?

— Откройте ее сами! Собственными руками!

Два испуганных чертенка выглянули из ее широко раскрытых печальных глаз. Пола судорожно глотнула, словно маленькая девочка, и ее рука в алой перчатке нерешительно протянулась к дверной ручке. Она в отчаянии посмотрела на Эллери.

— Откройте ее, дорогая, — тихо сказал мистер

Квин.

Пальцы ее медленно повернули дверную ручку до упора. Затем торопливо, словно маленькая Лулу, решившаяся проглотить свою порцию рыбьего жира, Пола зажмурилась и распахнула дверь.

И все еще не раскрывая глаз, она на ощупь шагнула через порог в открытый мир.

